

- [Книга Притч Соломоновых](#)
 - [О КНИГЕ ПРИТЧЕЙ СОЛОМОНОВЫХ](#)
 - [КНИГА ПРИТЧЕЙ СОЛОМОНОВЫХ](#)
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [Глава VI](#)
 - [Глава VII](#)
 - [Глава VIII](#)
 - [Глава IX](#)
 - [Глава X](#)
 - [Глава XI](#)
 - [Глава XII](#)
 - [Глава XIII](#)
 - [Глава XIV](#)
 - [Глава XV](#)
 - [Глава XVI](#)
 - [Глава XVII](#)
 - [Глава XVIII](#)
 - [Глава XIX](#)
 - [Глава XX](#)
 - [Глава XXI](#)
 - [Глава XXII](#)
 - [Глава XXIII](#)
 - [Глава XXIV](#)
 - [Глава XXV](#)
 - [Глава XXVI](#)
 - [Глава XXVII](#)
 - [Глава XXVIII](#)
 - [Глава XXIX](#)
 - [Глава XXX](#)
 - [Глава XXXI](#)
 - [Примечания](#)

**Толковая Библия
или комментарий на все книги
Священного Писания
Ветхого и Нового Заветов
А. П. Лопухина.**

Книга Притч Соломоновых

О КНИГЕ ПРИТЧЕЙ СОЛОМОНОВЫХ

Книга Притчей Соломоновых в еврейской Библии помещается в третьей части библейского канона среди так называемых *кетубим* или агиографов и в ряду их занимает второе место — после книги псалмов и пред книгой Иова. Еврейское название книги Притчей: *Мишле-Шеломо* или обычнее просто *Мишле* как и греческое LXX-ти: Παροιμίαι Σαλωμώντος, и латинское Вульг.: *Parabolaе Salomonis* или *liber proverbiorum* и под. указывают на преобладающую форму изложения этой священной книги, содержание которой составляют именно *притчи*, т. е. в большинстве случаев отрывочные, афористические, иногда же связные, в последовательном порядке (обнимающем целые отделы) изложенные изречения, в которых предлагаются то умозрительные истины — главным образом религиозного свойства напр. о Боге, Его свойствах, Его мироуправлении, о Божественной (Ипостасной) Премудрости и проч., то — чаще всего — разнообразные правила практической мудрости, благоразумия и благоповедения в жизни религиозно-нравственной, общественной, семейной, трудовой, хозяйственной и т. д., то — иногда — опытные наблюдения над ходом жизни, дел и судеб человека и мира; словом «притчи» обнимают или захватывают всю совокупность вопросов знания и жизни представлявшихся наблюдению и размышлению древнего еврея — теократа, в своем духовном складе определявшегося законом Моисеевым и своеобразным характером древнееврейской ветхозаветной истории. Основное значение еврейского *машал*: «сравнение», «подобие», т. е. речь не с буквальным только смыслом, но и с переносным, речь, в которой явление, например, нравственного миропорядка уясняется через сравнение с явлением мира физического (ср. Иез XVII:2; XXIV:3; [Притч XXV:11](#)). Сравнение при этом принимает неодинаковые формы, откуда и получаются различные виды притчей: 1) притчи синонимические; вторая половина стиха повторяет мысль первой, только в несколько другой форме ([Притч XI:15](#), [XV:23](#) и др.); 2) *антитетические*, в них второе полустихие выражает обратную сторону данной в первой строке истины, или прямую противоположность ее ([X:1](#), [4](#); [XVIII:14](#)); 3) притчи *параболические*, соединяющие в себе элементы притчи синонимической и антитетической: они представляют нечто сходное в совершенно различных родах явлений особенно явления этических и физических, причем первая строка стиха представляет какой-либо штрих из картин природы, а вторая — какую-нибудь этическую истину, первое полустихие представляет, так сказать, аллегорическую картину, а второе — объяснительную подпись к ней (напр. [XI:22](#); [XXV:11](#)).

Из такой искусственной формы притчей само собой следует, что они отнюдь не могут быть отождествляемы или сближаемы с народными пословицами, каких много бывает у всякого народа (у греков: собрание притчей семи мудрецов, поэтов и Пифагора; у римлян — Катона, Ю. Цезаря), особенно же было много у народов древнего Востока, напр. у арабов (собрания притчей, как произведений народной мудрости, у арабов были известны под именем — Абу абайда и Майдани). Напротив, в собрании притчей Соломоновых даны опыты именно одного или нескольких мудрецов — обнять истины религии или общие мудрости в применении к возможным многообразным частным случаям жизни и выразить их в кратких, остроумных и удобозапоминаемых изречениях (ср. Толков. Библ. т. II, с. 383), которые, не имея тесной логической связи между собой, располагаются лишь во внешней связи друг с другом.

Хотя бесспорно, что «притчи» суть, в некотором смысле, продукт субъективного творчества мудреца, продукт самостоятельного упражнения мудреца в законе, но однако совершенно недопустима мысль некоторых западных библеистов, будто мудрость книги Притчей не имеет связи с религией народа Божия, даже стоит в противоречии с нею;

напротив, религия составляет основную почву всех изречений книги Притчей, закон Моисеев — основное предположение всех нравоучительных и других идей этой книги: откровение Божественное — неизменный источник всей богопросвещенной мудрости священного приточника. Отсюда притчи Соломоновы от других восточных притчей отличаются именно своим религиозным направлением и отпечатлевшимся на них характером откровения, из которого они проистекают, а вследствие этого — характером чистоты, определенности и безошибочности, с какими здесь поняты все отношения жизни и возведены к познанию определенного Богом назначения человека.

Совокупность изречений, содержащихся в книге Притчей, составляет так называемую «мудрость», евр. хокма. Эта мудрость, изрекаемая разными мудрецами, есть самостоятельная и самодетельная Сила, говорящая через мудрецов, дающая им и всем ведение откровенной истины ([XXIX:18](#); «без откровения свыше народ не обуздан, а соблюдающий закон блажен»). Все учение книги Притчей есть слово Иеговы или закон Иеговы: частнее, оно исходит от лица вечной Премудрости сотворившей мир ([VIII:27-30](#); см. [III:19](#)), и еще до творения мира бывшей у Бога ([VIII:22-26](#)), всегда близкой к сынам человеческим ([VIII:31](#)), в Израиле же нарочито всенародно проповедующей во всех местах общественных собраний ([I:20-21](#); [VIII:1-4](#)), выслушивающей молитвы просящих ([I:28](#)), изливающей дух мудрости на принимающих ее ([I:23](#)), словом — личной или ипостасной Премудрости Божией.

Существенный характер мудрости, которой научает книга Притчей, как и вся так называемая хокмическая священная библейская письменность (некоторые псалмы: XXXVI, XLIX, LXXII..., книга Иова, кн. Екклесиаста, кн. Иисуса, сына Сирахова), слагается из двух основных черт. Эта мудрость, во-первых, всецело зиждется на религиозной основе и есть в существе своем истинное боговедение и богопочтение: «начало мудрости — страх Господень» ([I:7](#)); «начало мудрости — страх Господень, и познание Святаго — разум» ([IX:10](#)). Мудрость эта, во-вторых, имеет прежде всего и главным образом практический характер: тогда как в пророческих писаниях весьма много места уделяется речам о судьбах народа Божия, о его верованиях и пр., в книге Притчей весь этот теоретический элемент является лишь основой, предположением всех суждений свящ. писателя, главный же предмет его речи всегда образует практическая жизнь теократического общества и отдельного члена его по руководству закона Иеговы. Существует *путь Господень* и этот путь — *твердыня для непорочного, и страх для делающих беззаконие* ([X:29](#)). Источник всякой истинной мудрости — в законе Иеговы: «От Господа направляются шаги человека; человеку же как узнать путь свой?» ([XX:24](#)). Соответственно тому, следуют ли люди пути Иеговы или уклоняются от него, все человечество разделяется на мудрых и глупых, т. е. расположенных к принятию закона Божия и следованию путем его, — людей благочестивых, и пытающихся на место общей для всех воли Божией поставить свою частичную волю и тем нарушающих гармонию мира, — людей нечестивых и грешных (см., напр., [X:23](#)). При этом неизбежным, по суду Божьему, следствием добродетели является благо и счастье, а нечестия и греха — всякого рода бедствия (см., напр., [XII:21](#); [XXI:18](#)). Из этого основного принципа истекают все многочисленные наставления книги Притчей, обнимающие все разнообразие жизненных и житейских отношений человека. В целом совокупность изречений книги Притчей представляет собой как бы особенное нравственное законодательство, параллельное законодательству Моисея. Но если книги Моисея, по самому назначению своему в качестве законоположительных книг, обращают преимущественное внимание на развитие национальных форм гражданской и религиозной жизни евреев, как исключительно богоизбранного народа, то законодательство книги Притчей стоит на универсальной точке зрения (в целой книге ни разу не упомянуто имя

Израиля) и ставит целью, рядом с специфическими чертами библейского еврейства, развивать еще и общечеловеческие стороны духовной жизни, общее гуманитарное направление к истине и добру. Понятие мудрости — в смысле книги Притчей — не ограничивается одними религиозностью, набожностью, благочестием, но обнимает жизнь еврея-теократа во всем разнообразии, по всем направлениям и во всех отношениях, так, например, в понятие мудрости необходимо входят: рассудительность, пронизательность, осмотрительность, художественные дарования и мн. др. Сходясь в отношении преобладающего законодательного содержания с книгами закона Моисеева и отличаясь этим от писаний исторических и пророческих, книга Притчей имеет то сходство с последними, что моральный элемент в ней, как и у пророков, решительно преобладает над богослужебнообрядовым, культовым. Но ни о каком якобы враждебном отношении философии книги Притчей к закону Моисееву (что допускал напр. *I. F. Bruch, Weishertslehre der Hebraer. Ein Beitrag zur Geschichte der Philos. Strassburg. 1851*) не может быть речи. Напротив, закон Моисея в моральном законодательстве кн. Притчей нашел новую точку опоры, поскольку развитие общечеловеческих гуманных добродетелей должно было смягчать жестокий дух народа и располагать его к исполнению и заповедей закона, притом решение моральных вопросов книга Притчей дает только в духе закона. Справедливо, поэтому, иудейская традиция (Мидраш на кн. Песн III:2) утверждала, что Соломон, переходя постепенно от изречения к изречению, от сравнения к сравнению, этим путем исследовал тайны торы, и даже, что до Соломона никто не понимал надлежащим образом слов торы [1]. Если же в Притч [XXI:3](#), [27](#) правосудие и добрые дела ставятся выше жертвы, то это отнюдь не есть протест против Моисеева закона (авторитет которого, напротив, всячески охраняется в книге Притчей, см. [XXVIII:9](#): «кто отклоняет ухо свое от слушания закона, того и молитва — мерзость»), а лишь уяснение его смысла — такое же, какое во всей силе и неоднократно находим у пророков (см. 1 Цар XV:22; Ис I:10–20; Ос VI:6). Так как по воззрению самой книги Притчей, для уразумения ее наставлений и советов требуются: известная мудрость, развитой смысл и чувство человеческого достоинства, то законодательство кн. Притчей, как и наша морально-христианская философия, первоначально назначалось собственно для интеллигенции народа, прежде всего для самих правителей народа (как видно из многих мест книги, уроками ее назидались прежде и более всего наследники Соломона).

Судя по всему содержанию книги Притчей, как учению о мудрости, равно как уже по самому надписанию книги гл. I, ст. [2–6](#), в котором она называется между прочим мудростью и словами мудрых, следует считать древним названием книги, параллельным общепринятому «Притчи», евр. *Мишле*, другое: «книга мудрости или премудрости», евр. *сефер Хокма*. С таким именем книга эта была известна уже в древнееврейском предании (в Талмуде см. тосефту к тр. *Baba batra* 14b), а оттуда имя это перешло и в христианское, древне-церковное предание. Хотя Ориген употребляет только название «Притчи», когда передает евр. *Мишле* греческой транскрипцией Μισλῶθ , но более обычным у древних церковных учителей названием нашей книги были σοφία , πανάρετος σοφία . Так, св. Климент Римский (1 Посл. к Кор LXVII:3), приводя место Притч I:23–33, выражается: $\text{οὕτως γάρ λέγει ἡ πανάρετος σοφία}$. Мелитон Сардийский (у Евсевия Кесарийского, Церковная История, кн. IV, гл. 26, § 13) приводит оба названия книги, как равно употребительные: $\text{Σολομώνου παροιμίαι, ἡ καὶ Σοφία}$. По свидетельству церковного историка Евсевия (Ц. Ист. кн. IV, гл. 22, § 9), не только цитируемые им Мелитон Сардийский, Егезипп и св. Иринея Лионский, но и вся древность христианская называла притчи Соломоновы всесовершенной мудростью, πανάρετος σοφία ($\text{ὁ πάς τῶν ἀρχαίων χόρος πανάρετος σοφία τὰς Σολομώνος παροιμίας ἐκάλουν}$) и, по мнению Евсевия,

такое название происходило «из неписанного иудейского предания» (ἔξ Ἰουδαϊκῆς ἀγραφοῦ παραδόσεως). Название «книга Премудрости», без сомнения, более приличествует книге Притчей Соломоновых, чем двум неканоническим учительным книгам: «Книга Премудрости Соломона» и «Книга Премудрости Иисуса сына Сирахова». И даже в сравнении с двумя каноническими книгами — книгой Иова и книгой Екклезиаста, обыкновенно причисляемыми к хокмической библейской письменности, т. е. содержащей в себе раскрытие учения о премудрости, — книга Притчей имеет преимущество полноты, цельности и законченности раскрытия учения о мудрости.

В греческой, славянской и русской Библии, как и в Вульгате, книга Притчей принадлежит к седемьрице свящ. книг — кн. Иова, Псалтирь, Притчи Соломоновы, Екклесиасти, Песнь Песней, Премудрость Соломона и Премудрость Иисуса сына Сирахова, — которые по своему содержанию именуется *учительными* книгами (Православный Катехизис) или *премудростными*, понеже в них разуму и истинней премудрости научаемся (Предисл. к первопечатной Слав. Библии), а по форме своего изложения *стихотворными* (свв. Григорий Богослов, Кирилл Иерусалимский, Иоанн Дамаскин и др.), т. е. в широком смысле поэтическими, частнее в изложении своем всюду представляющими так называемый параллелизм членов (о видах этого параллелизма в книге Притчей мы сказали выше).

Происхождение и состав книги Притчей. Творцом притчей в Притч I:1 называется царь Соломон. И христианская древность признавала книгу Притчей единым произведением одного Соломона, как книга псалмов известна была с именем Давида. В пользу авторства Соломона в отношении книги Притчей говорят как внешние библейские свидетельства, так и внутренний характер приточной мудрости кн. Притчей. По 3 Цар IV:32, Соломон изрек три тысячи притчей (*и песней его было тысяча и пять*). Иисус, сын Сирахов, прославляя мудрость Соломона, между прочим, взывает к нему *«душа твоя покрыла землю, и ты наполнил ее загадочными притчами... за песни и изречения, за притчи и изъяснения тебе удивлялись страны»* (XLVII:17, 19). Слава о мудрости Соломона, и по свидетельству 3-ей книги Царств (IV:34; X:1 сл.), распространилась очень далеко, и мудрость его, служа предметом удивления окрестных народов, впоследствии сделалась у них сюжетом для разного рода легенд и сказочных произведений поэзии. Правда, те 3000 притчей, которые, по 3 Цар IV:32, изрек Соломон, не могут быть отождествляемы с канонической книгой Притчей, ни по количеству своему, ни по самому характеру и содержанию, в целой книге Притчей не более 915 стихов, и следовательно большинство из 3000 притчей Соломона не могли войти в книгу Притчей: притом, судя по 3 Цар IV:34, притчи и вообще мудрость Соломона, выражались более всего в познании природы и отдельных ее явлений и под.; напротив, в книге Притчей притчей такого рода не имеется, а преобладают жизненно-практические и особенно религиозно-нравственные мотивы. Не лишено, поэтому, значения предположение, что в книгу Притчей вошла лишь некоторая, избранная часть всех притчей Соломона, характера преимущественно религиозно-нравственного. Трехжды повторяемое в книге Притчей надписание «Притчи Соломона» ([I:1](#); [X:1](#); [XXV:1](#)) представляет, во всяком случае, важное свидетельство в пользу происхождения, по крайней мере, большей части книги Притчей от Соломона. Некоторые частные черты и указания содержания книги Притчей своим соответствием личности и обстоятельствам жизни Соломона свидетельствуют в пользу происхождения от него кн. Притчей. Здесь, напр., весьма часто повторяется совет уклоняться от распутной женщины и распутства, вообще остерегаться от увлечений женщиной ([V:18](#), [20](#); [VI:24-35](#); [IX:16-18](#); [XVIII:23](#)). Советы эти напоминают читателю историю падения Соломона через женщин (3 Цар XI:1 сл.): естественно видеть в этих советах предостережение от той же опасности, какой подвергся

сам мудрый приточник. В книге Притчей, далее, весьма много говорится о царской власти, о благах правления мудрого царя ([XXVIII:16](#)), помазанника Божия и провозвестника правды Божией ([XXI:1](#); [XVI:10–12](#)), милости и истины ([XX:28](#)), о гневе его на нечестивых и о благодеяниях для праведных ([XIX:12](#); [XX:2](#); [XXII:11](#)); о правителях мудрых и глупых, об их советниках и характере их правления ([XI:11–14](#); [XIV:28](#); [XXV:1–8](#); [XXVIII:2](#); [15–16](#)). И здесь можно видеть плод государственного опыта мудрого еврейского царя — Соломона, всецело преданного народоправлению и опытно познавшего как светлые, так и темные стороны царского служения. Равным образом, свидетельство Приточника о себе самом, как о любимом сыне отца и матери, как сыне, которого отец тщательно научал закону Божьему ([IV:3–4](#)), точно приложимо к Соломону: о научении Давидом Соломона хранению закона говорит 3 Цар III:2 (см. Толков. Библия. т. II (СПб., 1905) с. 368).

Но наряду с указанными внешними и внутренними свидетельствами происхождения книги Притчей от Соломона, имеется другой ряд данных, тоже то внешних, то внутренних, наличие которых требует ограничения писательства Соломона только известной, хотя бы и самой значительной, частью книги. Именно, в книге Притчей, кроме общего надписания в начале книги ([I:1](#)), имеется еще шесть других надписаний, которыми книга разделяется на несколько неодинакового объема характера — отделов, и некоторые из этих отделов, по-видимому, не принадлежат Соломону, как писателю, а произошли позднее Соломона и от других лиц. На этих других писателей есть некоторое указание уже в начале книги [I:6](#), где упомянуты «слова мудрецов и загадки их» (*дибре — хакаим вехидотам*) в качестве одной из составных частей содержания книги Притчей. Затем в гл. X, ст. [1](#) по еврейскому масоретскому тексту, и латинскому переводу блаж. Иеронима, как и по русскому синод. и архим. Макария, имеется надпись «Притчи Соломона»: этой надписью, по-видимому, отмечается новый период в приточном творчестве Соломона, причем новый отдел с X:1 по XXII:16 — заметно отличается от первого раздела книги гл. I–IX: если в первом отделе изложено связной периодической речью учение о мудрости и побуждениях к ней, то во втором отделе речь приточника построена в форме кратких, афористических суждений по принципу, большей частью, антитестического параллелизма. Многие западные библейские комментаторы (во главе с известным Евальдом), на основании такой афористической формы речи в отделе X, I–XXII:16, почитали этот отдел древнейшей частью книги Притчи, принадлежавшей перу самого Соломона, тогда как первый отдел гл. I–IX с его необычайно планомерным развитием мыслей, западной библейской экзегетикой считается самой поздней частью книги, не только по характеру и содержанию, но и хронологически близкой к книге Иисуса сына Сирахова. Но различие формы речи, само по себе, не дает основания считать первый и второй отделы книги разновременными и принадлежащими разным писателям; гений Соломона естественно располагал многообразием форм выражения мыслей: оставаясь на библейской почве, мы, во всяком случае, должны признать всю часть книги гл. I–XXII:16 Соломоновым произведением. Иначе обстоит дело с последующими отделами книги. Так, отделы: *третий*, XXII:17 (слав. 18) — XXIV:22 и *четвертый*, XXIV:23–34, судя по надписаниям, принадлежат каким-то, не названным по имени, мудрецам; возможно, что эти мудрецы были современниками Соломона, даже принадлежали к его школе, в роде упомянутых в 3 Цар IV:31 Ефана, Емана, Халкола и Дарды. *Пятый* отдел книги или *третью* главную ее часть образуют, гл. XXV–XXIX, «притчи Соломона, которые собрали (евр.: *ge'tiku*. LXX: ἐξεγράψαντο, Vulg.: transtulerunt) мужи Езекии царя Иудейского», ([XXV:1](#)), в которых обычно видят пророка Исаию, а также Елиакима, Севну и Иоаха (4 Цар XVIII:26); таким образом в этом отделе заключаются притчи, хотя и происходящие от Соломона, но настоящий вид получившие лишь спустя 300 лет после

Соломона — от ученой коллегии богопросвещенных мужей Езекии, собравшей эти притчи из архивных записей (соответственно чтению LXX-ти) или даже из устного предания. В XXX гл., по еврейскому надписанию, заключаются притчи Агура, сына Иакеева, к неким Ифиилу и Укалу (ст. 1). У LXX эти имена переданы нарицательно, отчего значение надписания стих [1-й](#) гл. XXX утратил. Блаж. Иероним тоже передает евр. надписание нарицательно: Verba congregantis filii vomentis, причем под первым разумеется Соломон, как собиратель мудрости, а под вторым Давид, отрыгавший слово благо (Пс XLIV:2). Но нарицательное понимание собственного имени лица, притом имеющего отчество («Иакеева»), едва ли допустимо. Соломон же даже и в аллегорическом его названии Екклесиаст, назван сыном Давида (Еккл I:1); остается видеть в Агуре неизвестного мудреца. Гл. XXXI, [ст. 9](#) заключает наставление некоего царя Лемуила, преподанные ему матерью его. В этом имени обычно видят символическое имя или Соломона (блаж. Иероним) или Езекии (Абен — Ездра, проф. Олесницкий). Ст. [10-31](#) заключают алфавитно (акростихом) составленную похвалу добродетельной жене. Ввиду свидетельства 3 Цар IV:32, что Соломон написал более 1000 песней, и очевидного сходства «песни» добродетельной жене с несомненно Соломоновыми притчами (напр. ср. [ст. 10](#) и [XII:4](#); [XI:16](#); [XIV:1](#); [XVIII:23](#); [ст. 20](#) и [XIX:17](#); [XXII:9](#); [ст. 22](#) и [VII:16](#); [ст. 30](#) и [XI:22](#)), естественно считать эту похвалу происходящую от Соломона, только положение ее в конце книги, по-видимому, говорит за более позднее происхождение этого отдела.

Таким образом, из надписаний книги — этих самосвидетельств книги о себе самой — узнаем, что писателями ее были Соломон, Агур, Лемуил и некоторые другие, не названные по имени, мудрецы. Если же на основании общего надписания [1:1](#) книгу Притчей называют именем Соломона, то эта надпись и это название — метонимия, так как с именем мудрости всегда соединялось, как и теперь у нас, имя Соломона, мудрейшего из людей; книга Притчей должна или может называться Соломоновой в том же смысле, как и всю Псалтирь называли и называют Давидовой, т. е. в смысле преимущественного и главнейшего авторства Соломона в этой области. Весь состав нынешней книги Притчей существовал уже ко времени царя Езекии, общество друзей которого, по свидетельству [XXV:1](#), издало в свет всю книгу Притчей, — по неточному выражению Талмуда (*Bababatra* 15a), написало книгу Притчей, — точнее, редактировало ее, придало ей настоящий вид, придав к собранным, быть может, самим Соломоном (мнение св. Кирилла Иерусалимского и блаж. Иеронима) гл. I–XXIV последние семь глав книги, XXV–XXXI, причем внесли сюда притчи, не вошедшие в собрание самого Соломона. Отцы и учителя Церкви, не придавая значения вопросу о происхождении настоящей редакции книги, видели и прославляли в ней мудрость Соломона. Действительно, на понимании книги вопрос об участии в ее составлении наряду с Соломоном и других писателей нисколько не отражается, лишь бы сохранялась вера в богодухновенность книги.

Против богодухновенности и канонического достоинства книги Притчей высказывались отдельные голоса как среди иудеев, так и среди христиан. Первых смущало кажущееся противоречие притчей [ст. 4 и 5](#) гл. XXVI, и якобы неуместное в священной книге пластичное описание распутной жены гл. [VII:10-27](#). Оба эти возражения были выставлены на Ямнийском иудейском соборе (ок. 100 г. по Р. Х.) но там же получили удовлетворительное разрешение, и книга в целом составе была признана канонической. В христианской Церкви раздавались одинокие голоса (в древности, напр., Феодора Мопсуетского, в новое время — Клерика, Мейера и др.), будто книга Притчей заключает в себе лишь земную, чисто человеческую мудрость Соломона, имевшую в виду земное же благополучие человека. Но хотя правила, предписания и наставления книги Притчей о снискании мудрости, не

достигают еще совершенства и идеальной чистоты нравственного учения Господа Иисуса Христа и Его апостолов, однако богодухновенность и канонический авторитет этот утверждает уже многократными ссылками на книгу Притчей в Новом Завете. Напр. Притч [I:16](#) сл. цитируются в Рим III:15–17; [Притч III:11–12](#) — в Евр XII:6; Притч [III:34](#) — в Иак IV:6; 1 Пет V:5. Мужья апостольские часто цитировали книгу Притчей, как боговдохновенное ветхозаветное писание (ап. Варнава, посл. гл. V, св. Климент Римский, 1 Кор гл. XIV, XXI, Игнатий Богоносец, Еф V, Поликарп Смирнский, Филип. гл. VI). В апостольских правилах (пр. 85) и во всех канонических соборных исчислениях Православной Церкви книга Притчей всегда помещалась в числе 22-х канонических книг Ветхого Завета.

Христианская православная Церковь свое высокое уважение к книге Притчей свидетельствует широким употреблением чтений из этой книги в церковном богослужении. Чтения или паримии из этой книги встречаются в церковных службах чаще, чем из других ветхозаветных книг: от преимущественного употребления в церковном богослужении книги Притчей, по греч. «паримий», последнее название сделалось общим для всех, взятых из священных книг, церковных чтений. Паримии из книги Притчей предлагаются ежедневно за исключением суббот и недель, на вечернях св. Четыредесятницы, как лучшее назидательное чтение в эти дни поста и покаяния (в течение св. Четыредесятницы прочитываются почти целиком 24 первых главы, и гл. XXXI:8–31). Несколько чтений паримий из кн. Притчей положено на праздники (из гл. III — 10 июля, 1 августа, 13 и 14 сентября; из гл. VIII — 1 января и 25 марта, из гл. IX — в богородичные праздники и т. д.) и в дни памяти святых, как бы сопоставляя советы премудрости с примерами благочестия, наглядно представляемого жизнью святых.

О цели книги Притчей св. Григорий Нисский говорит: «как трудящиеся в телесных упражнениях в училище готовятся через сие к понесению больших трудов в действительных борьбах, так и приточное учение кажется мне неким упражнением, обучающим души наши и делающим их гибкими в духовных подвигах» (Св. Григорий Нисский, Точн. истолков. на Еккл I:1). Подобную же цель и подобный же характер имели и две неканонические учительные книги: книга Иисуса сына Сирахова и кн. Премудрости Соломона.

По составу содержания своего книга Притчей, как было уже упомянуто, представляет три главные части, причем вторая и третья части имеют некоторые добавления. Первую часть составляет собрание увещательных речей, обнимаемых первыми девятью главами I–IX: это — по преимуществу книга Мудрости, изображаемой в качестве высшего блага и единственно достойного предмета стремлений человека. Часть первая может быть подразделена на три отдела, по три главы в каждом; в первом отделе содержатся отрицательные и положительные побуждения к мудрости (гл. I), свойства премудрости и благие плоды и последствия ее для жизни человека (гл. II), и частные обнаружения мудрости в отношении к Богу и ближним (гл. III); во втором отделе (гл. IV–VI) частнее и подробнее излагаются побуждения к снисканию мудрости и требования, предъявляемые ею человеку (гл. IV), затем предлагаются увещания — избегать сладострастия и любопытства (гл. V), а также быть осторожным, честным, добросовестным в исполнении гражданских, общежитейских и иных обязанностей (гл. VI); в третьем отделе изображаются глупость и мудрость, как мыслящие, живые образы или лица, каждая с своими отличительными внутренними свойствами и действиями: в противовес оболъщениям глупости, олицетворяемой в виде блудницы (гл. VII), выступает олицетворенная мудрость с авторитетными призывами к людям, чтобы они следовали за нею, как за единым истинным благом (гл. VIII–IX).

Вторую часть книги образуют «Притчи Соломона» (гл. X–XXII:16), с двумя

прибавлениями: «слов мудрых» — XXII:17 — XXIV:23–34. Здесь, на основании изложенных в первой части книги общих понятий о мудрости и благочестии, предлагаются частные многообразные правила и наставленья для религиозно-нравственного поведения и общежитейских отношений людей. Третью часть книги составляют притчи Соломоновы, которые собрали и вписали в книгу друзья Езекии, царя Иудейского (гл. XXV–XXIX), здесь преобладают притчи политические (о царе и его управлении и под.) и практические (в отношении к гражданской и общественной жизни). Заключение книги состоит из двух прибавлений к притчам Соломоновым (гл. XXX–XXXI): а) притчей некоего Агура, в весьма искусственной и замысловатой форме научающей истинной мудрости и проведению ее в жизнь (гл. XXX), и б) наставлений матери Лемуила царя (XXXI:1–9) и похвалы добродетельной жене (ст. 10–31).

Общие вводные сведения о книге Притчей см. в «Обзрении книги Притчей Соломоновых» синопсисов Св. Афанасия Великого Александрийского (Христ. Чтен. 1841, ч. 4 с. 355 и дал.) и Св. Иоанна Златоуста (Беседы на разные места Св. Писания, русск. перев. Спб. 1861, с. 537 дал.), извлечение святоотеческого материала о книге Притчей можно читать в кн. проф. А. А. Олесницкого, Руководственные о священном Писании Ветхого и Нового Завета сведения из творений св. оо. и учит. Церкви (Спб., 1894, с. 67 след.). Ученые исследования о книге Притчей — русские 1) того же проф. А. А. Олесницкого Книга Притчей Соломоновых и ее новейшие критики (Труды Киевск. Дух. Академии. 1883, №№ 11–12), 2) *Епископа Михаила*, Библейская Наука. Учительные книги Ветхого Завета (Тула, 1900), с. 86 след., и 3) *Проф. П. А. Юнгера* Происхождение книги Притчей (Православн. Собеседн. 1906, октябрь, с. 161 след.), 4) учебные руководства *Х. М. Орды* († еп. Иринея), Киев, 1871. *Д. Афанасьева*, Ставрополь, 1838 и др. Заслуживает внимания русск. перевод (с еврейского) кн. Иова, сделанный *Архим. Макарием (Глухаревым)*, М. 1861. Толкование на большую часть кн. Притчей представил покойный преосв. *епископ Виссарион (Нечаев)* в своем «Толковании на паримии» т. II, (изд. 2, Спб., 1894). Из иностранных комментариев на книгу Притчей назовем *Ф. Mercenus* (Genf 1573), *F. Umbreit* (Heidelberg, 1826), *E. Berteau* (Leipzig, 1847), *F. Hitzig* (Zurich, 1858). *F. Keil*. Delitzsch (1873), *H. Ewald* (1867), *J. Lange* — *O. Zockler* (1867), новейший *W. Frankenberg* (in Nowack's Handkommentar) Gotting, 1898. Взгляды иудейской традиции на содержание кн. Притчей выразились, напр., в мидраше на эту книгу, см. *Der Midrasch Mischle*, ubertr v *A. Wunische* Leipz., 1885, отчасти — в *D. Israelitische Bibel*, III (1859) v *L. Philippon*.

1–6. Введение в книгу: писатель ее; цель, общее содержание и основной характер книги. 7. Основное начало мудрости благочестия. 8–9. Об авторитете родителей в научении благочестию — мудрости. 10–19. Предостережение от соблазнов со стороны нечестивцев. 20–23. Увещательная и обличительная проповедь премудрости

1. Притчи Соломона, сына Давидова, царя Израильского,

1. Стих первый и последующие, по 6-й ст. включительно, образуют надписание книги Притчей. Имя Соломона, стоящее в ст. 1, обозначает ближе всего составителя первых девяти глав книги, но, как уже говорили мы, *метонимически* и вся книга может быть названа произведением Соломона. Мидраш *jalkut* к Притч (§ 929) обращает внимание на прописное начертание первой буквы стиха (*мем*), и, основываясь на числовом значении этой буквы — 40, видит здесь указание на то, что Соломон, испрашивая у Бога мудрости (3 Цар III:9), *постился*, подобно Моисею на горе законодательства (Исх XXXIV:28), сорок дней (Midrasch Mischle ubetr v. A. Wunsche. S. 1); здесь выражается взгляд иудейской традиции на мудрость и вообще все содержание книги Притчей как на истолкование Торы или Закона Моисеева. — Касательно словопроизводства и значения славяно-русского названия «Притча» нужно заметить, что оно обычно производится от корня *течь* (идти) или *ткнуть* (встретиться) в том и другом случае оно, по выражению Св. Василия Великого, означает припутное (соотв. греч. *παροῦσία* = *παρά οἴκος*) изречение, т. е. такое, которое служит указателем пути, руководствует человека на путях жизни, давая ему средства к благополучному течению по этим путям. Подобным образом объясняют смысл названия «Притча» Свв. Афанасий Великий и Иоанн: «Название Притчи» (*παροιμία*) произошло от того, что подобные изречения писались на всяком пути для вразумления и назидания проходящих по пути, писались же при пути для того, чтобы люди, не могущие заниматься словом истины, по крайней мере, мимоходом, замечали написанное, вникали в него, получали наставления. Посему некоторые и определяют их так: Притчи есть *придорожное* (*παροδίου*) изречение, переносящее мысль от чего-нибудь одного ко многому. В последних словах указана одна из основных особенностей притчи: приложимость высказываемой в притче мысли ко многим (аналогичным) случаям, типичность этой мысли. По другому мнению, русско-славянское «притча» происходит от гл. «притыкать», «притачивать» (напр., при тканье — на конце полосы разными по цвету нитями), — в таком случае название это будет указывать на украшающий, образный внешний способ выражения мысли в притчах. Внутренний и внешний характер притчей, составляющих содержание книги этого имени, уясняется в следующих стихах, ст. 2–6, уясняющих смысл и значение притчей, а вместе и цель и назначение самой книги.

2. чтобы познать мудрость и наставление, понять изречения разума;

2–6. Указывается как цель настоящего собрания притчей, — книги Притчей, так и свойство разных видов притчей, чем вместе сжато определяется целое содержание всей книги. И прежде всего притчи дают познание *премудрости* и *учения* (ст. 2а). «Так как язычники (еллины) утверждают, что они имеют мудрость, и еретики думают, что они имеют знание, то Соломон показывает в чем состоит истинная мудрость и истинное знание, чтобы кто-нибудь, увлекшись сходным названием мудрости, не впал в мудрования язычников и еретиков». Услышав его божественные изречения, всякий мудрый будет еще премудрее (Свв. Афан. Вел. и Ин. Злат.). Мудрость, евр *хокма* (LXX: σοφία, Vulg.: sapientia), по филологическому составу еврейского слова, означает (по Schultens'y): *soliditas*, твердость, основательность (собств. сгущенность, πυκνότης), затем высшее разумение жизни и вещей в их существе, наконец, умение располагать жизнь свою сообразно с этим знанием, нормально определять отношения к Богу и ближнему и через то получить счастье жизни. Очевидно, «мудрость» шире всех следующих понятий и включает их в свой объем. Практическую сторону «мудрости» представляет «учение» или «наставление», слав. — *наказание*, евр. — *мусар*, LXX: παιδεία, Vulg.: disciplina — вся система воспитательных мер, не исключая и карательных.

По мидрашу, «мудрость» (*хокма*) и «учение» (*мусар*) неразрывно связаны друг с другом, причем второе является следствием первой. В книге Притчей, далее, заключается *разумение словес* или изречений *мудрости* евр. *бина*, LXX: δρόνησις, Vulg.: prudentia (евр. *бина* по коренному значению своему включает в себе момент *различения* — напр., между добром и злом (3 Цар III:9), мудростью и глупостью, высшим и низшим, полезным и вредным), т. е. (по свв. Афан. Вел. и Ин. Злат.) «приобретение познания о едином истинном Боге». Что касается язычников, то одни из них богом называли вещество, а другие уподобили его идолам; находятся, также, в заблуждении и еретики касательно истинного Бога. Против них-то Соломон и излагает истинное понятие о Боге, говорит о Его неизреченности ([XXV:2](#)); о промысле ([XV:3–21](#), [XXII:2](#); [XXIII:13](#)); о правосудии ([XV:8–25](#)), о миротворении говорит не просто, но утверждает, что Господь все сотворил Словом Своим и премудростью ([III:19](#); [VIII:26–27](#), [30](#)), так как свойство истинного Бога составляет то наипаче, что Он есть Отец Сына. В ст. 3 указываются первые плоды «мудрости» и «учения»: то и другое содействуют усвоению «правил благоразумия» (евр. *мусар гаскел*), правосудия (точнее — правды, *цедек*), суда (*мишпат*) и правоты (честности, *мешарим*), Vulg.: ad suscipiendam eruditionem doctrinae, justitiam et iudicium et aequitatem. LXX иначе передают первую половину ст. 3-го: δέξαθσαι στροφάς λόγων, а по другим спискам (кодд. 68, 109, 147, 157, 161, 248) у Гольмеса, Компют. Альд, еще +: καί λύσεις ἀνιγμάτων. В слав. Острожской и Елисаветинской Библии, соответственно последней прибавке вся первая половина 3 ст. читается: *приятн же извитие словес и разрешение гаданий. Извитие словес*, поясняют свв. Афан. Вел. и И. Злат., суть «такие изречения, в которых открываем сокрытый в них смысл, вращая умом, или исследуя их размышлением (напр. [X:5](#), [XXVII:25](#))». Таким образом, притчи изоощряют ум человека, делают его находчивым, способным к отгадыванию смысла загадочных речей.

3. усвоить правила благоразумия, правосудия, суда и правоты;

4. простым дать смышленость, юноше — знание и рассудительность;

5. послушает мудрый — и умножит познания, и разумный найдет мудрые советы;

4–5. Указанное в ст. 3 значение притчи имеют прежде всего для юношества, но затем и для людей взрослых, опытных и мудрых. Первым притчи дают «смышленность», евр. *орма*, собст. лукавство (Быт III:1), как и греч. *πανουργία*, лат. *astutia*; здесь в добром смысле (ср. [VIII:5](#), [12](#); [XIII:16](#); [XIV:15](#); [XXII:3](#)) — благоразумия или предусмотрительности, для избежания от сетей хитрых и злонамеренных (ср. Мф X:16), — а также вообще знание и рассудительность (евр. *даат узимма*, LXX: *αἰόθησιν* к. *έννοιαν*, Vulg.: *scientiam et intellectum*). Но притчи, как готовые правила житейской и духовной мудрости, полезны и для людей зрелых и мудрых: мудрый слушая эти притчи становится еще мудрее, и разумный приобретет «искусство управлять» (особ. государством, сн. [XI:14](#)), евр. *тахбулот*. LXX: *κυβερουησις* (управление кораблем). Vulg.: *gubernacula*, слав.: *строительство*, т. е. вообще искусство или навык к благоустроению жизни (сн. [XX:18](#); [XXIV:6](#)). В ст. 6 говорится, что разумный при помощи притчей не только сумеет благоустроить жизнь свою (религиозную, нравственную семейную и общественную), но еще найдет привычку понимать замысловатые и загадочные речи, евр. *мелица вехидот*, LXX: *σκοτεινών λογών* к. *αἰνίγματα*. По-видимому, здесь разумеются такие специальные притчи загадочного свойства, какие особенно имеют место в гл. XXX. Древние, особенно жители Востока, высоко ценили искусство предлагать и отгадывать загадки (ср. Суд XIV:12–19). Царица Савская приходила в Иерусалим, из дальней страны чтобы испытать Соломона загадками и поучиться заключенной в них мудрости Соломона (3 Цар X:1). Впрочем, ввиду того, что в рассматриваемом ст. 6 выражении «замысловатая речь» (*мелица*) и «загадка» (*хида*) сопоставляются с более общими выражениями «притча» (*машал*) и «слова мудрых» (*дибре хакамим*), можно думать (свв. Афан. Вел. и И. Злат.), что в ст. 6 имеются в виду «не хитросплетенные слова, обольщающие видом правдоподобия, но точные, как бы познанные самими говорящими и выражающие как бы приговоры, произносимые ими» (напр., [XV:13–14](#)). Обыкновенно люди определяют дела по последствиям, премудрый же открывает причины действий, чтобы человек, зная причины зол, остерегался их, и представляет как бы краткий очерк движения души (напр., [X:12](#); [XIII:4](#); [XIV:11](#)) «...Если ты исследуешь каждое изречение книги ты найдешь, что оно сказано и написано для того чтобы слушающие познавая причины зол и благ, избегали худого, и творили доброе». Мидраш в целом стихе видит указание на Тору.

6. чтобы разуметь притчу и замысловатую речь, слова мудрецов и загадки их.

7. Начало мудрости — страх Господень; (доброе разумение у всех, водящихся им; а благоговение к Богу — начало разумения;) глупцы только презирают мудрость и наставление.

7. Не относится к надписанию (как думали Эвальд, Филиппсон, Берто, Кейль и др.), а начинается собой уже первую часть книги по девятую главу включительно. В слав. русск. Библии середина стиха (в русск. синод. перев. заключенная в скобки) читается только у LXX и представляет заимствование из Пс СХ:10, хотя это добавление и хорошо подходит к содержанию стиха по текстам евр. и Вульг., служа пояснением его смысла.

Первые слова ст. 7 имеют значение эпитафии или темы всей книги, преимущественно первой ее части (гл. I–IX). Страх Божий, благоговейный трепет пред Богом неразлучен с самым понятием Богопочтения и благочестия; именно страх Божий положен был в основание Завета Иеговы с Израилем (Втор IV:10). Страх Божий есть, вместе с тем, и начало истинного ведения и истинной премудрости — в том смысле, что в цепи знаний, нужных для приобретения премудрости, Богопочтение должно занимать первое начальное место, что оно должно быть главным и преимущественным предметом знания, равно как и в том отношении, что благочестие — постоянное благоговейное настроение в отношении к Богу — должно быть господствующим духовным настроением в искателе мудрости. В своем стремлении к приобретению мудрости он должен быть проникнут убеждением, что премудрость в строгом смысле принадлежит единому Богу, что Он есть источник премудрости (II:6 сн. Иак I:5 сл.), что без света Его откровения ум человеческий вечно блуждал бы во мраке невежества и заблуждений относительно главнейших истин (ср. 1 Кор I:20). Из этого убеждения проистекает для искателя мудрости обязанность искать благословения Божия на труды свои для приобретения знаний, служить этими трудами славе Божией и пользе ближних, совершать это служение с благоговейным опасением прогневать Господа ложной мудростью, и благодарить за успехи в мудрости (*ep. Виссариона*. Толкование на Паримии II, с. 9–10). И мудрость и благочестие отвергают, к своей гибели, нечестивые люди у которых нечестие помрачает здравый смысл (ср. Иер IV:22). Книга Притчей предназначена отнюдь не для них, и если о нечестии — безумии таких людей в ней весьма часто говорится, то это делается с целью вразумления разумных и благочестивых, так как страх Божий (и премудрость) с обратной своей стороны есть ненависть к неправде и греху (ср. VIII:13).

8. Слушай, сын мой, наставление отца твоего и не отвергай завета матери твоей,

9. потому что это — прекрасный венок для головы твоей и украшение для шеи твоей.

8–9. Уже в этом отделе предложены как положительные, так и отрицательные побуждения к мудрости — благочестию. Сказав о страхе Божиим (ст. 7), как начале или основе истинной премудрости, Премудрый на втором месте, согласно последовательности заповедей в десятословии Моисеевом (Исх XX:12; Втор V:16, ср. Еф VI:1–3), поставляет учительный авторитет родителей — отца и матери (Талмуд понимает *аб* «отец», и *эм* «мать»

в переносном смысле, разумея под отцом Бога, а под матерью общество Израилево, или, по другому мнению, мудрость, но это — уже перетолкование грамматико-исторического смысла обоих понятий в данном тексте), причем отцу усвоится наставление (слав.: *наказание*, греч. — παιδεία, лат. — discipline, евр. — *мусар*), — иногда соединявшееся с мерами и физического воздействия отца на сына ([XXIII:13–14](#), ср. [XXII:15](#)), — матери же — только завет (русск.) или заветы (греч. — θεσμοί, лат. — Иех, евр. — *тора*). Того, к кому Соломон обращается (здесь как и в [I:10](#); [II:1](#); [III:1](#)) с наставлениями, он называет сыном, — отчасти прежде всего в физическом смысле (он мог иметь в виду Ровоама), а затем вообще юношество, по праву учительства, в знак отеческого участия и доброжелательства; о возрасте слушателей отсюда ничего нельзя заключать, во всяком случае, указанное интимное обращение не есть только литературный прием, хотя и не включает еще в себе новозаветного представления о рождении в духовную жизнь, как у Апостола (1 Кор IV:15; Флм 10; Гал IV:19). Мидраш понимает ст. 8 в смысле увещания соблюдать все заповеданное на горе Синай относительно почтения к родителям. — Послушание родителям, их советам и заветам, служит лучшим украшением юноши — в роде прелестного венка на голове (ср. [IV:9](#)) и ожерелья на шее ([III:3](#); [VI:21](#)).

10. Сын мой! если будут склонять тебя грешники, не соглашайся;

11. если будут говорить: «иди с нами, сделаем засаду для убийства, подстережем непорочного без вины,

12. живых проглотим их, как преисподняя, и — целых, как нисходящих в могилу;

13. наберем всякого драгоценного имущества, наполним дома наши добычею;

14. жребий твой ты будешь бросать вместе с нами, склад один будет у всех нас», —

15. сын мой! не ходи в путь с ними, удержи ногу твою от стези их,

16. потому что ноги их бегут ко злу и спешат на пролитие крови.

17. В глазах всех птиц напрасно расставляется сеть,

18. а делают засаду для их крови и подстерегают их души.

19. Таковы пути всякого, кто алчет чужого добра: оно отнимает жизнь у завладевшего им.

10–19. После общего обращения и увещания к ученику ([ст. 8–9](#)), Соломон предлагает ему частное увещание, конкретное предостережение от увлечений на зло со стороны «грешников» (ст. 10), евр. *хаттаим*, Vulg.: *peccatores*, LXX: *άνδρες ασεβείς*, слав. — *мужие нечестивии* — злодеи, для которых преступление сделалось обычаем (ср. Пс I:1, [Притч XVI:29](#)). Предостерегая ученика своего от губительного влияния со стороны подобных злодеев, Соломон раскрывает подлинную суть и истинные мотивы их злодейских замыслов (11–14): посягая на собственность и жизнь ближнего, без всякой вины с его стороны, с величайшей наглостью и жестокостью злодеи пытались прельстить приглашаемого в сообщничество юношу мыслью о безнаказанности преступления (ст. 12) и о большой доле в предполагаемой добыче (13–14). Изобразив обольстительные и преступные намерения злодеев, Премудрый со ст. 15 (понижение периода) в положительной категорической форме предостерегает своего слушателя от следования по их «пути»; предостережение это и по содержанию и по форме речи напоминает начальные слова Псалтири: «*блажен муж, иже не иде на совет нечестивых, и на пути грешных не ста*» (Пс I:1). Ст. 16, повторяемый пророком Исаиею (Ис LIX:7) и Ап. Павлом (Рим III:15), не имеется у LXX-ти: однако, считать этот стих в евр. Вульг. слав. русск., заимствованным у пророка Исаии, нет основания; скорее у пророка Исаии цитаты из более древних библейских книг не представляют чего-либо необычного; притом во многих кодд. LXX (23, 68, 157, 252, 254, 295, 296, 161, 248 и др. у Гольмеса, Компют. Альд.) имеют в себе ст. 16. В ст. 17–19 слушатель ограждается от влияния обольстительных речей злодеев — указанием на ожидающее их наказание — конечную гибель, вопреки той безнаказанности на какую они рассчитывали.

20. Премудрость возглашает на улице, на площадях возвышает голос свой,

20–32. В противовес соблазнительным речами преступных людей (ст. 11–19), ищущих себе единомышленников, здесь выводится Премудрость также призывающая к себе учеников и побуждающая их к покаянию; но тогда как преступные речи злодеев ведутся под покровом

глубокой тайны, вещания и облачения Премудрости раздаются во всеуслышание — «на улицах, на площадях,... в главных местах собраний» (20–21). Эта премудрость, судя по свойству Ее наставлений и вразумлений, как и по всему образу Ее выступления, не есть ограниченная сила человеческая, а всемогущая сила Божия, которая одна может говорить с таким авторитетом, сила, в повиновении которой для людей заключено всякое благо и счастье, а в противлении — гибель. Совершенно произвольно и ошибочно мнение некоторых западных, усматривающих в изображении Премудрости в Притч I:20 сл., [VIII:22](#) сл. влияние парсизма на библейскую письменность. В действительности понятие «Премудрости» выросло на чисто библейской, самобытной почве. В книге Иова (XV:7–8; XXVIII:12 сл.) Премудрость изображается весьма сходно с книгой Притчей. Самый образ выступления Премудрости (20–21 сл.) вполне напоминает проповедническую или учительную деятельность народных законоучителей (ср. 2 Пар XVII:7–9), а также пророков и — позже — апостолов (Мф X:27; Лк XIV:21), всех посланников той же Премудрости (Лк XI:49). Далее, со ст. 22, излагается самое содержание проповеди Премудрости.

21. в главных местах собраний проповедует, при входах в городские ворота говорит речь свою:

22. «доколе, невежды, будете любить невежество? доколе буйные будут услаждаться буйством? доколе глупцы будут ненавидеть знание?»

Первую половину ст. 22 LXX и слав. («елико убо время незлобивии держатся правды, не постыдятся») передают не в обличительном смысле, как в евр. Вульг. русск., а в положительном — в смысле похвалы «незлобивым». Но с контекстом речи ст. 22 более согласуется обличительный смысл (подобно как в Пс IV:3): обличаются люди трех категорий: 1) невежды (простаки, евр. *нетаим*), 2) буйные осмеятели кощунники, презрители всего святого (евр. *лецим*) и 3) глупцы — люди чуждые ведения тупые и всегда готовые духовно пасть (евр. *кесилим*), словом, все, с намерением или по неведению противящиеся истине. И в ст. 23 Премудрость от полноты своего духовного богатства желает пролить духа мудрости (ср. [XVIII:4](#)) всем без различия, нуждающимся в ней; мудрость и благочестие, по взгляду Премудрого, как и по учению всей Библии, не есть достояние лишь избранных натур, но обильно изливаются во всякий ум, душу и сердце, раз они открыты для воздействия свыше (ср. Ин VII:37–39).

23. Обратитесь к моему обличению: вот, я изолью на вас дух мой, возведу вам слова мои.

24. Я звала, и вы не послушались; простирала руку мою, и не было внимающего;

25. и вы отвергли все мои советы, и обличений моих не приняли.

24–25. Но так как столь внушительные, трогательные и многократные вещания Премудрости успеха не имели, то речь ее меняет тон и характер: после продолжительных, но бесплодных, призывов к покаянию Божественная Премудрость грозно возвещает гибель всем упорно коснеющим во зле.

26. За то и я посмеюсь вашей гибели; порадуюсь, когда придет на вас ужас;

27. когда придет на вас ужас, как буря, и беда, как вихрь, принесется на вас; когда постигает вас скорбь и теснота.

28. Тогда будут звать меня, и я не услышу; с утра будут искать меня, и не найдут меня.

29. За то, что они возненавидели знание и не избрали для себя страха Господня,

30. не приняли совета моего, презрели все обличения мои;

31. за то и будут они вкушать от плодов путей своих и насыщаться от помыслов их.

26–31. Со всею наглядностью и полнотой изображается жалкое, отчаянное состояние людей, упорно презиравших веление Премудрости: внезапность гибели (ст. 27, сн. 1 Сол V:7), отсутствие сочувствия со стороны (ст. 26), бесплодность раскаяния (ст. 28) во всем этом нечестивые лишь пожнут естественные и неизбежные плоды своего нечестия (ст. 31, сн. Гал VI:7).

32. Потому что упорство невежд убьет их, и беспечность глупцов погубит их,

33. а слушающий меня будет жить безопасно и спокойно, не страшась зла».

В ст. 32–33 заключается выразительное противоположение гибельности состояния презрителей Премудрости и прочности счастья послушных гласу Ее. Последние всегда остаются спокойны потому что внешним успехам и лишениям, как и всей земной, временной жизни, не предают того исключительно важного значения, какое все это имеет в очах нечестивых. Воззрение же благочестивых на жизнь и ее блага, у Премудрого, как и у Апостола, определяют ее правилом: *«благочестие на все полезно, имея обетование жизни настоящей и будущей»* (1 Тим IV:8). В первой половине ст. 32 чтение русск. перев. *«упорство... (у архим. Макария — непокорность) убьет их»*, точно передающее евр. чтение и соотв. — Вульгаты, следует предпочесть греч. и слав. *«зане обидеша младенцев, убиени будут»*.

Постоянное, серьезное искание мудрости, как путь к страху Божию и добродетели. Частнее. 1–9. После краткого увещания к вниманию (1–2), изображаются плоды мудрости, внутренние и внешние. 10–19. Из последних выделяется доставляемое мудростью предохранение от опасностей со стороны преступных людей, в частности от прелюбодейной жены. 20–22. Только удел добродетели — прочное счастье.

- 1. Сын мой! если ты примешь слова мои и сохранишь при себе заповеди мои,**
- 2. так что ухо твое сделаешь внимательным к мудрости и наклонишь сердце твое к размышлению;**
- 3. если будешь призывать знание и взывать к разуму;**
- 4. если будешь искать его, как серебра, и отыскивать его, как сокровище,**
- 5. то уразумеешь страх Господень и найдешь познание о Боге.**
- 6. Ибо Господь дает мудрость; из уст Его — знание и разум;**
- 7. Он сохраняет для праведных спасение; Он — щит для ходящих непорочно;**
- 8. Он охраняет пути правды и оберегает стезю святых Своих.**
- 9. Тогда ты уразумеешь правду и правосудие и прямоту, всякую добрую стезю.**

1–9. Ст. 1–4 представляют повышение (протазис) имеющего в ст. 1–9 места условного периода, ст. 5 и дал. — понижение (аподозис) его. Высокое значение мудрости, как высшего блага, служащего предметом человеческих исканий, Премудрый выражает сравнением ее, ст. 4 (ср. VIII:11), с серебром (Вульг.: *resupia*, деньги вообще) и вообще сокровищем (евр. *маммон*; по Гезениусу, от этого слова происходит греческое *μαμμωνας*, мамона, богатство), а настойчивое искание премудрости с неустанной работой рудокопов — этот образ в отношении Премудрости и искания человеком заключается и в книге Иова (гл. XXVIII). Если и искатели земных сокровищ не жалеют никаких усилий и жертв, чтобы обогатить себя, хотя обладание этими сокровищами непрочно, то тем больших усилий и жертв достойно приобретение мудрости, особенно потому, что с мудростью тесно соединено, отчасти в качестве источника мудрости (I:7; IX:10) отчасти же в качестве венца и завершения ее, — еще высшее благо страх Божий и познание Бога (ст. 5). Проникнутый страхом Божиим и имея веру в Бога и познание Его, но все это пока только в начатках — ревнитель мудрости, по мере преуспеяния в ней, преуспевает и в страхе Божиим, или благочестии, и в Богопознании. Источник такой, по существу религиозной, мудрости заключается в откровении. Сам Господь дает мудрость всякому ищущему ее, ст. 6 (ср. 3 Цар III:9, 12; Иов XXXII:8; Дан II:21; Прем VII:15) мудрость знание и разум исходит из уст Божиих (ср. Иов XXII:22; Прем VII:25), т. е. заключены в Откровенном слове Божиим; в исключительных же случаях мудрость сообщается человеку через таинственное прикосновение к его уму и сердцу просвещающей благодати Святого Духа (LXX, слав. во второй половине ст. 6 вместо «из уст» имеют: «от лица», (ἀπο πρόσωπου — вследствие смешения евр. *миллив*, «из уст», со сл.: *милланав*, «от лица»; оба слова в евр. начертании отличаются лишь одной буквой *нун* стоящею во втором слове. Библейские параллели: Иов XXII:22; Прем VII:25 дают основание предпочесть чтение евр. масоретского текста ст. 6).

Божественное происхождение мудрости и та близость к Богу, какую доставляет человеку обладание мудростью, тем более должны делать ее предметом постоянного стремления человека, что с нею неотделимо соединены благословение в земной жизни, хранение среди опасностей: Господь есть щит и хранитель для благочестивых искателей мудрости. Он хранит их за их непорочность на всех путях жизни (ст. 7–8, сн. Пс LXXXIII:12; ХС:11–12). Плодом следования путями Божественной премудрости явится для человека преуспеяние во всех видах правды и праведности (сн. I:3).

10. Когда мудрость войдет в сердце твое, и знание будет приятно душе твоей,

11. тогда рассудительность будет оберегать тебя, разум будет охранять тебя,

12. дабы спасти тебя от пути злого, от человека, говорящего ложь,

13. от тех, которые оставляют стези прямые, чтобы ходить путями тьмы;

14. от тех, которые радуются делая зло, восхищаются злым развратом,

15. которых пути кривы, и которые блуждают на стезях своих;

16. дабы спасти тебя от жены другого, от чужой, которая умягчает речи свои,

17. которая оставила руководителя юности своей и забыла завет Бога своего.

18. Дом ее ведет к смерти, и стези ее — к мертвецам;

19. никто из вошедших к ней не возвращается и не вступает на путь жизни.

10–19. Мудрость и знание для ищущего и любящего их становятся как бы друзьями и советниками, которые, утверждая человека в добром направлении мысли и жизни, предохраняют его вместе с тем от злых путей человека развращенного (10–12), для которого делать зло — привычка и удовольствие (14, сн. [VI:14](#); [X:31–32](#); [XVI:30](#); [XXIII:33](#)). Пути последнего рода людей — пути тьмы (ст. 13 сн., Еф V:11), так как тьма — родная стихия для порока (Ин III:19); эти пути вместе с тем — пути кривые (ст. 15), полные козней и ухищрений на счет людей неопытных.

Особенную опасность для юношей представляет обольстительное, но пагубное влияние со стороны развратных женщин (16–19, сн. [V:3](#); [VI:24](#); [VII:17](#) и дал.). Жена прелюбодейная, оставляя руководителя (Вульг. *ducem*) или друга (евр. *аллуф*) юности своей, нарушает тем завет Бога своего (ст. 17): воззрение это весьма характерно для библейского представления, прежде всего, брака, а затем и завета с Богом (*берит элогим*). В отношении брака Ветхий Завет проводит то идеальное воззрение, что брак есть теснейший союз, союз дружбы и любви, заключенный между мужем и женой (Иоил I:8; Мал II:14), — заключенный притом пред

Богом, т. е. с соблюдением известных религиозных обрядов (как справедливо утверждает Эвальд к ст. 17). Но затем этот союз, в силу нравственной высоты, в силу почивавшей на нем освящающей силы Божией, служит по библейскому представлению образом союза или завета Бога с Израилем (ср. Иер III гл.; Ос I–III).

Законный брак, таким образом, есть союз, заключенный не только *пред* Богом, но — в смысле таинственном и с Богом. Всем этим пренебрегает прелюбодейная жена (17), а потому удел ее и всех обольщенных ею — преждевременная гибель (вследствие истощения сил, от неумеренных плотских наслаждений и под.)

20. Посему ходи путем добрых и держись стезей праведников,

21. потому что праведные будут жить на земле, и непорочные пребудут на ней;

22. а беззаконные будут истреблены с земли, и вероломные искоренены из нее.

20–22. Тем настойчивее и убедительнее призывает Премудрый к здравому смыслу (ср. [ст. 11](#)) и к совести слушателя — идти в жизни путем правды и добра (ст. 20). Из следования по этому пути для праведников проистекает истинное и высшее благо, обозначаемое Премудрым (ст. 21), как и в псалмах (XXXVI:9), — согласно общей ветхозаветному библейскому еврейству любви к Обетованной земле или Ханаану — Палестине, — пребыванием или обитанием на земле (этот образ выражения из Ветхого Завета и в Евангелии — Мф V:5). Напротив, ожидающая нечестивых гибель представляется в конкретном образе истребления с земли (ср. Пс XXXVI:9; Иов XVIII:17).

1–18. Более частное изображение свойств истинной мудрости в отношении к Богу и ближним; мудрость, как высочайшее благо. 19–26. Господь, Премудрый Творец и Промыслитель, охраняет и защищает жизнь мудрого и благочестивого. 27–35. Увещание быть милосердным и справедливым к ближним и предостережение от подражания насильникам и вообще беззаконным.

1. Сын мой! наставления моего не забывай, и заповеди мои да хранит сердце твое;

2. ибо долготы дней, лет жизни и мира они приложат тебе.

3. Милость и истина да не оставляют тебя: обвяжи ими шею твою, напиши их на скрижали сердца твоего,

4. и обретешь милость и благоволение в очах Бога и людей.

1–4. Предостерегая ученика своего («сын мой») от подражания людям развращенным ([II:10–19](#)), Премудрый, прежде всего, увещает его (ст. 1) не забывать его, учителя (*море, меламмед*, [V:13](#)) учения, закона (тора) и хранить все отдельные заповеди (*мицвот*) этого учения (разумеется, учение о мудрости и благочестии). Для поощрения же ученика к исполнению своих наставлений, Премудрый обещает ему награду за исполнение их — долгоденствие и благоденствие, подобно как и в Пятикнижии эти блага часто обещаются исполнителям закона Моисеева (напр., Исх XX:12; Втор VIII:1; XXX:16 и др.). Такая награда отчасти есть благодатный плод благословения Божия, почивающего на ревнителях истинной мудрости и чистого благочестия, отчасти же представляет отечественное следствие свойственного мудрым и благочестивым воздержания от всех пороков и страстей, расстраивающих внешнее благосостояние человека, подтачивающих его здоровье и сокращающих самую жизнь его. Определяя затем сущность закона или учения о мудрости — благочестии, Премудрый заповедует (ст. 3) хранить «милость и истину». евр.: *хесед ве-эмет*, греч.: 'ελεεμοσυνη και πιστις, Вульг.: *miseriordia et veritas*. Оба понятия весьма часто в Ветхом Завете соединяются вместе (Быт XXXII:10; Пс XXIV:10; XXIX:11), так и в книге Притчей ([III:3](#); [XIV:22](#); [XVI:6](#); [XX:28](#) и др.) и могут обозначать как Божественную милость и благодать, и Божию верность завету с людьми, так и добродетели собственно человеческие: с одной стороны милосердие, сострадание к нуждающимся ближним, готовность помогать им в их нуждах, с другой стороны верность человека данным им обещаниям и обязательствам, готовность его

воздавать каждому должное, — словом оба эти понятия, вместе взятые, выражают исполнение человеком своего морального долга в отношении ближнего, причем «милость» (*hesed*) основывается на чувстве братства всех людей и на сознании необходимости взаимной их солидарности как во внешней жизни, так и в деле духовного развития, а «истина» (*emet*) означает внутреннюю устойчивость и правдивость, *rectus rectum*, прямо противоположную всякому лицемерию, мнимой святости, — стремление сообразовать всякую форму с существом дела. С точки зрения этих двух добродетелей определяется поведение человека в отношении ближних в последней части этой главы ([ст. 27](#) дал.). Мысль о долге «милости и истины» должна быть постоянно присуща человеку. Заповеди эти, по образному выражению Премудрого, должны быть как бы повешенными на шее и написанными на сердце человека, подобно тому, как у библейских евреев был обычай носить на груди (на шнурке) печать с начертанием собственного имени и достоинства (Быт XXXVIII:18; Песн VIII:6), а позднейшие евреи с целью помнить заповеди закона Божия носили и носят на руках и на лбу так называемые филактерии или тефиллины, буквально понимая слова Моисея (Исх XIII:16; Втор VI:8; XI:15; Мф XXIII:5). Неуклонное хранение «милости и истины» будет иметь следствием милость Божию и любовь от людей (ср. 1 Цар II:26; Лк II:52) к человеку, всегда хранящему на скрижали сердца (по сердечному влечению, ср. Иер XXXI:33), а не по внешнему лишь повелению, долг любви и справедливости. Этот мотив нравственной деятельности человека — похвала и одобрение от Бога и людей — часто выставляется в книге Притчей. Но так как суждения людей могут быть и ошибочны, то Премудрый далее выше всего ставит всецелую преданность человека Богу, и требует от человека, во 1-х, внутреннего посвящения Богу в смирение (ст. 4–8), а затем и всецелой готовности жертвовать для Бога внешним достоянием и предавать в Его руки внешние судьбы свои ([ст. 9–12](#)).

5. Надейся на Господа всем сердцем твоим, и не полагайся на разум твой.

6. Во всех путях твоих познавай Его, и Он направит стези твои.

7. Не будь мудрецом в глазах твоих; бойся Господа и удаляйся от зла:

8. это будет здравием для тела твоего и питанием для костей твоих.

5–8. Кто истинно верует в Бога, Творца и Промыслителя мира, тот не может в своей деятельности полагаться только на свои силы; напротив, истинно верующего отличает прежде всего твердое упование на милость и благодать Божию, всецелая преданность и верность Богу (ст. 5), причем самонадеянность, желание обеспечить себе благоденствие одними своими силами, не может иметь места (ср. Иер IX:23; Пс XXXVI:3 сл., CXVIII:8–9). Только при условии смиренной преданности воле Божией человек может бодро встретить и

все испытания житейские. Но для этого человек должен именно «знать» Бога во всех путях своих (ст. 6), т. е., быть всецело проникнут мыслью о Боге (ср. Пс I:6); тогда и Бог «направит» («уравняет» — по более точному перев. архим. Макария) все пути человека на служение нравственным целям, истине, правде, добру. Но такое направление человеческой воли возможно только в том случае, когда человек, совершенно отказываясь от всякого самомнения и самопревозношения (7а, сн. Еккл VII:16; Рим XII:16), в основу своей деятельности положит страх Божий и вытекающее из него уклонение от всякого зла (7б), в чем и заключается истинная мудрость жизни (ср. [1:7](#); Иов XXVIII:23). Мудрость — благочестие, необходимо соединяющееся с страхом Божиим и удалением от зла, спасительно не только для души, но и для дела (ст. 8), поскольку страх Божий и опасение впасть в грех удерживают человека от разного рода излишеств, разрушительно действующих на тело.

9. Чти Господа от имения твоего и от начатков всех прибытков твоих,

10. и наполнятся житницы твои до избытка, и точила твои будут переливаться новым вином.

9–10. Честь Господу со стороны человека должна быть воздаваема не одним смирением, благоговением и страхом пред Ним, не одним удалением от греха, — вообще не одними лишь духовными средствами Богопочтения, но и материальными, внешними делами благоугождения Богу, к числу которых в Ветхом Завете относилась и обязанность каждого еврея посвящать Иегове первые произведения земли (Исх XXIII:19 сл., XXXIV:26; Лев XXIII:10–17; Чис XVIII:12–18; Втор XVIII:4 сл.; XXVI:2–10), равно как десятины от скота и всех произведений земли (Втор XIV:21 сл.; XXVI:12–14) и первородные из животных (Исх XXII. 29; Чис XVIII:15–18). Так как во все времена от исполнения этого закона о теократических приношениях святилищу могло удерживать евреев опасение оскудения вследствие щедрости (ср. Лев XXV. 20). — то Премудрый, имея в виду обетование благословения Божия за ниспослание этого закона (см. Лев XXV:21–22), обещает усердному жертвователю изобилие хлеба и вина (ст. 10). Если в других местах книги Притчей вообще мало говорится об обрядовом законе, то принесение Иегове первых произведений земли было столь естественным обнаружением благодарности Богу за Его дары (в силу этого принесение напр., десятины Богу было обычаем еще до Моисея (Быт XXVIII:22); равно как обычай жертвовать Богу первые и лучшие произведения был широко распространен и у др. древних народов), что Премудрый не мог обойти молчанием столь непосредственной формы выражения религиозного чувства, и увещает своего слушателя к ревности в соблюдении упомянутого закона, подобно как то же впоследствии делает пророк Малахия (Мал III:10–12).

11. Наказания Господня сын мой, не отвергай, и не тяготись обличением Его;

12. ибо кого любит Господь, того наказывает и благоволит к тому, как отец к сыну своему.

11–12. Научая слушателя своего выражать преданность Богу, Богопочтение, еще и терпеливым перенесением посылаемых Богом бедствий, Премудрый сравнивает эти бедствия с тяжелыми для питомца приемами человеческой ветхозаветной педагогики: как эта последняя, по воззрению Премудрого (Притч [XIX:18](#); [XXIII:13](#)), неизбежно включает систему физических воздействий (таково значение евр. *масор.*; греч. *παίδια*; лат. *disciplina*, слав. русск. *наказание*), так и всякого рода бедствия в руках, посылающего их Бога имеют педагогическую цель — воспитание в народе Божиим и всех его членах истинной преданности Богу и верности Его завету (ср. Втор VIII:5, I:31; Пс CXVII:18; Плач III:33).

Только дети безрассудные пренебрегают уроками родителей, воспитателей и наставников, не вразумляются их мерами строгости. Таким детям уподобляются те, которые, принимая от рук Божиих наказание за свои грехи, не вразумляются, даже озлобляются против Бога. Предостерегая слушателей или читателей своих от подобного настроения, Премудрый поучает (ст. 12) видеть в посылаемых Богом бедствиях знаки отеческой Его любви к человеку, желающей отвести его от пути неправды и наставить на путь правды и добродетели. Вторая половина стиха 12 — несколько иначе читается в евр. масор., Вулг. и русск.; *укеав эт бен ирце, quasi pater in filio complacet sibi, и благоволит к тому, как отец к сыну*, — чем у LXX и слав.: *μασιχοι δε παντα υιον, ον παραδεχεται, биет же всякого сына, его же приемлет*. Ввиду того, что при чтении LXX слав. гораздо лучше удерживается параллелизм обеих половин 12-го стиха чем, при чтении еврейск. масор. т., — чтение LXX-ти заслуживает предпочтения (аналогию ст. 12 представляет Иов V:17–18), тем более, что это чтение буквально воспроизведено и в послании к Евреям, гл. XII ст. 6. Приведя в Евр XII:5–6 слова Притч [III:11–12](#), священный писатель послания к Евреям в пояснение слов Премудрого присоединяет: *«Если вы терпите наказание, то Бог поступает с вами, как с сынами, ибо есть ли какой сын, которого бы не наказывал отец? Если же остаетесь без наказания..., то вы незаконные дети, а не сыны»* (Евр XII:7–8).

13. Блажен человек, который снискал мудрость, и человек, который приобрел разум, —

14. потому что приобретение ее лучше приобретения серебра, и прибыли от нее больше, нежели от золота:

15. она дороже драгоценных камней; (никакое зло не может противиться ей; она хорошо известна всем, приближающимся к ней,) и ничто из желаемого тобою не сравнится с нею.

16. Долгоденствие — в правой руке ее, а в левой у нее — богатство и слава; (из уст ее выходит правда; закон и милость она на языке носит;)

17. пути ее — пути приятные, и все стези ее — мирные.

18. Она — древо жизни для тех, которые приобретают ее, — и блаженны, которые сохраняют ее!

13–18. Премудрый как бы поет целый гимн истинной мудрости, под которой здесь (ст. 13 и дал.), по связи с предыдущим (ст. 11–12), ближе всего понимается опытное, основанное на терпеливом перенесении посылаемых Богом скорбей жизни, уразумение действия в них карающей, наказующей и вместе милующей руки Промысла Божия, — а затем вообще духовная и житейская опытность; источником и последним основанием такой мудрости служит и всегда остается всецелая преданность человека воле всеведущего и всеблагого Промыслителя — Бога. Мудрость (хокма, σοφία, sapientia) и благоразумие (тебуна, φρόνησις, prudentia) суть такие блага, для приобретения которых следует больше трудиться, чем сколько трудятся искатели золота и серебра, добывающие их в недрах земли и за дорогую цену покупающие местности, богатые золотыми и серебряными россыпями (ср. Иов XXVIII:15 сл.). Не могут идти в сравнение с благом мудрости и другие драгоценности, напр., драгоценные камни или что подобное, ценное лишь по внешнему блеску: все эти драгоценности украшают лишь тело человека, тогда как мудрость есть украшение души и духа. В середине ст. 15, а также в конце ст. 16 у LXX и в слав. имеются прибавки. В ст. 15 прибавка читается так: οὐκ ἀντίτάσσεται αὐτῇ οὐδέν πονηρὸν εὐγωστὸν ἐστὶν πάσιν τοῖς ἐγγύζουσιν αὐτῇ, слав. *не сопротивляется ей ничтоже лукаво, благозлатна есть всем приближающимся ей*. Хотя этой вставкой, по-видимому, несколько нарушается естественный параллелизм речи в ст. 15, однако общая мысль приведенных слов о превосходстве истинной мудрости пред всяким земным благом, приобретенным неправедно, — и о привлекательности близкого знакомства с мудростью, вполне и хорошо согласуется с учением книги Притчей о премудрости. Впрочем, в некоторых списках LXX-ти (напр., в Комплют.) приведенные слова не читаются.

В ст. 16, как и далее ст. 17 и 18, мудрость изображается олицетворенно, и именно, представляется раздаятельницею даров внешних, вещественных и внутренних, духовных. Мудрость — обильный источник тех и других. Она обеими руками, правой и левой, раздает ревнителям ее такие блага, как долголетие, богатство и славу, — причем, соответственно неодинаковому достоинству этих благ, они разделяются так: правой рукой мудрости содержится и дается более важное и существенное — благо долгоденствия (ср. ст. 2), а менее важные, почти лишь случайные принадлежности мудрости — богатство и слава — левой рукой. Далее, по тексту LXX-ти, в конце ст. 16 читаем: ἐκ τοῦ στόματος αὐτῆς ἐκπορεύεται δικαιοσύνη, νόμον δὲ καὶ ἔλεον ἐπὶ γλώσσης φορεῖ, слав. *от уст ея исходит правда, закон же и милость на языке носит*. Эта речь о духовных, внутренних благах мудрости весьма уместна в

дополнение к упоминанию о благах внешних: правда мудрости есть дар или способность во всем, а особенно на суде, действовать правомерно, беспристрастно и нелицеприятно; носить же закон и милость на языке значит изрекать подсудимым приговор не только согласный с правдой закона, но и проникнутой милостью и снисхождением по требованию духа закона. В целом весь ст. 16 прямо напоминает начальный момент царствования Соломона, имеет в виду его собственный пример. По вступлении на царство Соломон, как известно, просил себе у Бога мудрости на дело правления, и Господь даровал ему не только то, что он просил, но и то, чего не просил — богатство и славу (3 Цар III:6–13).

Внутренними плодами мудрости являются (ст. 17): особенная приятность жизни — успех в делах духовных и житейских, — и некоторый особенный мир жизни, поскольку мудрый избегает всего, что могло бы вовлечь его в какую-либо опасность или столкновение с ближними. Премудрый образно и чрезвычайно знаменательно называет мудрость «древом жизни» (ст. 18, ср. [XI:30](#); [XIII:12](#); [XV:4](#)), имея, конечно, в виду и известное из книги Бытия райское дерево жизни (Быт II:9; III:22): бывшее в раю дерево жизни предохраняло человека от болезней и смерти; после грехопадения прародителей и изгнания их из рая, уже никакая человеческая мудрость не в силах спасти человека от смерти и даже всегда успешно врачевать болезни, но Премудрый, называя Богопросвещенную мудрость, основанную на страхе Божиим (ср. [I:7](#)) и на откровении Божиим, имеет в виду спасительное значение именно этой мудрости для человека — главным образом в отношении духовной жизни человека: мудрость эта удовлетворяет высшим запросам духа человеческого, питает его, как питало первого человека древо жизни в раю; она, эта мудрость, вместе с тем служит и залогом вечной блаженной жизни человека за гробом; равным образом и в земной жизни руководствующиеся правилами мудрости и благочестия чаще наслаждаются долгоденствием и благоденствием, чем неразумно, неумеренно предающиеся земным благам. Посему «блаженны, которые сохраняют» Премудрость (186.), LXX: καὶ τοὶ ἐπερείδομενοὶ ἐπ' αὐτήν, ὡς ἐπὶ κύριον, ἀσφαλῆς, слав.: *И восклоняющимся на ню, яко на Господа, тверда*. Надеющиеся на Господа, у Него ищущие Премудрости в Господе и Его Премудрости ищущие опоры и умудрения, всегда остаются тверды подобно непреступной Сионской крепости (ср. Пс CXXIV:1).

Сказанное в ст. 18 о Премудрости, как древе жизни, Церковь применила к древу креста Христова: «*lignum vitae crucis Christi*», поскольку на кресте была распята сама воплотившаяся Премудрость (ср. Мф XI:19; Лк XI:49; 1 Кор I:24), и в событии распятия Христа Спасителя открылась высочайшая Премудрость Божия, нашедшая столь необычайное средство примирения людей с Богом. Поэтому отдел Притч III:11–18 читается в качестве паримии в праздники в честь креста Христова — 1 августа (происхождение честных древ Креста Христова) и 14 сентября (Воздвижение честного Креста).

19. Господь премудростью основал землю, небеса утвердил разумом;

20. Его премудростью разверзлись бездны, и облака кропят росю.

21. Сын мой! не упускай их из глаз твоих; храни здравомыслие и рассудительность,

22. и они будут жизнью для души твоей и украшением для шеи твоей.

23. Тогда безопасно пойдешь по пути твоему, и нога твоя не споткнется.

24. Когда ляжешь спать, — не будешь бояться; и когда уснешь, — сон твой приятен будет.

25. Не убоишься внезапного страха и пагубы от нечестивых, когда она придет;

26. потому что Господь будет упованием твоим и сохранит ногу твою от уловления.

19–26. Человек тем более должен стремиться к мудрости, что она не есть только человеческое качество, но сила присущая, — конечно, в бесконечной степени, Самому Богу: высочайшая мудрость составляет печать всей творческой и мироправящей деятельности Божией. Высочайшая премудрость Бога, так творца и промыслителя мира, выразилась в том, что *«Господь премудростью (бехокма) основал землю, небеса утвердил разумом: Его Премудростью разверзлись бездны, и облака кропят росой»* (ст. 19–20).

Под Премудростью, посредством которой Бог предназначал и затем осуществил идею мира, разумеется проявление свойства Божественной Премудрости, но вместе с тем и Ипостасная Премудрость Божия (Сын Божий в Его деятельности до воплощения) в миротворческой Ее деятельности (ср. Притч [VIII:22](#); Прем IX:9; Сир XXIV:10; Ин I:3). Премудрость Божия, со всею очевидностью отобразившаяся в творении мира и всегда являющая себя в его сохранении, должна быть вечным образцом, идеалом для всех ищущих мудрости. Но и богопросвещенная мудрость человеческая — *«здравомыслие и рассудительность»* (евр. *тушийя у-зимма*, ст. 21), поскольку источником ее служит та же Премудрость Божия — должна быть предметом внимания и подражания юноши. Плоды мудрости, даже для одной внешней жизни человека, спасительны и разнообразны: правила мудрости, полагаемые в основу деятельности человека, делаются для него источником духовного питания, нравственной крепости, — словом истинной жизненности (ст. 22), мира, спокойствия и успеха во всех делах (ст. 23), безмятежного покоя и безопасности, как от внешних врагов, так и от внутреннего смятения (ст. 24–25, сн. Пс XC:5–6). Это потому, что мудрый во всех отношениях и обстоятельствах жизни возлагает упование свое на Господа, и надежда его никогда не обманет его (ст. 26; ср. Пс XC:11–12).

27. Не отказывай в благодеянии нуждающемуся, когда рука твоя в силе сделать его.

28. Не говори другу твоему: «пойди и приди опять, и завтра я дам», когда ты имеешь при себе. (Ибо ты не знаешь, что родит грядущий день.)

29. Не замышляй против ближнего твоего зла, когда он без опасения живет с тобою.

30. Не ссорься с человеком без причины, когда он не сделал зла тебе.

31. Не соревнуй человеку, поступающему насильственно, и не избирай ни одного из путей его;

27–31. С положительной и отрицательной сторон изображается образ поведения истинно мудрого и добродетельного в отношении ближних. На первом месте в понятии истинной праведности, по ветхозаветно-библейскому представлению (ср. Втор XV гл. Ис LVIII гл. и др.) стоит добродетель милосердия и благотворения ближним, и Премудрый настоятельно советует не отказывать нуждающемуся (*баал*) в благодеянии (ст. 27, см. Сир IV:2): характерно для ветхозаветно-библейского воззрения на милостыню самое название принимающего ее (*баал*) обладателем, тем, кому милостыня должна принадлежать по долгу или по праву (см. [XVI:22](#); [XVII:7](#)). См. у А. Глаголева, Древнееврейская благотворительность, Киев 1903 с. 33–34), причем в понятии нуждающегося, согласно с законом Моисеевым, мыслятся не только единоплеменник и единоведец, но и пришелец и иноведец, равным образом словами (27б) «когда рука твоя в силах сделать его» дается понять, что только крайняя бедность, отсутствие всяких средств к благотворению может освободить человека от исполнения обязанности благотворения (ср. 2 Кор VIII:12). Имеющий возможность немедленно оказать помощь нуждающемуся не должен откладывать ее до другого дня, ст. 28; LXX добавляют в этом стихе слова (вероятно из Притч [XXVII:1](#)) οὐ γὰρ οἶδας, τί τέξεται ἢ ἐπιούσα, слав.: *не веси бо, что породит день найдяй*, — слова, хорошо согласующиеся с контекстом речи, усиливая мысль о долге человека безотлагательно благотворить всякому нуждающемуся (ср. Сир IV:1 сл.; XII:1 сл.; XXIX:1 сл.; Иов XXXI:16). Ст. 29–30 изображают отрицательную сторону любви к ближнему — коварство и вероломство против доверчивого ближнего, сварливость и сутяжничество без всякого повода: от этих проявлений нелюбви к ближнему предостерегает

Премудрый своего слушателя-ученика. Но так как для юноши в деле добра и зла имеет великую силу пример добродетельных и нечестивых, то Премудрый в ст. 31 предостерегает ученика своего от подражания или соревнования нечестивым, хотя бы внешняя жизнь их и была некоторое время благоуспешна (ср. Пс XXXVI:1; LXXII:3; Притч [XXIV:19](#); [XXIII:17](#)).

32. потому что мерзость пред Господом развратный, а с праведными у Него общение.

33. Проклятие Господне на доме нечестивого, а жилище благочестивых Он благословляет.

34. Если над кощунниками Он посмевается, то смиренным дает благодать.

35. Мудрые наследуют славу, а глупые — бесславие.

32–35. Указывают основание — ближе всего сказанного в ст. 27–31, а затем и всех вообще увещаний гл. III. Изображается, ст. 32–34, прямо противоположное отношение Бога к праведникам и к грешникам. Прежде всего, духовное настроение грешника совершенно чуждо, противно и ненавистно Богу (32а), хотя бы с внешней стороны деяния его представлялись законными, напр., даже жертвы, совершаемые нечестивыми, лишь прогневляют Бога (ср. Ис LXVI:3; I:11), — и только праведные могут наслаждаться благодатной близостью к Богу (32б, сн. Пс XXIV:14). Затем и внешняя судьба нечестивого и праведника существенно различна: благоденствие первого всегда непрочно, над судьбой и домом нечестивого всегда тяготеет проклятие Божие (ст. 33а, сн. Втор XXVIII:15; Зах V:4; Мал II:2), между тем на жилище благочестивых почивает благословение Божие (33б, сн. [IV:13](#) и др.).

Такое различное отношение Бога к нечестивым и праведным и такая различная судьба тех и других суть явления постоянные, составляют как бы закон нравственной жизни; поэтому в ст. 34–35 Премудрый выражает эти мысли еще раз в кратких, выразительных положениях, из которых данное в ст. 34 дважды цитируется (по переводу LXX-ти) в Новом Завете (Иак IV:6; 1 Пет V:5).

1–3. Премудрый будет поучать слушателей, как детей, точнее будет учить своих собственных детей и всех других тем наставлениями, которые некогда слышал от своих родителей, особенно от отца. 4–9. Сущность наставлений отца Премудрого — увещание к мудрости с указанием благ ее. 10–19. Предостережение от уклонений на путь нечестия. 20–27. Настойчивое увещание не забывать отеческих заповедей.

1. Слушайте, дети, наставление отца, и внимайте, чтобы научиться разуму,

2. потому что я преподавал вам доброе учение. Не оставляйте заповеди моей.

3. Ибо и я был сын у отца моего, нежно любимый и единственный у матери моей,

1–3. Учение мудрости и благочестия, преподаваемое Премудрым, имеет тем большую силу истинности и обязательности, что оно не есть лишь достояние и произведение единичной личности учителя, но получено им в наследие от предков, ближе всего от его родителей, у которых он был нежно любимым сыном (ст. 3). Традиция (παράδοσις τῶν πατέρων) возвышала авторитет всякого учения мудрости (ср. Иов VIII:8 сл.; XV:18 сл.; Сир VIII:9; XVI:5; XXXI:12). Тем более Соломон мог прибегнуть к такому приему увещания, что уже в начале речи ([I:8](#)) он упомянул о долге послушания заветам отца и матери. Здесь (ст. 1) и ниже ([V:7](#) и [VII:24](#)) обращение не к «сыну», а к «детям», так как в своей воспитательного характера речи Премудрый ссылается на собственный пример и «сыном является сам Соломон» [[2](#)]. Чему учил Премудрого отец его, об этом говорится ниже со ст. 4.

4. и он учил меня и говорил мне: да удержит сердце твое слова мои; храни заповеди мои, и живи.

5. Приобретай мудрость, приобретай разум; не забывай этого и не уклоняйся от слов уст моих.

6. Не оставляй ее, и она будет охранять тебя; люби ее, и она будет

оберегать тебя.

7. Главное — мудрость: приобретай мудрость, и всем именем твоим приобретай разум.

8. Высоко цени ее, и она возвысит тебя; она прославит тебя, если ты прилепишься к ней;

9. возложит на голову твою прекрасный венок, доставит тебе великолепный венец.

4–9. Увещания отца (Давида, по LXX, слав. — и матери: 'έλεγον και εδίδασκον με, *уже глаголаша и учиша мя*) Соломону, и по содержанию и по характеру сходны с увещаниями самого Соломона к юношеству, рассеянными по всей книге Притчей. Главным предметом речей и наставлений Давида Соломону (ст. 4 сл.; ср. 1 Пар XXVIII:9), как и самого Соломона слушателям его, был закон Божий, заключающийся в Пятокнижии Моисеевом; но затем, воспринятый умом человека. Закон должен быть прилагает к его жизни и деятельности, а это требует особенной «мудрости» (*хокма*), особенного «разума» (*бина*) и отеческое наставление Соломону неоднократно завещает «наподобие выкликов торговца, предлагающего свой товар», по выражение Умбрейта (ст. 6; ср. ст. 8б), стремление к мудрости и неуклонную верность ей (ст. 5, 7; ср. [III:14](#)). Мудрец здесь сравнивается с любимой женой (ср. Сир XV:2), которая охраняет возлюбленного мужа от всяких бед; представляется высочайшим благом, ради которого надо жертвовать всеми иными благами: «*главное — мудрость; приобретай мудрость, и всем именем твоим приобретай разум*» (ст. 7). Ст. 8–9 говорят о благотворных и привлекательных плодах стяжания мудрости (ср. I:9).

10. Слушай, сын мой, и прими слова мои, — и умножатся тебе лета жизни.

11. Я указываю тебе путь мудрости, веду тебя по стезям прямым.

12. Когда пойдешь, не будет стеснен ход твой, и когда побежишь, не споткнешься.

13. Крепко держись наставления, не оставляй, храни его, потому что оно — жизнь твоя.

14. Не вступай на стезю нечестивых и не ходи по пути злых;

15. оставь его, не ходи по нему, уклонись от него и пройди мимо;

16. потому что они не заснут, если не сделают зла; пропадает сон у них, если они не доведут кого до падения;

17. ибо они едят хлеб беззакония и пьют вино хищения.

18. Стезя праведных — как светило лучезарное, которое более и более светлеет до полного дня,

19. Путь же беззаконных — как тьма; они не знают, обо что споткнутся.

10–19. Продолжая изображать блага следования путями премудрости, Давид теперь вместе с тем предостерегает Соломона от уклонения на пути нечестия (ст. 14–19).

Наставления о путях премудрости становятся более специальными — указывают самый характер жизненного следования путями премудрости; премудрость открывает для ревнителя ее долгоденствие (ст. 10) и правильное течение жизни — благоприятные жизненные условия (ст. 11) и отсутствие непреодолимых преград на жизненном пути (ст. 12). Переходя затем к новой группе наставлений — предостережений, Давид еще раз усиленно призывает (ст. 13) сына к неослабному хранению его наставлений мудрости, так как в них заключается истинная жизнь для соблюдающего их, — призывает ввиду опасных для юноши соблазнов. Дальнейшее изображение (ст. 14–17) пути нечестивых имеет не мало общих черт с характеристикой их в 1–19. Если пути нечестивых, способствуя безмерному расширению и усиленно низменных страстей человеческой природы, навсегда лишают человека мира душевного и спокойствия и на каждом шагу готовят ему всякие опасности (ст. 16–17, 19), то, напротив, путь праведных или нравственное поведение их сравнивается (ст. 18) со светом восходящего и постепенно приближающегося к полудню солнца (ср. Ис LX:3; LXII:1; II:5; Притч [VI:23](#); [XXVIII:5](#)), как солнечный свет начинается с появления утренней зари, постепенно усиливается и к полудню достигает своего наивысшего напряжения, так, подобно этому, и

жизнь праведных представляет ряд постепенных успехов в деле нравственного преуспевания: по мере движения их на жизненном пути, жизнедеятельность их становится все чище и светлее (ср. Мф V:16), от низшей ступени нравственного совершенства они восходят к высшей, пока, наконец, не достигнут состояния, о котором предрек Спаситель: *тогда праведницы просветятся, яко солнце, в царствии Отца их*, Мф XIII:43 (см. у еп. Виссариона, с. 56–57).

20. Сын мой! словам моим внимай, и к речам моим приклони ухо твое;

21. да не отходят они от глаз твоих; храни их внутри сердца твоего:

22. потому что они жизнь для того, кто нашел их, и здравие для всего тела его.

23. Больше всего хранимого храни сердце твое, потому что из него источники жизни.

24. Отвергни от себя лживость уст, и лукавство языка удали от себя.

25. Глаза твои пусть прямо смотрят, и ресницы твои да направлены будут прямо пред тобою.

26. Обдумай стезю для ноги твоей, и все пути твои да будут тверды.

27. Не уклоняйся ни направо, ни налево; удали ногу твою от зла,

28 (потому что пути правые наблюдает Господь, а левые — испорчены.

29. Он же прямыми сделает пути твои, и шествия твои в мире устроит.)

20–29. Снова (ст. 20) слушатели побуждаются (ср. [III:21](#); [II:2](#) и др.) к особенно внимательному восприятию наставлений мудрости, которые для исполняющих их являются не только питающими и поддерживающими истинную жизнь духа, но также благотворными для самого тела (ст. 22: мысль подобная выраженной в словах Апостола, «*благодетельство на все полезно, имея обетование жизни настоящей и будущей*», 1 Тим IV:8). Но чтобы человек получил надлежащую устойчивость в добре и неодолимость со стороны приражений зла, всякому ревнителю мудрости — благодетельства необходимо со всею тщательностью, более всяких других сокровищ, хранить свое *сердце* (евр. лев): «*потому что из него источники жизни*» (евр. *тоцео хаим*, LXX: ἐξοδοὶ ζωῆς). Сердце, по библейскому представлению служит центром, средоточием как физически органической природы человека (Пс XXI:27, CI:5; Ис I:5; Иер IV:18), так и душевной и духовной жизни его (Пс LXXXIII:3; Иер XI:20 XVII:10), частнее — не только разного рода ощущений, чувств и эмоций (Притч [XXXI:11](#); [V:12](#); [XIII:12](#); Суд XVI:15), но и высших обнаружений духа, как то: решений воли (1 Цар XIV:7, 3 Цар VIII:17 и др.), ведения и силы разума (3 Цар X:2 Суд XVI:17; Притч [XVII:16](#); [XV:14](#); [VII:7](#); [IX:4](#)), наконец, как центр и носитель нравственной жизни (Пс L:12; 3 Цар III:6; IX:4; Притч [VII:10](#) и мн. др.). В этом последнем значении ветхозаветно-библейское «сердце» ближе всего подходит к христианскому понятию «совесть»; в этом смысле, в смысле чистого нравственного сознания (ср. новозаветное ἀγαθή συνείδησις 1 Тим I:5, 19; 1 Пет III:16), сердце употреблено и здесь Притч [IV:23](#) (ср. Пс L:12; Иов XXVII:6; 1 Цар XXV:31), как показывают и дальнейшие стихи 24–25, предостерегающие от всякого лукавства, от всякого лицемерия и под. (ср. Притч [VI:13](#); [X:10](#); [XVI:30](#); Сир XXVII:25, сн. Мф VI:22–23), чем извращается нормальное течение нравственной жизни, регулируемой доброй совестью. Только при условии неповрежденности последней, пути нравственной жизни человека могут быть тверды (ст. 26. Сн. Пс CVIII:133; Евр XII:13). Ст. 27 представляет сжатое обобщение всех отеческих увещаний к пути мудрости и добродетели и по форме выражения напоминает подобное же увещание законодателя Моисея, Втор V:32. LXX удлиняют этот стих сравнительно с еврейским текстом словами: οδοὺς γὰρ τὰς ἐκ δεξιῶν οἶδεν ὁ θεός, διεστραμμένοι δὲ εἰσὶν αἱ ἐξ ἀριστερῶν αὐτός δὲ ὀρθὰς ποιήσει τὰς τροχιάς σου, τὰς δὲ πορείας σου ἐν εἰρήνῃ προάξει. Прибавка эта имеется и в Вульгате, а равно и в славянском и русском — синодальном перев. кн. Притчей (в переводе архим. Макария слова эти отсутствуют). По мысли слова эти представляют повторение и развитие мысли ст. 26–27. Ввиду устойчивости разных код. греческого текста в передаче этого добавления, а также ввиду авторитета Вульгаты, можно думать, слова эти могли находиться и в том еврейском оригинале, с которого был сделан перевод LXX-ти (ср. *Franz Delitzsch. Das Salomonische Spruchbuch. Leipzig. 1873, s. 39*).

1–6. Общее и предварительное предостережение против соблазнов нецеломудрия. 7–14. Нарочитое и подробное предостережение от обольщений нецеломудренности с изображением губельных ее последствий. 15–20. Столь же подробное увещание к противоположной добродетели — супружеской верности и целомудрию вообще. 21–23. В заключение указывается на всеведение и высочайшее правосудие и мздовоздаяние Божие от которого не может безнаказанно сокрыться никакое преступное деяние.

1. Сын мой! внимай мудрости моей, и приклони ухо твое к разуму моему,

2. чтобы соблюсти рассудительность, и чтобы уста твои сохранили знание. (Не внимай льстивой женщине;)

3. ибо мед источают уста чужой жены, и мягче еляя речь ее;

4. но последствия от нее горьки, как полынь, остры, как меч обоюдоострый;

5. ноги ее нисходят к смерти, стопы ее достигают преисподней.

6. Если бы ты захотел постигнуть стезю жизни ее, то пути ее непостоянны, и ты не узнаешь их.

1–6. Переходя теперь к новой группе увещаний, главным образом к убеждению бегать распутства и влияния распутных женщин, Премудрый здесь (ст. 1–2), как и ниже ([VI:20](#); [VII:1](#)), где снова и снова возвращается к этому же предмету, с особенной напряженностью отеческой любви и доброжелательства, требует от слушателей особенного внимания к своим наставлениям и особенной тщательности в хранении дорогих и священных заветов, которые должны быть основой благоденствия слушателей. Стоящие в скобках слова «не внимай льстивой женщине» (ст. 2, по слав. т. — начало ст. 3) имеются только у LXX-ти и в Вульгате (в некоторых кодд. LXX отсутствуют) и, по-видимому, являются позднейшею глоссой,

поставленной в начале главы в качестве как бы указания темы речи гл. V. В ст. 3–6 Премудрый делает пока лишь косвенное предостережение своих слушателей от пагубного влияния «чужой жены», т. е. блудницы ([II:16](#)), изображая, с одной стороны, внешнюю привлекательность и обольстительность ее, с другой же — конечную бесславную гибель ее. Внешняя привлекательность этой женщины увлекательность ее речи выражается сравнением ее речей (как и невесты в книге Песнь Песней IV:11; V:16) с каплями лучшего сотового меда (За) и с елеем (Зб, ср. Пс LIV:22), но последствия увлечения ее ласками крайне пагубны: увлекшийся ими будет испытывать такое же горькое и мучительное чувство, какое испытывает вкусивший горькой полыни (евр. *лаана*. Vulg.: *abstinthtum*, — так назыв. в ботанике *artemisia abstintium* — обычный в Ветхом Завете образ горечи (Втор XXIX:18; Иер IX:15; Ам V:17; VI:12; Иер IX:14), у LXX слав. не точно: *χολή*, желчь) или получивший глубокую и широкую рану от обоюдоострого меча (ст. 4). Тем естественнее и понятнее неизбежная конечная гибель самой жены распутной: удел ее — смерть (ст. 5), сначала духовная, поскольку духовное начало в ней окончательно подавляется плотским, а затем ранняя и бесславная смерть телесная с последующими мучениями в шеоле — аде. Однако, при свойственном такой жене коварстве, увлекающемуся юноше нелегко бывает открыть истинное свойство и надлежащую цену ее поступков (ст. 6), так как она всегда умеет придать благовидную форму.

7. Итак, дети, слушайте меня и не отступайте от слов уст моих.

8. Держи дальше от нее путь твой и не подходи близко к дверям дома ее,

9. чтобы здоровья твоего не отдать другим и лет твоих мучителю;

10. чтобы не насыщались силою твоею чужие, и труды твои не были для чужого дома.

11. И ты будешь стонать после, когда плоть твоя и тело твое будут истощены, —

12. и скажешь: «зачем я ненавидел наставление, и сердце мое пренебрегало обличением,

13. и я не слушал голоса учителей моих, не приклонял уха моего к

14. едва не впал я во всякое зло среди собрания и общества!»

7–14. Имея в виду свойственные юноше — способность увлечения и легкую возбудимость его чувственности со стороны всяких чувственных соблазнов, Премудрый советует своему слушателю ученику всячески избегать сколько-нибудь близкой встречи с распутной женой (ст. 6), так как всякий вид прелюбодеяния неизбежно ведет для виновника его — Премудрый говорит только о мужчине, виновнике прелюбодеяния, а не о женщине поскольку вообще обращает свои наставления главным образом даже почти исключительно только к мужской половине Израильского общества, — двоякого рода тяжелым последствиям: 1) к материальным потерям — частью из-за особенной требовательности самой жены распутной, частью вследствие вынужденной рабской службы в доме мужа обольстившей данного юношу женщины: удовлетворить гневу и жажде мщения оскорбленного мужа (ср. Притч [VI:34](#)) юноша мог рабской службой в его доме (ст. 9–10) ^[3], так что юноше пришлось бы работать на чужой дом (ст. 10); 2) к форменному общественному суду (ст. 14), результатом которого могла быть даже смертная казнь для виновников (ст. 14, сн. Лев XX:10; Втор XX:11, 22 гл.; Иез XVI:40). Тогда на долю несчастного юноши остается лишь позднее и бесплодное, и потому особенно мучительное раскаяние. Для человека, предававшегося разгулу и разврату, «наступит время, когда уже нельзя будет продолжать разгульную жизнь, когда истощенное распутством тело износится от времени и от болезней, сопровождающих разврат и жар плотской похоти потухнет» (*ep. Виссарион*, с. 62). Тогда начнется пора самообличения грешника (ст. 11–12).

15. Пей воду из твоего водоема и текущую из твоего колодезя.

16. Пусть (не) разливаются источники твои по улице, потоки вод — по площадям;

17. пусть они будут принадлежать тебе одному, а не чужим с тобою.

18. Источник твой да будет благословен; и утешайся женою юности твоей,

19. любезною ланью и прекрасною серною: груди ее да упоявают тебя во всякое время, любовью ее услаждайся постоянно.

20. И для чего тебе, сын мой, увлекаться постороннею и обнимать груди чужой?

15–20. В противовес искажениям семейного и полового инстинкта, Премудрый убеждает ученика своего довольствоваться благами супружеского союза с единой законной женой причем сравнивает ее с собственным домашним водоемом и родниковыми источниками. Для каждого домовладельца, особенно в бедных водой восточных странах, служит предметом особенного удовольствия иметь для своего житейского обихода собственный колодезь или цистерну и не обращаться за водой к соседям. С подобным удовольствием Премудрый сравнивает (ст. 15–16) обладание одной, законной женой, без нарушения чистоты супружества, своего или чужого. По связи речи с предыдущим (ст. 3 сл., 8 дал.), сравнение это имеет прежде всего такой же смысл, как изречение Апостола: «лучше бо есть жениться, нежели разжизатися» (1 Кор VII:9). Но это же сравнение (ст. 16–17) имеет и другую сторону: оно обозначает многочисленное потомство от законного, целомудренного супружества, поскольку и в других библейских местах (Чис XXIV 7; Ис XLVIII:1, LI:1–2) дети изображаются под образом вод, текущих из источника, т. е. от родителей. LXX, по-видимому, понимали и ст. 16 только в первом смысле — о пользовании удовольствиями супружества о одной женой, и потому прибавили в начале ст. 16 отрицание μή — μή ὑπερέκχεϊσθω. Но многие греч. кодд. (29, 109, 147, 157, 161, 248, 252, 253, 254, 260, 295, 297 у Гольмеса, также Алекс., Альд. Комплют.) не имеют отрицания, нет его и в Вульгате и славян. Поэтому, кажется, следует предпочесть чтение евр. масор., хотя понимание ст. 16, даваемое у LXX-ти, согласуется с общим контекстом рассматриваемого места (ср. VII:12). В ст. 18 повторяется наставление ст. 15, но с прибавлением совета «утешайся женою юности твоей»; образ выражения прямо напоминает место из законодательства Втор XXIV:5 о новобрачных. Законная жена при этом выразительно сравнивается (ст. 19) с ланью или серною: обычный в восточной поэзии образ грациозности и миловидности женщины (ср. Песн II:9, 17; VIII:14). Напоминая мужу о долге супружеской верности Премудрый выражает желание, чтобы нежные отношения между мужем и женой установившиеся на первых порах их совместной жизни, не ослабевали с течением времени, чтобы взаимная привязанность супругов длилась всю жизнь, и для супруга не было надобности искать супружеских удовольствии на стороне (ст. 19–20).

21. Ибо пред очами Господа пути человека, и Он измеряет все стези его.

22. Беззаконного уловляют собственные беззакония его, и в узах греха своего он содержится:

23. он умирает без наставления, и от множества безумия своего теряется.

21–23. В качестве высшего и последнего мотива к избежанию всякого вида нецеломудренности указывается на всеведение Божие и на всеобъемлемость мироправящего промысла Божия (ср. Иов XXIV:23; XXXIV:21; XXXI:4, от которого тщетно бы думал укрыться предающийся распутству: по суду Божию, распутство, как всякое преступление вообще, влечет за собой частью естественные, частью нарочито посылаемые Богом гибельные последствия (ср. [I:31–32](#); [IX:5](#); [XVIII:7](#); Пс VII:16 и мн. др.).

Наставления о целомудрии и предостережение против распутства, начатые Премудрым в V-й главе, продолжаются и в VI-й гл. ст. 20–35, и в VII-й. Только в ст. 1–19 одна связная речь прерывается другого содержания и характера наставлениями: 1–5. Зло необдуманного поручительства. 6–11. Гибельность лености и призыв к трудолюбию и прилежанию. 12–19. Богопротивность лукавства и коварства нечестивого в отношении ближних. Следующий раздел ст. 20–35 распадается на два меньших отдела: 20–24 — увещание к целомудрию, и 25–35 — предостережение от соблазнов прелюбодейной жены.

1. Сын мой! если ты поручился за ближнего твоего и дал руку твою за другого, —

2. ты опутал себя словами уст твоих, пойман словами уст твоих.

3. Сделай же, сын мой, вот что, и избавь себя, так как ты попался в руки ближнего твоего: пойдя, пади к ногам и умоляй ближнего твоего;

4. не давай сна глазам твоим и дремания веждам твоим;

5. спасайся, как серна из руки и как птица из руки птицелова.

1–5. Частые наставления книги Притчей о вреде поручительства [VI:1](#), [XI:15](#); [XIII:18](#); [XX:16](#); [XXII:26](#)) объясняются тем, что, по воззрениям обычного (в законе Моисеевом не записанного) древнееврейского права, поручившийся за несостоятельного должника трактовался юридически заменявшим последнего и, при обычном жестокосердии кредиторов, нередко платился за своего клиента не только собственным имуществом (Сир VIII:16; XXIX:18–25), но и личной свободой (4 Цар IV:1; Мф XVIII:25. См. у Ewald'a Die Alterthümer des Volkes Israel. 3 A (1866), s. 246).

Но в данном случае Премудрый со всею настоятельностью предупреждает ученика своего собственно от необдуманного, поспешного и безрассудного принятия поручительских обязательств, что без сомнения было не редкостью у юношей того времени (охота принимать на себя поручительство за другого могла у юношей обращаться в особую страсть и превращаться в азарт, наподобие дуэли у европейских народов). Самое поручительство совершалось через рукобитие: поручитель давал руку заимодавцу и

кредитору (ср. Притч [XI:15](#); Иов XVII:3).

Указав, ученику своему великую опасность поручительства (ст. 1–2), Премудрый далее (ст. 3–5) советует ему всеми мерами освободиться от возможных неприятных последствий своего необдуманно принятого обязательства. В качестве такой меры рекомендуется (ст. 3) усиленно, даже униженно умолять должника немедленно возвратить долг заимодавцу; а затем — советуется с неослабной бдительностью — не давая сна глазам и веждам дремания (ст. 4 — по-видимому, древнееврейская поговорка, ср. Пс СXXXI:4), во что бы то ни стало, хотя бы с затратой величайших усилий, освободиться, как иногда освобождается серна или птица из ловушки (ст. 5, ср. Пс СXXXIII:7), из своего тягостного положения, созданного неблагоприятным поручительством. Вся речь о поручительстве имеет характер чисто житейской мудрости, указывая в качестве главного мотива деятельности — чувство самосохранения.

6. Пойди к муравью, ленивец, посмотри на действия его, и будь мудрым.

7. Нет у него ни начальника, ни приставника, ни повелителя;

8. но он заготавливает летом хлеб свой, собирает во время жатвы пищу свою. (Или пойди к пчеле и познай, как она трудолюбива, какую почтенную работу она производит; ее труды употребляют во здравие и цари и простолюдины; любима же она всеми и славна; хотя силою она слаба, но мудростью почтена.)

9. Доколе ты, ленивец, будешь спать? когда ты встанешь от сна твоего?

10. Немного поспишь, немного подремлешь, немного, сложив руки, полежишь:

11. и придет, как прохожий, бедность твоя, и нужда твоя, как разбойник. (Если же будешь не ленив, то, как источник, придет жатва твоя; скудость же далеко убежит от тебя.)

6–11. То же чувство самосохранения, по мысли Премудрого, должно побуждать человека к трудолюбию и отвлекать от лени, причем в 6–8 в пример трудолюбия указывается

муравей (по LXX ст. 8 — еще и пчела), а в ст. 9–11 приводятся губительные последствия для человека от лени его. Муравей, трудящийся во всякое время по собственному, инстинктивному побуждению — без внешнего принуждения (ст. 7) и мудро собирающий себе запасы летом для зимы (ст. 8), является весьма пригодным и внушительным символом и уроком трудолюбия; в качестве такого символа или образца муравей весьма нередко встречается в поэзии арабской и персидской, а также в классической письменности (у Аристотеля, Вергилия, Горация, см. *Zockler. Die Spruche Salomionis*, s. 69). LXX (также слав. и русск. синод.) в ст. 8, кроме муравья, приводят в качестве образца трудолюбия и искусства еще пчелу (в Комплютенском изд. греч. текста речь о пчеле опущена): мед пчелы собираемый ею с величайшим искусством, употребляют во здравие не одни простолюдины, но и цари, и у всех пчела в почете. Хотя о пчеловодстве, как промысле, в Ветхом Завете не упоминается (только уже у Филона и в Мишне), под именем меда (евр. *дебаш*) (напр., в выражении: земля текущая молоком и медом) разумеется, главным образом, фруктовый мед (и теперь еще называемый в Сирии *дибс*), но и о пчелином меде библейские евреи несомненно знали (см. Втор I:44; Суд XIV:8; Пс CXVII:12; Ис VII:18), и потому LXX могли в имевшемся у них еврейском подлиннике читать это другое сравнение или олицетворение трудолюбия [4]. От сравнения Премудрый переходит (ст. 9 и сл.) к прямому обличению ленивца, беспечно почитающего непробудным сном. На приглашение проснуться (ст. 9, см. Еккл IV:5; см. Еф V:14), ленивец отвечает просьбой дать ему еще несколько поспать или подремать (ст. 10, см. [XXIV:33](#)). Но Премудрый угрожает ему неизбежными последствиями беспечности и лени: нищетой бедностью, которая приходит быстро, неожиданно, как прохожий как вооруженный разбойник (LXX: $\omega\sigma\lambda\epsilon\rho$ $\kappa\alpha\kappa\omicron\varsigma$ $\acute{o}\beta\omicron\omicron\lambda\omicron\rho\acute{o}\varsigma$ $\acute{\omega}\sigma\lambda\epsilon\rho$ $\alpha\gamma\alpha\theta\omicron\varsigma$ $\delta\rho\omicron\mu\epsilon\upsilon\upsilon\varsigma$, Vulg.: quasi viator, quasi vir armatus), см. 11. В конце ст. 11 LXX, Vulg. (слав., русск.) имеют прибавку, выражающую обратную мысль той, какая высказана в первой половине стиха (в Комплют. Библии прибавка отсутствует): прибавка имеет вид распространительной глоссы. В гл. XXIV [ст. 33–34](#) повторяются стихи 10–11 рассматриваемой главы, но данной прибавки там не имеется.

12. Человек лукавый, человек нечестивый ходит со лживыми устами,

13. мигает глазами своими, говорит ногами своими, дает знаки пальцами своими;

14. коварство в сердце его: он умышляет зло во всякое время, сеет раздоры.

15. Зато внезапно придет погибель его, вдруг будет разбит — без исцеления.

16. Вот шесть, что ненавидит Господь, даже семь, что мерзость душе

Его:

17. глаза гордые, язык лживый и руки, проливающие кровь невинную,

18. сердце, кующее злые замыслы, ноги, быстро бегущие к злодейству,

19. лжесвидетель, наговаривающий ложь и сеющий раздор между братьями.

12–19. В стихах 12–15 Премудрый предостерегает ученика своего от всех видов и проявлений лукавства и коварства, а в ст. 16–19 эти пороки и некоторые другие представляются особенно богопротивными. Уже и ранее ([IV:24–25](#)) предостерегал от лукавства и призывал к прямому и открытому образу действий. Здесь он делает то же, но при этом подробно обрисовывает хитрую мимику — глаз, ног, пальцев — коварного и лукавого человека (ст. 13), всегда замышляющего в сердце зло на ближнего и на общество (ст. 14, см. [II:12](#), [14](#), [III:29](#)): но конечная, неисцельная гибель злодея неизбежна (тс. 15. [I:27](#); [III:25](#); [XXIV:22](#)).

Затем, для возбуждения в ученике большего отвращения к порокам злобы, лукавства, коварства, Премудрый называет, ст. 17–19, семь (собственно 6) пороков, составляющих проявления общей порочности и испорченности сердца человеческого. У LXX (и в слав.) мысль о шести пороках в ст. 15 отсутствует. И в других местах кн. Притчей обличаются: гордые глаза ([XXX:13](#)), руки, проливающие кровь ([I:11](#)) и под., но здесь обличения эти сгруппированы полнее и выражены в особенной свойственной языку притчей форме числового параллелизма.

20. Сын мой! храни заповедь отца твоего и не отвергай наставления матери твоей;

21. навяжи их навсегда на сердце твое, обвяжи ими шею твою.

22. Когда ты пойдешь, они будут руководить тебя; когда ляжешь спать, будут охранять тебя; когда пробудишься, будут беседовать с тобою:

23. ибо заповедь есть светильник, и наставление — свет, и

назидательные поучения — путь к жизни,

24. чтобы остерегать тебя от негодной женщины, от льстивого языка чужой.

25. Не пожелай красоты ее в сердце твоём, (да не увлечен будешь очами твоими,) и да не увлечет она тебя ресницами своими;

26. потому что из-за жены блудной обнищают до куска хлеба, а замужняя жена уловляет дорогую душу.

27. Может ли кто взять себе огонь в пазуху, чтобы не прогорело платье его?

28. Может ли кто ходить по горящим угольям, чтобы не обжечь ног своих?

29. То же бывает и с тем, кто входит к жене ближнего своего: кто прикоснется к ней, не останется без вины.

30. Не спускают вору, если он крадет, чтобы насытить душу свою, когда он голоден;

31. но, будучи пойман, он заплатит всемеро, отдаст все имущество дома своего.

32. Кто же прелюбодействует с женщиною, у того нет ума; тот губит душу свою, кто делает это:

33. побои и позор найдет он, и бесчестие его не изгладится,

34. потому что ревность — ярость мужа, и не пощадит он в день мщения,

35. не примет никакого выкупа и не удовольствуется, сколько бы ты ни умножал даров.

20–35. Предполагая теперь возобновить нить рассуждений и наставлений о целомудрии и о вреде распутства, Премудрый здесь (ст. 20), как и в начале книги ([I:8](#)) делает нарочитое увещание к ученику — помнить заповеди и наставления родителей, которые по закону Моисееву (Втор [VI:7](#)) не только сами должны были хранить и исполнять заповеди Божии, но и детям возвещать о них. Такое общее вступление пред увещаниями к целомудрию совершенно аналогично подобным же введениям в [V:1–2](#), а [VII:1–5](#) к рассуждению о том же предмете. Ввиду особенной важности заветов о целомудрии, Премудрый настоятельно советует ученику своему — всегда неотложно иметь в мысли, как бы на сердце и шее (ст. 21, ср. [III:3](#); [VI:3](#)) родительские заветы, которые и должны охранять юношу от соблазнов во всех положениях и отношениях житейских (ст. 22, сн. 23–24), ибо таково свойство, переданных родителями, заповедей Закона Божия, всегда служащего истинным светом и руководящим началом жизни человека (ст. 23, сн. Пс СХХIII:105), а потому, в частности, заповеди эти всегда сильны удержать неопытного юношу от преступного сближения со злой, т. е. прелюбодейной женой (ст. 24, сн. [II:16](#); [VII:5](#)). Теперь, в ст. 25–35, с целью более решительного предохранения юноши от соблазнов прелюбодеяния Премудрый изображает внутреннюю — психологическую и внешнюю — фактической сторону прелюбодеяния, с указанием губительных последствий последнего. Прежде всего, Премудрый предостерегает (ст. 25) от самого начала или корня греха прелюбодеяния: нужно остерегаться возникновения похоти или страстного влечения в сердце к блудной и вообще посторонней женщине под впечатлением красоты или кажущейся привлекательности ее наружности. В этом указании Премудрого на необходимость охранять первее всего сердце свое от похотения нельзя не видеть дальнейшего раскрытия заповеди десятого заповедия «не пожелай жены» (Исх [XX:17](#); Втор [V:21](#)) и приготовления евангельского возвышенного понимания этой исповеди (Мф [V:28](#)). Упомянув далее (ст. 26) о том, что блудница, существо презренное и ничтожное, однако, может погубить человека почтенного, который, впадая в распутство, теряет не только имущество (ср. Притч [XXIX:3](#); Сир [IX:6](#)), но и честь и доброе имя, Премудрый далее (ст. 27–29) выражает ту мысль, что всякое соприкосновение с женой ближнего, совершаемое с нечистой целью, никоим образом не может оставаться невинным: подобно тому как невозможно сохранить в целости одежду, если взять в пазуху огонь, равным образом нельзя уберечь от обжога ноги, если пройти по горящим угольям (оба вопроса в ст. 27 и 28 предполагают безусловно отрицательный ответ, как и у Ам [III:4–6](#)), так немисливо сохранить мужчине невинность, незапятнанное имя и безответственность по суду — при неосмотрительно и

непозволительно близком общении с неверной женой другого.

В ст. 30–32 предлагается другой бытовой пример из которого выводится та же мысль о неизбежной ответственности человека, подпавшего греху жены любодейной: если вору не прощают его поступка, даже и при наличии смягчающих обстоятельств (голод), — напротив взыскивают всемеро (по закону Моисееву (Исх XXII:1–2)), собственно впятеро или вчетверо; «всемеро» здесь ст. 31, как и в Быт IV:15 — круглое число вместо неопределенного множества, ибо во второй половине стиха штраф определяется еще шире, т. е., даже все имение его дома, то тем более не заслуживает пощады участник прелюбодеяния, к которому ничто его не вынуждало. 33–35. Бесчестие, срам, побои от оскорбленного им мужа будут его уделом; позор останется незагладим тем более, что обещанный им муж неверной жены не захочет взять от него и денежного штрафа или выкупа. Но высшим и чувствительнейшим наказанием прелюбодея, по воззрениям Соломона, как и Сираха, является презрение со стороны общественного мнения, несмываемый позор пред обществом.

1–6. Вступительное увещание к хранению заповедей Божиих и вообще к стяжанию мудрости, как оплоту против обольщения женою прелюбодейною. 6–9. Образ неразумного юноши. 10–20. Блудница ласками и лукавыми обещаниями прельщает неразумного. 21–23. Последствия обольщения. 24–27. Заключительное увещание.

1. Сын мой! храни слова мои и заповеди мои сокрой у себя. (Сын мой! чти Господа, — и укрепись, и кроме Его не бойся никого.)

2. Храни заповеди мои и живи, и учение мое, как зрачок глаз твоих.

3. Навяжи их на персты твои, напиши их на скрижали сердца твоего.

4. Скажи мудрости: «ты сестра моя!» и разум назови родным твоим,

5. чтобы они охраняли тебя от жены другого, от чужой, которая умягчает слова свои.

1–5. Общее введение к последующему увещанию против увлечений соблазнами распутной жены имеет и в содержании и в форме много общего с прежними подобными же вводными замечаниями Премудрого ([I:8](#); [II:1](#); [VI:20](#); частнее ср. ст. 2 и [IV:4](#); ст. 3 и [III:3](#)). В тексте LXX слав. в начале ст. 2 есть добавление: υιέ, τίμα τον Κύριον, καί ισχύσεις, πλήν δέ αὐτοῦ μή φοβοῦ άλλον, *сыне, чти Господа, и укрепишия! кроме же Его не бойся иного*. Хотя эти слова и не встречаются в других переводах, и, на первый взгляд, как бы несколько прерывают течение речи, однако, ввиду аналогичных мест книги Притчей ([I:7](#); [III:7](#)), возможно что эти слова были и в еврейском оригинале, бывшем у LXX.

Наставление в ст. 4 — назвать мудрость сестрою, а разум — родным (свойственником) характерно как вообще для семитического образа представления отношений между лицами и предметами (напр., Иов XVII:14; XXX:29); но и особенно для ветхозаветно-библейского учения о премудрости (сн. Прем VIII:2; Сир XV:2): мудрость должна стать возлюбленным другом искателя ее, предметом его любви и вожделения. Цель мудрости, — без сомнения, благоустройство всей жизни человека, но здесь (ст. 5) указывается лишь одна из целей и одно из проявлений мудрости: мудрость дает возможность ревнителю ее устоять против обольщений прелюбодейной жены.

- 6. Вот, однажды смотрел я в окно дома моего, сквозь решетку мою,**
- 7. и увидел среди неопытных, заметил между молодыми людьми неразумного юношу,**
- 8. переходившего площадь близ угла ее и шедшего по дороге к дому ее,**
- 9. в сумерки в вечер дня, в ночной темноте и во мраке.**

6–9. Совершенно противоположен правилам мудрости образ действий юноши безумного: он вовсе не держится предписываемых мудростью правил — удалять путь свой от жены прелюбодейной и не приближаться к двери дома ее ([V:8](#)), или — изгонять из сердца всякое похотливое увлечение красивой внешностью блудницы ([VI:5](#)); напротив, он намеренно направляется к дому ее ([VII:8](#)), видимо исполненный похоти к ней и преступных намерений, удовлетворению которых (содействует случай предвиденной, быть может, встречи (ст. 9, по-видимому, указывает на то, что юноша усиленно искал приключений) с женой блудницею, обольстительные приемы которой сейчас изображаются, ст. 10–20.

- 10. И вот — навстречу к нему женщина, в наряде блудницы, с коварным сердцем,**
- 11. шумливая и необузданная; ноги ее не живут в доме ее:**
- 12. то на улице, то на площадях, и у каждого угла строит она ковы.**
- 13. Она схватила его, целовала его, и с бесстыдным лицом говорила ему:**
- 14. «мирная жертва у меня: сегодня я совершила обеты мои;**

15. поэтому и вышла навстречу тебе, чтобы отыскать тебя, и — нашла тебя;

16. коврами я убрала постель мою, разноцветными тканями Египетскими;

17. спальню мою надушила смирною, алоем и корицею;

18. зайди, будем упиваться нежностями до утра, насладимся любовью,

19. потому что мужа нет дома: он отправился в дальнюю дорогу;

20. кошелек серебра взял с собою; придет домой ко дню полнолуния».

10–20. Если в гл. V беспорядочной прелюбодейной любви противопоставлялись блага любви к единой законной жене: если в гл. VI, [ст. 20–35](#) преподавались увещания о подавлении главным образом *внутренних* нечистых сердечных движений, как корня и начала греха нецеломудрия, то здесь, гл. 10–20, дается подробное, конкретное изображение *отвне* *приходящих* соблазнов к нарушению седьмой заповеди десятословия, особенно же подробно изображается сама виновница мужских падений — прелюбодейная жена. Чрезвычайно конкретный образ ее смущал и еврейских и христианских толкователей книги Притчей, из которых первые даже склонялись, ввиду этого, к исключению книги Притчей из канона, а некоторые древние христианские толкователи пытались объяснять образ блудницы Притч VII в аллегорическом смысле — безумия, нечестия, в противоположность изображаемой в гл. VIII–IX Премудрости Божией. Но хотя и нельзя отрицать возможности этого аллегорического понимания, однако, и непосредственное буквальное понимание рассматриваемого отдела вполне согласимо с боговдохновенностью книги Притчей, ибо цель картины, ст. 10–20 гл. VII — поучительная: Премудрый путем этого конкретного образа желает возбудить в ученике своем отвращение к соблазнам прелюбодейания и внушить стойкость в целомудрии. Прелюбодейная жена является на улице в одежде блудницы, с покрывалом (LXX: εἶδος ἑχούσα πορνικόν, Vulg.: *omatu meretricio*, ст. 10), чтобы не приняли за замужнюю женщину (ср. Быт XXXVIII:14 сл.; Толков. Библия, т. I, с. 216). Бесстыдство, коварство, лукавство обнаруживаются во всех действиях и жестах жены (ст. 11–13); особенно же в словах ее. Желая придать приглашению своему невинный вид, она поводом к приглашению выставляет (ст. 14) религиозное торжество — принесение у нее мирной жертвы всегда соединявшейся с

пиршеством (Лев VII:11 сл.). Затем, завлекая юношу в свои сети, говорит (ст. 15–18) о роскошной обстановке предстоящего пиршества и плотских удовольствий, а последнее возможное колебание юноши побеждает упоминанием о долговременной отлучке своего мужа из дома (ст. 19–20).

21. Множеством ласковых слов она увлекла его, мягкостью уст своих овладела им.

22. Тотчас он пошел за нею, как вол идет на убой, (и как пес — на цепь,) и как олень — на выстрел,

23. доколе стрела не пронзит печени его; как птичка кидается в силки, и не знает, что они — на погибель ее.

21–23. Хитрые речи блудницы, хорошо рассчитанные на податливость чувственной природы человека, особенно юноши, увенчиваются успехом; после некоторых колебаний юноша безвольно отдается в руки губительницы и предается животным наслаждениям, губящим и тело и душу.

24. Итак, дети, слушайте меня и внимайте словам уст моих.

25. Да не уклоняется сердце твое на пути ее, не блуждай по стезям ее,

26. потому что многих повергла она ранеными, и много сильных убиты ею,

27. дом ее — пути в преисподнюю, нисходящие во внутренние жилища смерти.

24–27. Тем убедительнее являются заключительные увещания избегать соблазна всякого вообще вида прелюбодеяния, конечные результаты которого всегда одни и те же; временная

и вечная гибель.

1–21. Учительная деятельность Божественной Премудрости: Премудрость Божия своею проповедью призывает всех, привлекая к себе богатством даров своих. 22–31. Миротворческая деятельность Премудрости Божественной. 32–36. Увещание к следованию учениям и постановлениям Премудрости, в послушании которым заключается жизнь а в противлении — смерть.

1. Не премудрость ли взывает? и не разум ли возвышает голос свой?

2. Она становится на возвышенных местах, при дороге, на распутиях;

3. она взывает у ворот при входе в город, при входе в двери:

1–3. Еще прежде, в начале книги гл. I, [ст. 20–21](#) след., Премудрый вводил в речь свою проповедь Премудрости от собственного ее лица, а в [III:19–20](#) упомянул об участии Премудрости в творении мира и промышленности. Теперь он делает то же значительно подробнее: почти целых две главы, VIII–IX, посвящены раскрытию учения самой Премудрости о себе самой, о достоинстве — Божеском или Божественной природе Премудрости, о миротворческой, миропромыслительной и мироспасающей деятельности, о высочайших свойствах и богатейших дарах ее, о значении для человечества и т. д. Священный писатель как бы намеренно в предыдущих главах (гл. IV–VII) сгруппировал и исчерпал все возможные виды и случаи соблазнов на пути благочестивой и мудрой жизни, чтобы здесь, в гл. VIII–IX, цельнее изобразить положительным образом истинную мудрость по учению самой же Ипостасной Премудрости. При этом, естественно, отсутствует всякое упоминание о том, что это учение дошло до Премудрого по преданию от предков (как в [IV:3–4](#) и дал.). Даваемая чтением ст. 1 LXX и слав. форма обращения к слушателю: *σὺ τὴν σοφίαν κηρύξεις, ἵνα φρόνησις σοὶ ὑπακούσῃ*, *сыне, премудрость проповеждь, да разум послушает тебе*, менее удобоприемлема, чем по чтению евр. масор. Вульг. и русск.: проповедующею выступает сама Премудрость Божия. Подобно всем проповедникам вещаний Божиих — пророкам, апостолам Премудрость проповедует во всех местах общественных собраний, равно вообще всюду, где только можно встретить слушателей: на возвышенностях, на дорогах, распутиях и перекрестках, при входе в город — у городских ворот, на улицах и при входе в дома (ст. 2–3). Как бы ни были шумны подобные народные собрания, но и среди сутолоки и шума празднословящих и спорящих людей, раздаются, подобно некоторому гимну, поучительные и назидательные речи из уст ревнителей и вестников Божественной мудрости.

4. «к вам, люди, взываю я, и к сынам человеческим голос мой!

5. Научитесь, неразумные, благоразумию, и глупые — разуму.

6. Слушайте, потому что я буду говорить важное, и изречение уст моих — правда;

7. ибо истину произнесет язык мой, и нечестие — мерзость для уст моих;

8. все слова уст моих справедливы; нет в них коварства и лукавства;

9. все они ясны для разумного и справедливы для приобретших знание.

10. Примите учение мое, а не серебро; лучше знание, нежели отборное золото;

11. потому что мудрость лучше жемчуга, и ничто из желаемого не сравнится с нею.

12. Я, премудрость, обитаю с разумом и ищу рассудительного знания.

13. Страх Господень — ненавидеть зло; гордость и высокомерие и злой путь и коварные уста я ненавижу.

4–13. Премудрость обращает призыв Свой решительно ко всем людям — к праведным и нечестивым, знатным и простолюдинам [5]; всех призывает, по руководству Божественной Премудрости, развивать свои умы и сердца (ст. 5), обогащая ум всякими полезными сведениями духовной и житейской мудрости (ср. 1:4; Еккл I:13) и сообщая сердцу

устойчивость в истинном добре (ср. Мф X:16). Вещает Премудрость нечто безмерно важное в жизни человеческой (ст. 6; ср. Мф VII:29), именно: чистую истину, подлинную правду, совершенную справедливость, все же противное тому Ей абсолютно чуждо: все эти наставления Премудрости, при всей своей высоте и глубине, однако вполне доступны разумению человека (ст. 7–9). Поэтому стяжание этих учений должно быть предметом больших вожделений и исканий человека, чем приобретение богатств и сокровищ (ст. 10–11, сн. [III:14–15](#); Иов XXVIII:15–16; Прем VII:9). Сила совета и способность руководить мысль людей к достижению правильного решения в делах неизменно присущи Божественной Мудрости, основу же и самую сущность мудрости, сообщаемой Ею, составляет страх Божий и отвращение от зла (ст. 12–13, сн. [I:7](#), [IX:10](#)).

14. У меня совет и правда; я разум, у меня сила.

15. Мною цари царствуют и повелители узаконяют правду;

16. мною начальствуют начальники и вельможи и все судьи земли.

17. Любящих меня я люблю, и ищущие меня найдут меня;

18. богатство и слава у меня, сокровище непогибающее и правда;

19. плоды мои лучше золота, и золота самого чистого, и пользы от меня больше, нежели от отборного серебра.

20. Я хожу по пути правды, по стезям правосудия,

21. чтобы доставить любящим меня существенное благо, и сокровищницы их я наполняю. (Когда я возведу то, что бывает ежедневно, то не забуду исчислить то, что от века.)

которой — в Мудрости Божественной. Все дела человеческие могут иметь прочный успех только при содействии Премудрости Божественной, так как только Она одна обладает в совершенстве светом, разумом и силой, нужными для осуществления Ее мероприятий, — к благу человека, — без Ее содействия мудрость человеческая бессильна (ст. 14). В частности цари, правители, всякие власти и законодатели могут мудро управлять подчиненными народами и обществами, могут издавать мудрые и полезные законы только при содействии Той же Божественной Премудрости (ст. 15–16, сн. Дан II:21). Все обилие благ, присущих Премудрости, Она всегда готова даровать любящим Ее и разумеющим истинную ценность Ее даров (ст. 17–21). Таковы дивные дары Премудрости. Но божественная природа и достоинство Ее разительнейшим образом выразились еще в участии Премудрости в деле творения мира, о чем и говорит теперь, ст. 22–31, Премудрый.

22. Господь имел меня началом пути Своего, прежде созданий Своих, искони;

23. от века я помазана, от начала, прежде бытия земли.

24. Я родилась, когда еще не существовали бездны, когда еще не было источников, обильных водою.

25. Я родилась прежде, нежели водружены были горы, прежде холмов,

26. когда еще Он не сотворил ни земли, ни полей, ни начальных пылинок вселенной.

27. Когда Он уготовлял небеса, я была там. Когда Он проводил круговую черту по лицу бездны,

28. когда утверждал вверху облака, когда укреплял источники бездны,

29. когда давал морю устав, чтобы воды не переступали пределов его, когда полагал основания земли:

30. тогда я была при Нем художницею, и была радостью всякий день, веселясь пред лицом Его во все время,

31. веселясь на земном кругу Его, и радость моя была с сынами человеческими.

22–31. В этом отделе отцы и учителя Церкви не без основания усматривали под предвечной и миротворящей Премудростью ипостасную Премудрость, Второе Лицо Пресвятой Троицы, Сына Божия, сближая понятие о Ней с понятием о Слове Божиим, которое, по учению Апост. и Евангелиста Иоанна Богослова, изначально было у Бога, само было Бог, через Которое *«все произошло, и без Которого не начало быть ничто, что произошло»* (Ин I:1–3, ср. Евр I:2; Откр III:14). Без сомнения, на ветхозаветной почве не могло быть такой ясности и раздельности, точности и определенности в учении о Логосе или Слове Божиим, какую получило это понятие в учении св. Евангелиста Иоанна: для ветхозаветного, даже и боговдохновенного, мудреца миротворящая Премудрость Божия есть, прежде всего, идея мира, предсуществовавшая у Бога до творения, — есть то начало, которое явилось посредствующей орудной причиной всего творения, эта идея и начало изображаются здесь олицетворенно. Говорить же нарочито о Божественном достоинстве второй Ипостаси Премудрый не мог. Совершенно ошибочно, в IV веке по Р. Х., во время христологических соборов, ариане на основании слов Премудрости: *«Господь созда (LXX, ἐκτίσθε) мя начало путей Своих»* (ст. 22) защищали свое лжеучение, что Сын Божий есть тварь. Против этого православные богословы указывали на еврейское чтение этого текста, понимая евр. гл. *кана* в смысле: *приобрел* (ἐκίησαίω, как у Филона и Оригена, или ἐκτίσθε με, как в кодд. 23, 252 у Гельмеса. Vulg: *possedit me*, русск. синод.: *имел Меня началом...*); или же относя понятие творчества собственно к вочеловечению сына Божия. Оба эти последние объяснения имеют свое значение и основание. Но следует, во всяком случае, помнить, что в Ветхом Завете не могло быть богословской точности в формулировке идеи Логоса, и потому понятие «создания» здесь могло быть приложено и к Премудрости Божественной. В книге Иисуса сына Сирахова, учение которой стоит под неоспоримым влиянием книги Притчей, Премудрость не раз называется созданной Богом: I:4: *πρότερα πάντων ἐκτίσται σοφία*; I:9: *αὐτός ἐκτίσεν αὐτήν*; XXIV:8: *ὁ κτίσας με*. Однако уже до-мирное существование Премудрости, утверждаемое в Притч [VIII:22–31](#), составляет верное предвестие новозаветного учения о Слове или Сыне Божиим. Вся речь Премудрости распадается на два отдела: ст. 22–26 и ст. 27–31, из которых в первом показывается до-мирное существование Премудрости, а во втором утверждается деятельное участие Премудрости в творении мира и отдельных видов сотворенного. Премудрость помазана была (ст. 23, ср. Пс II:6), т. е., была представлена Богом быть владычицею творений (ср. о Сыне Божиим Откр III:14: *ἡ ἀρχὴ τῆς κτίσεως τοῦ θεοῦ*) еще прежде появления последних — прежде сотворения самой земли в ее первобытном виде (ст. 23), прежде появления великой мировой бездны, всяких водовместилищ, гор, холмов и начала всякой органической жизни (24–25, ср. Пс LXXXIX:2, Иов XXXVIII:6 и др.) существовала и именно была рождена Богом Премудрость (ст. 24–25). Рожденная прежде всякого творение (ср. о Сыне Божиим: *πρωτότοκος πάσης κτίσεως*, Кол I:15), Премудрость отнюдь не была

пассивной свидетельницей самого творения мира, напротив, во всем процессе миротворения (ст. 27–30, и ср. Иов XXVI:9; XXXVIII:10 и дал.) Она была неизменной участницей дела Божия, отпечатлевая свой небесный облик на делах творений Божиих. И как завершением и целью творения мира было создание человека (Быт I:26 сл.), так особенным предметом участия и радости Премудрости было также именно создание человека — венца творений Божиих, на котором, как на образе и подобии Божиим, совершеннейшим образом отпечатлелась печать и Премудрости (ст. 30б-31а). Это особенное участие Премудрости в деле создания человека вполне отвечает библейскому сказанию о бывшем в Пресвятой Троице совете пред сотворением человека (Быт I:26, ср. Толков Библии т. I, с. 11). Истинный, изначальный источник радования Ипостасной Премудрости или Логоса заключался именно в общении Его с Богом Отцом (Ин XVII:24), а радость Ее в творениях и особенно в людях является отобразом той премирной радости. Отдел Притч [VIII:22–30](#) в качестве паримии и читается в храмах на богослужении в дни: Обрезания Господня (1 янв.), Благовещения Пресв. Богор., напоминая верующим о том, что воплотившийся Сын Божий от вечности существовал в общении с Богом Отцом.

32. Итак, дети, послушайте меня; и блаженны те, которые хранят пути мои!

33. Послушайте наставления и будьте мудры, и не отступайте от него.

34. Блажен человек, который слушает меня, бодрствуя каждый день у ворот моих и стоя на страже у дверей моих!

35. потому что, кто нашел меня, тот нашел жизнь, и получит благодать от Господа;

36. а согрешающий против меня наносит вред душе своей: все ненавидящие меня любят смерть».

32–36. К людям, как преимущественным носителям мудрости, запечатленной Творцом на всем творении, Премудрость обращается теперь с увещанием слушать и хранить наставления мудрости, так как в слушании и хранении их заключено все блаженство и вся жизнь человека (ст. 32, 34, 35, ср. Пс CXVIII:1–2; Лк XI:23), тогда как уклоняющиеся от общения с Премудростью, а тем более ненавидящие Ее, готовят себе временную и вечную смерть.

1–11. Божественная Премудрость как устроительница Царства Божия на земле. 12–18. Противоположная тому деятельность нечестия, олицетворяемого в образе блудницы.

1. Премудрость построила себе дом, вытесала семь столбов его,

2. заколола жертву, растворила вино свое и приготовила у себя трапезу;

3. послала слуг своих провозгласить с возвышенностей городских:

1–3. Если в гл. VIII говорилось об участии Премудрости в деле миротворения и промышленности Божия (ст. 27–31), и люди вообще призывались к послушанию Премудрости, то здесь в гл. IX говорится — под образом основанного Премудростью дома (ст. 1) — об устройении Ипостасной Премудростью Царства Божия или Церкви среди людей для их духовного питания, просвещения и освящения, и все люди нарочито приглашаются в этот дом Премудрости на приготовленную Ею трапезу. Премудрость божественная — эта великая художница или строительница (Притч [VIII:30](#)) с момента начала миротворения, — в исторические времена основала на земле великий дом Свой (там же ст. 34), который, конечно, вместе есть дом Божий (Пс LXXXIII:11). Дом Премудрости Божией есть, очевидно, Царство Божие или Церковь, основание которой Божественным Домостроительством было положено еще в раю; это Царство Божие, затем во многообразии священных библейских событий и лиц, теократических установлений и учреждений, под руководством Закона и пророков, раскрывалось в течение всего Ветхого Завета вплоть до явления Христа Спасителя, когда оно сменилось новозаветной Церковью или новозаветным Царством Божиим (1 Тим III:15; Евр III:6; Откр III:12). Дом премудрости основан на семи столбах (ст. 1), т. е. согласно общему библейскому значению числа 7 в смысле полноты, законченности, совершенства (Быт IV:24; Пс XI:7; Мф XVIII:21–22). Царство Божие или Церковь Премудростью Божией снабжена многоразличными дарами и дарованиями — всем, что нужно для ее благоустройства, процветания и славы. Толкование числа семи столбов в точном значении дало большую часть неудачные опыты, таково древне-иудейское толкование — в смысле 7 небес, с которых сошла Тора и дарована людям (Midr. S. 25), еще менее в смысле 7 свободных искусств (Heidenheim) или 7 первых глав книги Притчей (Hitzig), наконец, 7 свойств вышней мудрости по исчислению Иакова (Иак III:17). Заслуживает лишь внимания христианско-церковное толкование семи столбов в смысле семи даров Св. Духа (Ис XI:2–3, сн. Откр I:4, 12; III:1; IV:5), затем — семь таинств и под.

Блага царства Божия, основанного Премудростью, изображаются здесь (ст. 2) под образом приготовленной Ею трапезы мяса мирной жертвы (евр.: *тебах*, LXX: *θύματα*, Vulg.:

victimās) и растворенного — водой или пряностями — вина (ср. Ис V:22; Притч [XXIII:30](#)), как и в Евангелии Господь изображал блага Царства Божия на земле и Царства Небесного под образом трапезы (Мф XXII:1; сл. Лк XIV:16; сл. XXII:30). Частнее, при свете Нового Завета, под этой трапезой Премудрости, можно разумеать Евхаристию или таинство тела и крови Христовой. К этой Божественной трапезе Премудрость призывает людей через посланных Ею рабов (ст. 3), как и в евангельских притчах о званых на царскую вечерю гости приглашаются через рабов царских (Мф XXII, сл.; Лк XIV:16 сл.). Под этими рабами-глашатаями надо разумеать всех когда-либо посланных Богом и Его Премудростью — проповедников истины Божией для созидания среди людей Божественной теократии, в Ветхом Завете — пророков, в Новом Завете — апостолов (Ис LII:7; Рим X:15–18).

4. «кто неразумен, обратись сюда!» И скудоумному она сказала:

5. «идите, ешьте хлеб мой и пейте вино, мною растворенное;

6. оставьте неразумие, и живите, и ходите путем разума».

4–6. Люди, к которым обращается призыв посланников Премудрости, именуется здесь (ст. 4, 6) неразумными или скудоумными — не в абсолютном смысле, а в относительном — в смысле ненаучности высшим истинам и, главнее, нравственной неустойчивости и бесхарактерности (ст. 6, ср. [VII:7](#); [XIX:25](#); [XXI:11](#)). Такие люди, каких особенно много среди юношей, еще доступны научению и педагогическому воздействию (ср. Пс XVIII:8; CXVIII:130). А во время насаждения христианства именно такие, простые умом и сердцем люди, оказались особенно восприимчивыми к проповеди Евангелия (Мф XI:25; Лк X:21; 1 Кор I:27). Потому-то Премудрость и призывает их на свою духовную трапезу (ст. 5), в свет истинного разумения и благочестия.

7. Поучающий кощунника наживет себе бесславие, и обличающий нечестивого — пятно себе.

8. Не обличай кощунника, чтобы он не возненавидел тебя; обличай мудрого, и он возлюбит тебя;

9. дай наставление мудрому, и он будет еще мудрее; научи правдивого, и он приумножит знание.

7–9. Здесь делается вводное замечание, имеющее целью ограничить круг людей, к которым обращена проповедь посланников Премудрости: бесцельно и напрасно учить мудрости людей, презрительно издевающихся над истиной, ненавистно относящихся к ней и к ее проповедникам (ср. Мф VII:6). Вместо бесполезной и небезопасной траты слов на вразумление кощунника, проповедник лучше должен обращать свое внимание на мудрого, т. е., по крайней мере, стремящегося к мудрости, которому проповедь мудрости всегда принесет существенную пользу (ср. Мф XIII:12). Понятно, впрочем, само собой, что и указанное ограничение, ст. 7–8, имеет лишь относительное и условное значение: им внушается не безусловное запрещение учить нечестивых истине, а лишь осмотрительность в обращении с хулителями истины. Любовь, высшее начало истинной жизни, обязывает всех обладателей истины всюду распространять добро и истину, заботясь о спасении всех, по образцу Самого Бога, хотящего спасения всех, не исключая и грешных (Иез XVIII:32; XXXIII:11; 2 Пет III:9; 2 Тим II:4).

10. Начало мудрости — страх Господень, и познание Святаго — разум;

11. потому что чрез меня умножатся дни твои, и прибавится тебе лет жизни.

10–11. Речь Премудрости заканчивается указанием того главного основания, на котором зиждется серьезное искание мудрости (ст. 10), — и благодатных плодов или спасительных последствий истинной мудрости для стяжавшего ее (ст. 11).

Началом мудрости является страх Божий (10а, сн. [L7](#)) и благоговейное познание Бога: «познание Святаго — разум» (10б). (Этот перевод следует, по закону параллелизма, предпочесть греческому LXX: Βουλὴ ἁγίων σύνεσις, слав.: *совет святых разум*. Скорее можно бы принять перевод Вульг.: *scientia sanctorum prudentia*); LXX, слав. в конце ст. 10 имеют добавление: το ἅρ γνῶναι νόμον διανοίας ἐστὶν ἀγαθῆς; слав.: *разумети бо закон помысла есть благаго*. Добавление это отсутствует во многих греческих кодексах (23, 68, 106, 109, 248, 252, 295 у Гольм., в Альд. Алекс., у Климента Александр.), не имеется и в Вульгате: по-видимому — позднейшая глосса, хотя и отвечающая контексту речи. Ст. 11 представляет одно из нередких в Книге притчей обещаний долголетия за исполнение уроков мудрости (сн. [III:2](#), [16](#), [21](#), [IV:10](#), [15](#), [X:27](#)).

Рассмотренный отдел Притч IX:1–11 читается в храмах в качестве паримии на Богородичные праздники, поскольку здесь предизображается Ипостасная Премудрость не в предвечном бытии Своем, а в состоянии воплощения; мысль же о воплощении Сына Божия неотделима от мысли о Богоматери, послужившей орудием воплощения Сына Божия (см. у *ep. Виссариона*, с. 103–104).

12. (Сын мой!) если ты мудр, то мудр для себя (и для ближних твоих); и если буен, то один потерпишь. (Кто утверждается на лжи, тот пасет ветры, тот гоняется за птицами летающими: ибо он оставил пути своего виноградника и блуждает по тропинкам поля своего; проходит чрез безводную пустыню и землю, обреченную на жажду; собирает руками бесплодие.)

12. В качестве побуждения к исполнению наставлений мудрости и к избежанию (изображаемых ниже) соблазнов безумия и распутства, Премудрый указывает здесь на то, что полезные следствия мудрости имеют силу собственно для самого держащегося мудрости, а не для Бога (мысль, аналогичная выраженной в Иов XXII:2–3), и не для ближних. LXX, слав., однако, добавляет: *καί τοίς πλησίον, и искренним твоим*. Кроме того LXX и еще имеют трехстрочное добавление к ст. 12, имеющееся также в сирск. и арабск. переводах, а также в славянск. и русск. синод. (в последнем эти добавления заключены в скобки). По-видимому, это позднейшие глоссы, хотя имеющие признаки происхождения из еврейского подлинника, перенесенные сюда из других мест кн. Притчей и других свящ. книг.

13. Женщина безрассудная, шумливая, глупая и ничего не знающая

14. садится у дверей дома своего на стуле, на возвышенных местах города,

15. чтобы звать проходящих дорогою, идущих прямо своими путями:

16. «кто глуп, обратись сюда!» и скудоумному сказала она:

17. «воды краденые сладки, и утаенный хлеб приятен».

18. И он не знает, что мертвецы там, и что в глубине преисподней зазванные ею. (Но ты отскочи, не медли на месте, не останавливай взгляда твоего на ней; ибо таким образом ты пройдешь воду чужую. От воды чужой удаляйся, и из источника чужого не пей, чтобы пожить многое время, и чтобы прибавились тебе лета жизни.)

13–18. Для усиления впечатления от увещаний Премудрости здесь подробно изображаются соблазны неразумия, идущие от жены распутной. По внешности призыв последней напоминает призыв мудрости, но отличающие жену распутную дерзость, безрассудство и подобные отрицательные качества (ст. 13–17), а главным образом гибельный конец увлекающихся ее соблазнами (ст. 18, см. [VII:27](#)), должны, по мысли Премудрого, раз и навсегда предохранить ученика его от всяких увлечений распутства и безумия, как бы ни были подчас велики соблазн и искушение следовать им. — В конце ст. 18 у LXX имеется добавление, имеющее характер позднейшей глоссы (ее нет в Комплютенск. изд.).

С гл. X начинаются «Притчи Соломона» (X:1) о характере общем содержании, назначении и цели которых было сказано в начале книги Притчей (гл. I, ст. [2-6](#)). Если в гл. I–IX развитие мысли о значении мудрости шло последовательными и связными периодами, то отселе с гл. X по XXIX включительно идет ряд приточных изречений разнородного содержания, так что почти каждый стих есть самостоятельное целое, отдельная притча, не имеющая видимой связи ни с предыдущим ни с последующим. По содержанию своему эти приточные изречения относятся ко всевозможным отношениям и условиям жизни. Пред взором читателя, в свойственном жизни человеческой разнообразии здесь проходят попарно: богатый и бедный, мудрый и глупый, прилежный и ленивый, благочестивый и нечестивый, отец и сын, муж и жена, господин и раб, царь и подданный и под. Относясь каждая к отдельным явлениям жизни, все притчи в совокупности, однако, выражают цельное воззрение на жизнь, законченное мировоззрение свящ. писателя.

По форме своей притчи эти образуют двухстрочия, обе части которого находятся обыкновенно в отношении противоположности (в гл. X–XV) — исключительно или представляют собой так называемый антитетический параллелизм, в котором одно полустихие выражает обратную сторону истины выражаемой в другом (см. напр., еще в Пс II:6; Еккл II:14).

1. Притчи Соломона. Сын мудрый радуется отцу, а сын глупый — огорчение для его матери.

1. Такую именно форму имеет уже этот первый стих, имеющий, очевидно, отношение ко всему последующему собранию притчей. Частный оттенок мысли в противопоставлении отца и матери: печаль неудачного сына особенно глубоко воспринимает материнское сердце (ср. [I:8](#); [XV:20](#); [XVII:25](#)).

2. Не доставляют пользы сокровища неправедные, правда же избавляет от смерти.

3. Не допустит Господь терпеть голод душе праведного, стяжание же нечестивых исторгнет.

4. Ленивая рука делает бедным, а рука прилежных обогащает.

5. Собирающий во время лета — сын разумный, спящий же во время жатвы — сын беспутный.

6. Благословения — на голове праведника, уста же беззаконных заградит насилие.

7. Память праведника пребудет благословенна, а имя нечестивых омерзет.

2–7. При всей разнородности содержания этих шести стихов, они несколько объединяются общему всем им мыслью о неодинаковом земном жребии праведного и нечестивого, разумного и неразумного, прилежного и ленивого. «Жизнь и смерть» (ст. 2) — типическое обозначение блага и бедствия жизни, проходящее через всю книгу Притчей. — «Сокровища неправедные» — нажитые неправдой, беззаконием, «не доставляют пользы» — бессильны спасти от смерти, а равно от всякого смертельного бедствия. Спасет от этого одна «правда» (евр. *цедака*), т. е. правота всех намерений и поступков человека, деятельное осуществление «мудрости», *хокма* (по традиционно-еврейскому толкованию, *цедака*, спасающая от смерти, есть милостыня). Мысль ст. 2 почти дословно повторяется в [ст. 4](#) гл. XI. В ст. 3 противопоставляются, во-первых, «душа» праведного, т. е. нормальное, уравновешенное психическое состояние (по LXX *ψυχή δικάια*) праведника — и «стяжание» или алчность (евр. *гавва*, ср. Мих III:7; по LXX *ζωή*, жизнь, в смысле средств к жизни) нечестивого; а, во-вторых, противоположная судьба одного и другого: Господь не попускает праведнику голодать (ср. Пс XXXII:19; XXXVI:25), напротив, злым и похотливым желанием нечестивца не дает осуществляться, тем более, что они часто бывают направлены ко злу ближних. Затем, в ст. 4–5, высказывается мысль, что благосостояние или материальная скудость стоят в зависимости и от собственной энергии или, напротив, бездействия, как уклонения от всеобщего закона труда (Быт III:19). В Вульгате к ст. 4 добавлено: *qui nititur mendaciis, hic pascit ventos idem autem ipse sequitur aves volantes*. LXX имеют прибавку в ст. 5, читаемую в славянск. Библии так: «спасется от зноя сын разумный, ветротленен же бывает на жатве сын беззаконный», т. е. благоразумный, вследствие своевременной уборки хлеба, не терпит вреда от знойного ветра, тогда как неразумный и беспорядочный человек пропускает время жатвы, и перезрелый хлеб в колосьях опустошает зной и ветер; общее, здесь как и в целых ст. 4–5, выражена мысль о необходимости благоразумного пользования временем для успеха в делах житейских и духовных. Ст. 6–7 говорят о добром имени, незапятнанной репутации праведного и — бесславию и гибели имени нечестивого, как при жизни их (ст. 6), так и по смерти того и другого (ст. 7) (ср. Пс CXI:6; Сир XLIV:13; сн. Мф XXVI:13).

8. Мудрый сердцем принимает заповеди, а глупый устами преткнется.

9. Кто ходит в непорочности, тот ходит безопасно; а кто превращает пути свои, тот будет наказан.

10. Кто мигает глазами, тот причиняет досаду, а глупый устами преткнется.

8–10. Противопологаются по характеру и последствиям действия мудрого и нечестивого в отношении к наставлениям мудрости (ст. 8), в поведении или жизненном пути, противоположном у одного и другого (ст. 9), и в самой манере речи — лукавой и криводушной у нечестивого, и прямой, хотя бы и резкой, у праведного (ст. 10). Последняя мысль рельефнее, чем в еврейском тексте, выражена в греч. переводе LXX второй половины ст. 10: *ὁ δὲ ἐλέγχων μετὰ παρρησίας εἰρηνοποιεῖ*; слав.: *обличаяй же с дерзновением миротворит.*

11. Уста праведника — источник жизни, уста же беззаконных заградит насилие.

12. Ненависть возбуждает раздоры, но любовь покрывает все грехи.

13. В устах разумного находится мудрость, но на теле глупого — розга.

14. Мудрые сберегают знание, но уста глупого — близкая погибель.

11–14. Продолжается изображение доброго и злого, мудрого и глупого — в отношении их обращения с ближними и влияния на них, преимущественно со стороны речи или способности и манеры пользоваться словом. Если вообще речь человеческая сравнивается с волнами и потоками вод (Притч [XVIII:4](#); [XX:5](#)), то речь праведного — по ее прямоте и назидательности — называется здесь (ст. 11) источником жизни, тогда как из уст нечестивого выходит только насилие. Этому насилию и пагубному влиянию его на общество способствует именно наполняющая его ненависть. Напротив, «любовь покрывает все грехи» (ст. 12, ср. 1 Пет IV:8; Иак V:20; 1 Кор XIII:4), т. е. снисходит к ошибкам ближнего, не распространяет о нем худой молвы (ср. [XVII:9](#)), вообще всячески содействует миру. В ст. 13–14 новая противоположность мудрого и неразумного: первый восприимчив к простому

наставлению мудрости, для второго требуется физическое воздействие (ст. 13); первый, уразумев истину, не спешит сообщать ее всем и каждому, напротив, соблюдает осторожность в речи, сообразуется с степенью восприимчивости слушателей; глупый, напротив, болтлив — к своей гибели (ст. 14).

15. Имущество богатого — крепкий город его, беда для бедных — скудость их.

16. Труды праведного — к жизни, успех нечестивого — ко греху.

17. Кто хранит наставление, тот на пути к жизни; а отвергающий обличение — блуждает.

18. Кто скрывает ненависть, у того уста лживые; и кто разглашает клевету, тот глуп.

19. При многословии не миновать греха, а сдерживающий уста свои — разумен.

20. Отборное серебро — язык праведного, сердце же нечестивых — ничтожество.

21. Уста праведного пасут многих, а глупые умирают от недостатка разума.

15–21. В этих семи стихах говорится главным образом о земных благах, ценности их и способе приобретения и употребления. Возвышающее самочувствие и самонадеянность человека, значение богатства и принижающее на человека действие бедности (ст. 15) — факт опыта. Премудрый этим изречением предостерегает — богатого от самонадеянности, порождаемой богатством, а бедного от лени, приводящей к бедности и нищете. При этом как богатство, так и бедность рассматриваются главным образом с нравственной точки зрения: богатство, предполагается, должно быть приобретено жизненной мудростью и средствами нравственно-безукоризненными и в свою очередь должно быть употребляемо на

дела мудрости, любви и благочестия; напротив, бедность, являющаяся следствием лени и других пороков, может, в свою очередь, приводить к новым порокам. Что Премудрый рассматривает богатство и бедность главным образом с моральной точки зрения, показывает следующий стих — 16-й, где прямо говорится, что прочны лишь приобретения праведника, а стяжания нечестивого ведут ко греху, — а равно и ст. 17-й, где уже со всею определенностью выступает нравоучительное направление и содержание речи: говорится о спасительности хранения учения мудрости и о губительности пренебрежения обличением (ср. [XII:1](#)): не принимающий обличения не только сам гибнет, но, через пагубную силу примера, губит и других (Мф XV:14). В следующих ст. 18–21 говорится преимущественно о правильном, спасительном и неправильном, губительном пользовании даром слова: осуждается злоречие по адресу ближнего (ст. 18), вообще празднословие, неизбежно приводящее ко греху (ст. 19, ср. [XIII:3](#); [XXI:23](#); Еккл X:14; Сир XX:7; XXII:31; XXVIII:25; Мф XII:35), похваляется, напротив, обдуманное слово праведного (20а) как назидательное для многих (21а), в противоположность пустому, бессодержательному слову нечестивого (20б, 21б.)

22. Благословение Господне — оно обогащает и печали с собою не приносит.

23. Для глупого преступное деяние как бы забава, а человеку разумному свойственна мудрость.

24. Чего страшится нечестивый, то и постигнет его, а желание праведников исполнится.

25. Как проносится вихрь, так нет более нечестивого; а праведник — на вечном основании.

22–25. Соответственно неодинаковой настроенности безумного нечестивого и мудрого — праведного (ст. 23), неодинаковы и внешняя судьба того и другого: у праведника все спорится, все ему дается без труда, забот и тревоги, так как на жизни и делах его почивает благословение Божие (ст. 22, сн. Пс СХХVI:2 сл.), всякое желание его исполняется (ст. 24б); напротив, удел нечестивого — вечный страх за свое благополучие (ст. 24а, сн. Ис LXVI:4; Иов III:25), а конец его — внезапная и полная гибель, при полной непоколебимости праведника (ст. 25; сн. [I:27](#); Иов I:19).

26. Что уксус для зубов и дым для глаз, то ленивый для посылающих его.

26. В этом стихе высказана, особняком здесь стоящая, мысль о вреде лени (ср. [VI:6](#) сл.; [XII:27](#); [XIX:24](#)).

27. Страх Господень прибавляет дней, лета же нечестивых сократятся.

28. Ожидание праведников — радость, а надежда нечестивых погибнет.

29. Путь Господень — твердыня для непорочного и страх для делающих беззаконие.

30. Праведник во веки не поколеблется, нечестивые же не поживут на земле.

27–30. Повторяются не раз высказанные мысли о различном до противоположности жребии праведных и нечестивых (ср. [III:2](#); [IX:11](#); см. Иов VIII:13; Пс CIX:6).

31. Уста праведника источают мудрость, а язык зловредный отсеется.

32. Уста праведного знают благоприятное, а уста нечестивых — развращенное.

31–32. Об устах праведного и нечестивого и плодах их.

1–11. О значении справедливости в отношении ближних и о пагубности несправедливости. 12–15. Против болтливости, пристрастия к клевете, неразумии в советах и легкомысленных поручительств. 16–23. Различное поведение и противоположные плоды праведного и нечестивого. 24–26. Против скупости и несострадательности. 27–31. Прочны лишь плоды благочестия.

1. Неверные весы — мерзость пред Господом, но правильный вес угоден Ему.

2. Придет гордость, придет и посрамление; но со смиренными — мудрость. (Праведник, умирая, оставляет сожаление; но внезапно и радостна бывает гибель нечестивых.)

3. Непорочность прямодушных будет руководить их, а лукавство коварных погубит их.

4. Не поможет богатство в день гнева, правда же спасет от смерти.

5. Правда непорочного уравнивает путь его, а нечестивый падет от нечестия своего.

6. Правда прямодушных спасет их, а беззаконники будут уловлены беззаконием своим.

7. Со смертью человека нечестивого исчезает надежда, и ожидание беззаконных погибает.

8. Праведник спасается от беды, а вместо него попадает в нее нечестивый.

9. Устами лицемер губит ближнего своего, но праведники прозорливостью спасаются.

10. При благоденствии праведников веселится город, и при гибели нечестивых бывает торжество.

11. Благословением праведных возвышается город, а устами нечестивых разрушается.

1–11. Предостережение от применения неправильных весов и увещание к добросовестности в этом отношении (ст. 1, см. [XX:10](#)), составляет повторение постановления закона (Втор XXV:13–16); нередкое повторение этого правила требовалось частыми случаями его нарушения особенно в торговле (Сир XXVI:27). Премудрый подкрепляет наставление свое мыслью о Всеведущем и Всеправедном Боге. О пагубности гордости (ст. 2) Премудрый говорит неоднократно (см. [XVI:18](#); [XVIII:12](#)), равно как и о благе противоположной добродетели — смирения (см. [III:34](#)), которое, по контексту данного места (ст. 2), есть вместе и мудрость и прославление. LXX делают здесь прибавку, — по-славянски: *умираяй праведник остави раскаяние, удобна же бывает и посмеятелна нечестивых погибель*, — выражающую ту мысль, что противоположное нравственное настроение праведного и нечестивого при жизни сопровождается или имеет следствием различный до противоположности характер самой смерти и посмертной памяти того и другого. Ст. 3 продолжает мысль ст. 2 о превосходстве прямотушия праведности пред коварством злобы — даже для одного внешнего благополучия человека. Ст. 4 усиливает мысль ст. 2 гл. X-ой: не только богатство, собранное неправыми путями и средствами ([X:2](#)), но и вообще всякое богатство не принесет пользы нечестивому, спасение заключается лишь в правде, праведности, — спасение именно «в день гнева», т. е. Божественного гнева и суда Божия (ср. Иез VII:19; Соф I:18; Сир V:10). Ст. 5–6 совершенно параллельны как между собой, так и со ст. 3 (ср. также [X:3](#); Прем V:15), выражая противоположность жизненного жребия праведного и нечестивого, соответствующую противоположной нравственной настроенности того и другого. Из особенностей духовного настроения праведного и нечестивого объясняется, по ст. 7–8, противоположная судьба того и другого, как при жизни, так и по смерти: праведник, выше всего ценящий благо общения с Богом, переходя в загробную жизнь, в этом самом убеждении своем имеет крепкую и благую надежду на милосердие Господа (ср. [X:28](#)); напротив, нечестивый, при жизни всею душой преданный земным благам и пренебрегавший благом общения с Богом, умирая, лишается благ земных, к которым страстно был привязан душой (Пс XLVIII:18), уразумевает, наконец, истинную цену благ духовных, и в этом позднем сознании — заключается для него источник новых мучений. Прижизненное спасение праведника от скорби, которая вместо него постигает нечестивого (ст. 8), — примеры часто бывали в библейской истории (по книге Есфирь, гибель, ожидавшая иудеев в Мардохее, в действительности постигла язычников и Амана гл. VII–IX; по кн. пророка Даниила, нечестивые клеветники этого пророка погибли

вместо него, Дан VI:25), — составляло скорее благочестивое теократическое верование избранного народа Божия (ср. Ис XLIII:3), чем факт опыта, который (опыт) всегда даст гораздо более примеров противоположного свойства. На почве этого выражения могло создаваться убеждение, что общественное мнение всегда сорадуется счастью праведника и радуется гибели нечестивого (ст. 10–11, ср. Есф VIII:15; III:15), хотя действительность, конечно, предоставляет немало явлений и обратных тому. Во всяком случае, присутствие в городе людей праведных есть залог благополучия и общества (ср. Быт XVIII:24 сл.).

12. Скудоумный высказывает презрение к ближнему своему; но разумный человек молчит.

13. Кто ходит переносчиком, тот открывает тайну; но верный человек таит дело.

14. При недостатке попечения падает народ, а при многих советниках благоденствует.

15. Зло причиняет себе, кто ручается за постороннего; а кто ненавидит ручательство, тот безопасен.

12–15. Следует ряд изречений разнородного содержания, частью в отношении к личной нравственной жизни человека, (ст. 12–13), частью в связи с общественными (ст. 15) и государственными (ст. 14) отношениями. Именно, осуждается как горделивое, презрительное отношение к ближнему, обыкновенно служащее признаком глупости гордого (ст. 12а ср. [XIV:21](#)), так и легкомысленное отношение к чести и доброму имени ближнего, выражающееся в распространении слухов и речей, служащих к его опорочению (ст. 13а, ср. Лев XIX:16; Иер IX:3); похваляется, напротив, скромность, молчаливость (12б) и верность в хранении вверенной тайны (13б, ср. Сир XIX:10; XXVII:16–21). В отношении народного управления одобряется присутствие при царе многих советников (ст. 14, см. [XV:22](#); [XXIV:6](#)), разумеется, если они люди — глубокого ума и доброй совести. В ст. 15 повторяется, данное уже в Притч [VI:1](#) предостережение против необдуманного поручительства, и одобряется житейская осторожность в этом отношении.

16. Благонравная жена приобретает славу (мужу, а жена, ненавидящая правду, есть верх бесчестия. Ленивцы бывают скудны), а трудолюбивые приобретают богатство.

17. Человек милосердый благотворит душе своей, а жестокосердый разрушает плоть свою.

18. Нечестивый делает дело ненадежное, а сеющему правду — награда верная.

19. Праведность ведет к жизни, а стремящийся к злу стремится к смерти своей.

20. Мерзость пред Господом — коварные сердцем; но благоугодны Ему непорочные в пути.

21. Можно поручиться, что порочный не останется ненаказанным; семя же праведных спасется,

22. Что золотое кольцо в носу у свиньи, то женщина красивая и — безрассудная.

23. Желание праведных есть одно добро, ожидание нечестивых — гнев.

16–23. Взаимное соотношение двух половин ст. 16-го по тексту евр.-масор. и Вульг представляется неясным и может быть понято лучше по тексту LXX (слав., русск. синод.), имеющему между этими двумя предложениями два других, из которых первое заключает в себе противоположение первой мысли стиха, а другое — второй его половине. Весь стих 16 по т. LXX читается так: Γυνή ευχάριστος εγείρει άνδρί δοξαν, θρόνος δε ατιμίας γυνή μισούσα δίκαια πλούτου οκνηροί ενδεείς γίνονται, οι δε ανδρείοι ερείδονται πλούτω. Слав. и русск. синод, дословно передают чтение LXX, причем слова, не имеющиеся в евр. т., в русск. заключены в скобки. Вместо этого антитетического параллелизма Вульгата ближе к т. евр. — дает параллелизм синтетический или сравнительный: *mulier gratiosa inveniet gloriam et robusti habebunt divitias*. Чтение LXX-ти ст. 16 заслуживает предпочтения пред т. масор. и Вульг. Мысль стиха: блага, даже внешние, приобретаются усилиями человека. В следующих стихах (17 и дал.) развивается мысль, что блага жизни достигаются именно нравственными

усилиями, богоугодной религиозно-нравственной настроенностью человека. Именно источником благосостояния человека называется прежде всего благотворительность (ст. 17, сн. ст. 25), затем правда (ст. 18–19), благоговейная непорочность пред Богом (ст. 20–21). Вместе с тем противоположные пороки: немилосердие, коварство, жестокость, нечестие, являются источником гибели для повинных в тех пороках людей. Это, вообще, столь часто повторяющаяся, в книге Притчей, мысль о соответствии земного жребия человека его религиозно-нравственному достоинству (ср. Гал VI:8; 1 Тим IV:8). В ст. 22, соответственно тому, в образном сравнении высказывается мысль о непристойности благолепия или, общее, блага для нравственного безобразия, которое от присоединения к нему изящной обстановки еще нагляднее являет свое ничтожество (ст. 22-й — пример так называемой эмблематической притчи). Ст. 23 представляет как бы заключительное обобщение предыдущих мыслей — о противоположности жизненных стремлений и чаяний праведных и нечестивых.

24. Иной сыплет щедро, и ему еще прибавляется; а другой сверх меры бережлив, и однако же беднеет.

25. Благотворительная душа будет насыщена, и кто напоет других, тот и сам напоен будет.

26. Кто удерживает у себя хлеб, того клянет народ; а на голове продающего — благословение.

24–26. Высоко ценя щедрость и благотворительность, Премудрый устраняет здесь возможное у благотворителей опасение разорения, обеднения, — указывая на особое промышление Божие о благотворительных, у которых по мере большего развития щедрости увеличивается благосостояние (ст. 24–25, сн. Пс CXI:9; 2 Кор IX:9); напротив излишняя бережливость (ст. 24б), а особенно неумеренная скупость, соединенная с жестоким равнодушием к нужде ближнего (26а), не созидают благополучия человека. В ст. 26а имеется в виду случай народного голода, когда случается, что корыстолюбивый торговец намеренно задерживает, не пускает в продажу своих запасов хлеба, чтобы после иметь большой барыш: участь таких алчных и немилосердных людей — проклятие со стороны народа (ср. Сир V:4). В тексте LXX и слав. эта мысль усиливается посредством стоящего здесь в начале ст. 26 добавления: *ὁ συνεχὼν σίτον ὑπολείπει αὐτὸν τοὺς ἔθνεσι* [6], слав.: *удержавая пшеницу оставит ю языком*, — т. е. при возможном вторжении в страну неприятелей алчные хлеботорговцы, отказывавшие своим соотечественникам в насущном хлебе, сделаются со всем имуществом своим жертвой грабежа иноплеменных поработителей

27. Кто стремится к добру, тот ищет благоволения; а кто ищет зла, к тому оно и приходит.

28. Надеющийся на богатство свое упадет; а праведники, как лист, будут зеленеть.

27–28. Мысль ст. 27 с небольшим изменением была высказана выше — в [ст. 24](#) гл. X-ой, а — ст. 28-го — в [ст. 2](#) той же главы. Уподобление благосостояния праведника цветущему дереву (ст. 28) не раз встречается в Библии (Пс I:3; Пс XCI:13; Ис LXVI:14).

29. Расстроивающий дом свой получит в удел ветер, и глупый будет рабом мудрого сердцем.

29. «Получит в удел ветер», т. е. лишится (сн. Ис XXVI:18; Ос VIII:7), расточительный и безумный и, вследствие бедности и разорения (Лев XXV:39), принужден будет стать рабом более толкового, что, по мысли Премудрого, в порядке вещей ([XVII:2](#)).

30. Плод праведника — древо жизни, и мудрый привлекает души.

31. Так праведнику воздается на земле, тем паче нечестивому и грешнику.

30–31. Плоды праведности — жизнь с ее благами (ст. 30, сн. [III:18](#)) убеждают всякого в действительности нравственного миропорядка. Тем бесспорнее страшное возмездие нечестивому (ст. 31). Ст. 31 по чтению LXX буквально и повторяется в 1 Пет IV:18 в отношении к христианскому обществу.

1–3. О внутренней и внешней противоположности добра и зла вообще. 4–11. О счастье и несчастье домашней жизни и о причинах того и другого. 12–22. О положительных и отрицательных явлениях в жизни общественной, преимущественно в связи с должным или недолжным употреблением языка 23–26. О мудрости, правде и прилежании с их противоположностями.

1. Кто любит наставление, тот любит знание; а кто ненавидит обличение, тот невежда.

2. Добрый приобретает благоволение от Господа; а человека коварного Он осудит.

3. Не утвердит себя человек беззаконием; корень же праведников неподвижен.

1–3. Мысль о том, что путь к мудрости заключается в наставлении и тщательном внимании к нему (ст. 1), представляет повторение высказанного в [X:17](#); а мысль о прочности единой лишь праведности (ст. 3) выражена была ранее в [X:25](#).

4. Добродетельная жена — венец для мужа своего; а позорная — как гниль в костях его.

5. Промышления праведных — правда, а замыслы нечестивых — коварство.

6. Речи нечестивых — засада для пролития крови, уста же праведных спасают их.

7. Коснись нечестивых несчастье — и нет их, а дом праведных стоит.

8. Хвалят человека по мере разума его, а развращенный сердцем будет в презрении.

9. Лучше простой, но работающий на себя, нежели выдающий себя за знатного, но нуждающийся в хлебе.

10. Праведный печется и о жизни скота своего, сердце же нечестивых жестоко.

11. Кто возделывает землю свою, тот будет насыщаться хлебом; а кто идет по следам празднолюбцев, тот скудоумен. (Кто находит удовольствие в трате времени за вином, тот в своем доме оставит бесславие.)

4–11. На первом месте в ряду благ домашней жизни человека поставляется доблестная жена, именуемая венцом мужа своего (4а) — так как ее труд, прилежание, толковость и под. приносят мужу богатство, честь и славу (ср. [XXXI:10](#) след.); напротив, неизмеримо велик вред для мужа от злой жены: как червь подтачивает дерево, и оно сохнет и гибнет, так и злая жена подтачивает здоровье и благосостояние мужа и всей семьи (ср. Сир XXV:11 и след.). Затем, после общего противоположения благотворности мыслей, намерений, слов и дел праведников и зловредности всего этого у нечестивых (ст. 5–6) и указания противоположности внешней конечной судьбы нечестивого и праведного (ст. 7, ср. [X:25](#)), а также не одинакового отношения общественного мнения к словам и речам того и другого (ст. 8), похваляется трудолюбие незнатного бедняка и осуждается презрение к труду и бездеятельность человека тщеславного своим происхождением (ст. 9), частнее, похваляется труд земледельца и осуждается всякая праздность, приводящая к разным порокам, напр., к пьянству (ст. 11 по LXX-ти). К характеристике праведника принадлежит (ст. 10) и то, что он оказывает милосердие и к животным, повинуюсь внушениям естественного чувства сострадания и следуя прямым предписаниям закона (Исх XX:10; XXII:4–5; Лев XXII:28; Втор XXV:4), предписывавшего еврею гуманное обращение и с животными.

12. Нечестивый желает уловить в сеть зла; но корень праведных тверд.

13. Нечестивый уловляется грехами уст своих; но праведник выйдет из беды. (Смотрящий кротко помилован будет, а встречающийся в воротах стеснит других.)

- 14. От плода уст своих человек насыщается добром, и воздаяние человеку — по делам рук его.**
- 15. Путь глупого прямой в его глазах; но кто слушает совета, тот мудр.**
- 16. У глупого тотчас же выкажется гнев его, а благоразумный скрывает оскорбление.**
- 17. Кто говорит то, что знает, тот говорит правду; а у свидетеля ложного — обман.**
- 18. Иной пустослов уязвляет как мечом, а язык мудрых — врачует.**
- 19. Уста правдивые вечно пребывают, а лживый язык — только на мгновение.**
- 20. Коварство — в сердце злоумышленников, радость — у миротворцев.**
- 21. Не приключится праведнику никакого зла, нечестивые же будут преисполнены зол.**
- 22. Мерзость пред Господом — уста лживые, а говорящие истину благоугодны Ему.**

12–22. Желания, слова и дела нечестивого и праведного существенно различны, различен и плод, последствие их для того и другого, неудача и прямая гибель для нечестивого, и спасение для праведного (ст. 12–14, см. [XVIII:7](#); Пс LXI:13).

Затем противопоставляются самомнение и нетерпеливость безумного и скромность (в

принятии советов от ближних) и терпеливость и осторожность (при получении обид) мудрого (ст. 15–16), а также правдивость и истинность свидетельства мудрого и ложь, коварство и злоба свидетельства безумного и нечестивого (ст. 17-22). Будучи само по себе злом, которое всегда болезненно отзывается в сердце ближнего, как бы нанося ему рану (ст. 18), свидетельство или лжесвидетельство нечестивого и самому ему приносит гибель (ст. 19–20), главное — лишение милости Божией, которая неразлучна с правыми сердцем, словами и делами (ст. 22).

23. Человек рассудительный скрывает знание, а сердце глупых высказывает глупость.

24. Рука прилежных будет господствовать, а ленивая будет под данью.

25. Тоска на сердце человека подавляет его, а доброе слово развеселяет его.

26. Праведник указывает ближнему своему путь, а путь нечестивых вводит их в заблуждение.

27. Ленивый не жарит своей дичи; а имущество человека прилежного многоценно.

28. На пути правды — жизнь, и на стезе ее нет смерти.

23–28. Похваляются сдержанность в слове, присущая мудрому (ст. 23а), умение его — утешить словом печального (25а) и вообще преподаваемое им руководство ближнему (ст. 26), прилежание и трудолюбие (24а, 27б); напротив осуждаются противоположные пороки нечестивого. Общее заключение главы: путь правды ведет к истинной жизни и бессмертию (ст. 28).

1–3. Вводные замечания о пользе для юноши слушания уроков мудрости. 4–12. Правильный взгляд на значение и употребление богатства. 13–17. О благе слова Божия. 18–25. Увещание к послушанию слову Божию.

1. Мудрый сын слушает наставление отца, а буйный не слушает обличения.

2. От плода уст своих человек вкусит добро, душа же законопреступников — зло.

3. Кто хранит уста свои, тот бережет душу свою; а кто широко раскрывает свой рот, тому беда.

1–3. Мысль о долге внимания юноши к урокам мудрости — излюбленная мысль Премудрого (ср. [XV:12](#)). Столь же обычны в книге Притчей мысли о ценности дара слова и об ответственности за злоупотребление этим даром (ст. 2–3, см. [XII:14](#); [XVIII:21](#)).

4. Душа ленивого желает, но тщетно; а душа прилежных насытится.

5. Праведник ненавидит ложное слово, а нечестивый срамит и бесчестит себя.

6. Правда хранит непорочного в пути, а нечестие губит грешника.

7. Иной выдает себя за богатого, а у него ничего нет; другой выдает себя за бедного, а у него богатства много.

8. Богатством своим человек выкупает жизнь свою, а бедный и угрозы не слышит.

9. Свет праведных весело горит, светильник же нечестивых угасает. (Души коварные блуждают в грехах, а праведники сострадают и милуют.)

10. От высокомерия происходит раздор, а у советующихся — мудрость.

11. Богатство от суетности истощается, а собирающий трудами умножает его.

12. Надежда, долго не сбывающаяся, томит сердце, а исполнившееся желание — как древо жизни.

4–12. Блага жизни бывают двойкие: духовные, религиозно-нравственные и материальные, часто связанные одни с другими; соответственно с этим в данном отделе совместно и попеременно говорится то о наблюдениях над внешнею жизнью людей (ст. 7–8) и о житейских требованиях материального благополучия, как то: об отвращении от лени и о прилежании (ст. 4), о бережливости (ст. 11) о силе и опасностях богатства (ст. 8), — то излагаются собственно истины нравоучения, как: о благотворности и славе праведности (5–6, 9, 12). В ст. 9 по тексту LXX имеется (не во всех кодексах) добавление: ψυχὰὶ δόλιαὶ πλανῶνται ἐν ἀμαρτίαις, δίκαιοι δὲ οἰκτιροῦσι καὶ ἐλεοῦσι, слав: *души льстивыя заблуждают во гресех, праведнии же щедрят и милуют* (в русск. синод. перев. эти слова заключены в скобки). Слова эти, не имея непосредственной связи с предыдущими словами ст. 9, однако согласуются с общим моральным оттенком данного отдела.

13. Кто пренебрегает словом, тот причиняет вред себе; а кто боится заповеди, тому воздается.

14. (У сына лукавого ничего нет доброго, а у разумного раба дела благоуспешны, и путь его прямой.)

15. Учение мудрого — источник жизни, удаляющий от сетей смерти.

16. Добрый разум доставляет приятность, путь же беззаконных жесток.

17. Всякий благоразумный действует с знанием, а глупый выставляет напоказ глупость.

13–17. Здесь несколько подробнее раскрываются мысли о пользе или спасительности истинной мудрости, внимающей урокам слова Божия, и о вреде пренебрежения им (ср. [1:24](#); [X:11](#) и др.).

18. Худой посол попадает в беду, а верный посланник — спасение.

19. Нищета и посрамление отвергающему учение; а кто соблюдает наставление, будет в чести.

20. Желание исполнившееся — приятно для души; но несносно для глупых уклоняться от зла.

21. Общающийся с мудрыми будет мудр, а кто дружит с глупыми, развратится.

22. Грешников преследует зло, а праведникам воздается добром.

23. Добрый оставляет наследство (и) внукам, а богатство грешника сберегается для праведного.

24. Много хлеба бывает и на ниве бедных; но некоторые гибнут от беспорядка.

25. Кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына; а кто любит, тот с

детства наказывает его.

26. Праведник ест до сытости, а чрево беззаконных терпит лишение.

19–26. Предлагается ряд разнообразных по содержанию суждений, объединяющихся лишь общим отношением к мудрости и ее значению в житейском обиходе. Так говорится о противоположных последствиях — внимания и невнимания к учению мудрости (ст. 19–20, евр. 18–19), о влиянии на человека со стороны того общества, в котором он обращается, (ст. 21, евр. 20), о личном и в потомстве счастье — праведника и несчастья — грешника (ст. 22–23, евр. 21–22), о жизненном довольстве первого и недостатках второго (ст. 24–26, евр. 23–25); здесь же (ст. 25, евр. 24), как и ниже ([XXIII:13](#)), делается замечание о необходимости применения в деле воспитания мер физического воздействия.

1–7. О мудрости и глупости вообще. 8–19. Более частное изображение мудрых и глупых, главным образом со стороны различия их жизненного жребия. 20–27. О богатстве и бедности в их причинной связи с мудростью. 28–35. Параллельное изображение мудрых и глупых, богатых и бедных, наконец, господ и слуг.

- 1. Мудрая жена устроит дом свой, а глупая разрушит его своими руками.**

- 2. Идущий прямым путем боится Господа; но чьи пути кривы, тот небрежет о Нем.**

- 3. В устах глупого — бич гордости; уста же мудрых охраняют их.**

- 4. Где нет волов, там ясли пусты; а много прибыли от силы волов.**

- 5. Верный свидетель не лжет, а свидетель ложный наговорит много лжи.**

- 6. Распутный ищет мудрости, и не находит; а для разумного знание легко.**

- 7. Отойди от человека глупого, у которого ты не замечаешь разумных уст.**

1–7. Конкретным проявлением мудрости является мудрая, созидающая дом жена, а таким же примером глупости — безумная жена, расстраивающая свой дом и все его благосостояние собственными руками (ст. 1, см. [XII:4](#)). Далее противопоставляются — страх Божий, ведущий человека прямыми путями, и дерзкое пренебрежение памятью о Боге, соединяющееся с хождением кривыми путями (ст. 2), — высокомерие речи безумных и скромность речи мудрых (ст. 3. Ср. [XII:6](#)), — свидетели истинный и ложный (ст. 5, см. Исх XXIII:1; Притч [XII:17](#)), недоступность мудрости людям, лишенным страха Божия, и полная доступность ее для исполненных страха Божия и чистых сердцем (ст. 6), почему и дается совет устраниваться от

глупого, у которого нечему научиться (ст. 7). Вне видимой связи с общему мыслью рассматриваемого отдела стоит хозяйственная заметка ст. 4, имеющая, по-видимому, цель научить человека — не переоценивая значения богатства (ср. [X:15](#); [XIII:8](#)), сообразовать попытки умножения имущества с распространением орудий производства и вообще жизненных средств.

8. Мудрость разумного — знание пути своего, глупость же безрассудных — заблуждение.

9. Глупые смеются над грехом, а посреди праведных — благоволение.

10. Сердце знает горе души своей, и в радость его не вмешается чужой.

11. Дом беззаконных разорится, а жилище праведных процветет.

12. Есть пути, которые кажутся человеку прямыми; но конец их — путь к смерти.

13. И при смехе иногда болит сердце, и концом радости бывает печаль.

14. Человек с развращенным сердцем насытится от путей своих, и добрый — от своих.

15. Глупый верит всякому слову, благоразумный же внимателен к путям своим.

16. Мудрый боится и удаляется от зла, а глупый раздражителен и самонадеян.

17. Вспыльчивый может сделать глупость; но человек, умышленно

делающий зло, ненавистен.

18. Невежды получают в удел себе глупость, а благоразумные увенчаются знанием.

19. Преклонятся злые пред добрыми и нечестивые — у ворот праведника.

8–19. Здесь безраздельно и без строгого различия излагаются внутренние и внешние свойства и отношения мудрых — благочестивых и глупых — нечестивых. Противопоставляются — ведение мудрым пути своего и блуждание безумного на жизненном пути (ст. 8), кощунственное отношение последнего к идее греха и искупительной жертвы и благоволения во всех действиях этого рода у праведника (ст. 9), качество пути праведных и нечестивых и конечная судьба тех и других (ст. 11–12; 14–19). Попутно вставляются замечания: 1) о недоступности внутреннего мира человека, его радостей и горя, стороннему свидетелю или наблюдателю (ст. 10) и 2) безотрадное, почти пессимистическое наблюдение, что всякая радость, счастье таит в себе зародыш печали, несчастья (ст. 13).

20. Бедный ненавидим бывает даже близким своим, а у богатого много друзей.

21. Кто презирает ближнего своего, тот грешит; а кто милосерд к бедным, тот блажен.

22. Не заблуждаются ли умышляющие зло? (не знают милости и верности делающие зло;) но милость и верность у благомыслящих.

23. От всякого труда есть прибыль, а от пустословия только ущерб.

24. Венец мудрых — богатство их, а глупость невежд глупость и есть.

25. Верный свидетель спасает души, а лживый наговорит много лжи.

26. В страхе пред Господом — надежда твердая, и сынам Своим Он прибежище.

27. Страх Господень — источник жизни, удаляющий от сетей смерти.

20–27. Из двух стихов — 20 и 21, в первом указывается частое, хотя и не нормальное с нравственной точки зрения, явление — дружба лишь по видам корысти, — а во втором проводится моральное воззрение на этот пункт. Далее следуют сентенции: о губительности злоумышления против ближнего и о благотворности доброжелательства (ст. 22), о пользе труда и о вреде празднословия (ст. 23), о богатстве, как уделе мудрых, и скудости, постигающей безумного (ст. 24), о спасительности истинного свидетельства и пагубности лжесвидетельства (ст. 25); наконец, в связи с последним, а вместе с содержанием целого отдела, говорится о страхе Божьем, как источнике всякого блага жизни и самой жизни (ст. 26–27).

28. Во множестве народа — величие царя, а при малолюдстве народа беда государю.

29. У терпеливого человека много разума, а раздражительный выказывает глупость.

30. Кроткое сердце — жизнь для тела, а зависть — гниль для костей.

31. Кто теснит бедного, тот хулит Творца его; чтущий же Его благоворит нуждающемуся.

32. За зло свое нечестивый будет отвергнут, а праведный и при смерти своей имеет надежду.

33. Мудрость почиет в сердце разумного, и среди глупых дает знать о себе.

34. Праведность возвышает народ, а беззаконие — бесчестие народов.

35. Благоволение царя — к рабу разумному, а гнев его — против того, кто позорит его.

28–35. Содержание отдела отчасти затрагивает область государственной жизни, указывается благо царя в многочисленности подданных его и несчастье — в малочисленности их (ст. 26); определяется основной закон возвышения и унижения народов — правда (ст. 34); царь представляется идеальной силой, как бы совестью народа, по справедливости награждающей благие деяния и карающей нечестие (ст. 35). С другой стороны и главным образом оттеняется значение и благо личной добродетели, и зло ее противоположности — нечестия, — так противопоставляются: долготерпение и раздражение (ст. 29), кротость и зависть (ст. 30), конечная гибель нечестивого и надежда на спасение у человека благочестивого (ст. 32). Высокое значение признается в особенности за делами милости, причем высказывается мысль, со всей ясностью повторяемая в Евангелии (Мф XXV:36), что милосердие или немилосердие человека к ближнему Бог благоволит принимать и вменять Себе Самому (ст. 31, см. [XVII:5](#)).

1–7. Против грехов слова. 8–15. Бог отвращается и ненавидит всякое злое сердце. 16–33. С точки зрения истинной мудрости говорится о различных добродетелях и пороках, преимущественно в религиозной жизни.

- 1. (Гнев губит и разумных.) Кроткий ответ отвращает гнев, а оскорбительное слово возбуждает ярость.**

- 2. Язык мудрых сообщает добрые знания, а уста глупых изрыгают глупость.**

- 3. На всяком месте очи Господни: они видят злых и добрых.**

- 4. Кроткий язык — древо жизни, но необузданный — сокрушение духа.**

- 5. Глупый пренебрегает наставлением отца своего; а кто внимает обличениям, тот благоразумен. (В обилии правды великая сила, а нечестивые искоренятся из земли.)**

- 6. В доме праведника — обилие сокровищ, а в прибытке нечестивого — расстройство.**

- 7. Уста мудрых распространяют знание, а сердце глупых не так.**

1–7. Предлагается наставление о кротости и осторожности в славе (ст. 1, 4), а вместе дается предостережение против гнева и безумной злобы (ст. 1–2), причем то и другие обосновывается указанием на всеведение Божие, от которого не может укрыться ни добро, ни зло (ст. 3), а затем развивается общая мысль о благотворности мудрости и вреде безумия (ст. 5–7).

8. Жертва нечестивых — мерзость пред Господом, а молитва праведных благоугодна Ему.

9. Мерзость пред Господом — путь нечестивого, а идущего путем правды Он любит.

10. Злое наказание — уклоняющемуся от пути, и ненавидящий обличение погибнет.

11. Преисподняя и Аваддон (открыты) пред Господом, тем более сердца сынов человеческих.

12. Не любит распутный обличающих его, и к мудрым не пойдет.

13. Веселое сердце делает лице веселым, а при сердечной скорби дух унывает.

14. Сердце разумного ищет знания, уста же глупых питаются глупостью.

15. Все дни несчастного печальны; а у кого сердце весело, у того всегда пир.

8–15. В ст. 8–9 высказывается весьма часто повторяемая священными писателями мысль о том, что необходимым условием богоугодности жертвы, молитвы и всего внешнего богопочтения является чистое нравственное настроение и искреннее расположение человека, что, напротив, при отсутствии этих условий, жертвы и молитвы отвратительны пред Богом (Притч [XXI:27](#); Ис I:11; LXVI:3; Иер VI:20; Ос V:6; VIII:13; Ам V:21–22 и др.). Бог любит только ищущего правды, нечестивцев же и презрителей мудрости отвращает, и их постигает гибель (ст. 9–10). Для предупреждения злых дел и даже нечистых помышлений, человеку надо всегда помнить о всеведении Божиим, пред которым открыты недоступные человеческому глазу области: преисподняя, ад, евр. *шеол* и гибель, евр. *Аваддон* (ст. 11), т. е. область гибели и смерти (сн. Притч [XXVII:20](#); Иов XXVI:6; XXVIII:22); в Апокалипсисе именем Аваддона, по-

гречески Аполлиона (т. е. губителя) назван Ангел — царь бездны (Откр XI:9). Тем более открыты всеведению Божию все тайны человеческого сердца (ср. Пс СXXXVIII). Далее указано несколько нравственно-психологических черт характеристики мудрого и нечестивого (ст. 13–15).

16. Лучше немногое при страхе Господнем, нежели большое сокровище, и при нем тревога.

17. Лучше блюдо зелени, и при нем любовь, нежели откормленный бык, и при нем ненависть.

18. Вспыльчивый человек возбуждает раздор, а терпеливый угашает распрю.

19. Путь ленивого — как терновый плетень, а путь праведных — гладкий.

20. Мудрый сын радуется отцу, а глупый человек пренебрегает мать свою.

21. Глупость — радость для малоумного, а человек разумный идет прямою дорогою.

22. Без совета предприятия расстроятся, а при множестве советников они состоятся.

23. Радость человеку в ответе уст его, и как хорошо слово вовремя!

24. Путь жизни мудрого вверх, чтобы уклониться от преисподней внизу.

25. Дом надменных разорит Господь, а между вдовы укрепит.

26. Мерзость пред Господом — помышления злых, слова же непорочных угодны Ему.

27. Корыстолюбивый расстроит дом свой, а ненавидящий подарки будет жить.

28. Сердце праведного обдумывает ответ, а уста нечестивых изрыгают зло. (Приятны пред Господом пути праведных; чрез них и враги делаются друзьями.)

29. Далек Господь от нечестивых, а молитву праведников слышит.

30. Светлый взгляд радует сердце, добрая весть утучняет кости.

31. Ухо, внимательное к учению жизни, пребывает между мудрыми.

32. Отвергающий наставление не радуется о своей душе; а кто внимает обличению, тот приобретает разум.

33. Страх Господень научает мудрости, и славе предшествует смирение.

16–33. Указывается на превосходство нравственных благ, мира и любви перед материальным довольствием, соединенным с отсутствием страха Божия и с ненавистью к ближним (ст. 16–17, сн. Пс XXXVI:16); в связи с последним осуждается сварливость и восхваляется миролюбие (ст. 18, сн. [XXVI:21](#)), а также показывается вред праздности и польза трудолюбия и мужества (ст. 19). Далее приводится не раз повторяемая мысль о том что дети, мудрые или неразумные — источник гордости или огорчения для своих родителей (ст. 20, сн. [X:1](#); [XVII:25](#)), указывается различие, с точки зрения целесообразности, путей мудрого и нечестивого (ст. 21), и оттеняется благодетельность совета многих мудрых людей (ст. 22, сн. [XI:14](#)) и сила обдуманного слова (ст. 23). Затем поведение истинного мудреца освещается

высшим светом веры в загробную жизнь (ст. 24. см. [XI:7](#); [XIV:32](#)), а в самой жизни его различаются: черты внутренней его настроенности (мысли и слова, ст. 26, неподкупность, ст. 27, молитва, ст. 29, внимательность к урокам мудрости, ст. 32–32, особенно же страх Божий, ст. 33) и внешнего жизненного жребия, противоположного судьбе нечестивых (ст. 25, 27, 30).

1–3. О Боге, как Владыке всех жизненных путей человека. 4–9. О премудром и праведном воздаянии Божиим за дела человеческие, добрые и злые. 10–15. О царях как посредниках или орудиях мироуправления Божия. 16–26. Правда Божия — в отношении к мудрым и к глупым. 27–33. Неодинаковая судьба праведных и неправедных.

1. Человеку принадлежат предположения сердца, но от Господа ответ языка.

2. Все пути человека чисты в его глазах, но Господь взвешивает души.

3. Предай Господу дела твои, и предприятия твои совершатся.

1–3. Ввиду несомненного факта поразительной зависимости судеб человеческих от Бога (ст. 1, сн. Иер X:23), а также присутствия только у Бога истинной оценки действительного достоинства намерений и действий человека (ст. 2), Премудрый наставляет слушателей всецелой преданности Промыслу Божьему, обещая отсюда всякий успех предприятий (ст. 3, сн. Пс XXI:9; XXXVI:5).

4. Все сделал Господь ради Себя; и даже нечестивого блюдет на день бедствия.

5. Мерзость пред Господом всякий надменный сердцем; можно поручиться, что он не останется ненаказанным. (Начало доброго пути — делать правду; это угоднее пред Богом, нежели приносить жертвы. Ищущий Господа найдет знание с правдою; истинно ищущие Его найдут мир.)

6. Милосердием и правдою очищается грех, и страх Господень отводит от зла.

7. Когда Господу угодны пути человека, Он и врагов его примиряет с ним.

8. Лучше немного с правдою, нежели множество прибытков с неправдою.

9. Сердце человека обдумывает свой путь, но Господь управляет шествием его.

4–9. Из общего положения о том, что все сотворенное Богом имеет свои цели и назначение (ст. 4), выводимые, с указанием на гибельность высокомерия (ст. 5), образ положительного благоугождения человека Богу: милосердие и правда в отношении ближних (ст. 6а), соединенные с страхом Божьим (6б), последствием чего явится мир, даже примирение враждующих (ст. 7). Затем вновь повторяется мысль о том, что жизнь и намерения человека всецело зависят от Бога (ст. 9).

10. В устах царя — слово вдохновенное; уста его не должны погрешать на суде.

11. Верные весы и весовые чаши — от Господа; от Него же все гири в суме.

12. Мерзость для царей — дело незаконное, потому что правдою утверждается престол.

13. Приятны царю уста правдивые, и говорящего истину он любит.

14. Царский гнев — вестник смерти; но мудрый человек умилоstitивит его.

15. В светлом взоре царя — жизнь, и благоволение его — как облако с

10–15. Идет ряд притчей политико-общественного содержания: преимущественно относительно царской власти. Царь здесь, как и в других местах книги Притчей ([XX:28](#); [XXI:1](#); [XXV:5](#)) представляется идеальной нравственной силой, воплощением и охранителем нравственного миропорядка, орудием Божественного мироуправления. Царю прямо усваивается высшееестественная, как бы пророческая способность и сила, евр.: *gesem*, греч.: *μαντειον*, Vulg.: *divinatio*, слав.: *пророчество* (ст. 10): как ставленник и представитель Бога на земле, царь теократический, в делах управления и суда изрекает бесспорные и выше сомнений стоящие решения (ср. 3 Цар III:27 ^[2]).

В связи с этим замечается, что и все общественные отношения (напр., купля и продажа, должны быть проникнуты духом честности и справедливости (ст. 11, см. [XI:1](#)). В ст. 12–13 — в первом с отрицательной стороны, а во втором с положительной — высказывается мысль о том, что царь есть непогрешимое мерило нравственной правоты, почему для него отвратительно всякое беззаконие, и он благоволит лишь к делающим правду и говорящим истину. Соответственно с тем, в ст. 14–15 характеризуется противоположное, то грозно карающее, то благоволительно-милующее отношение царя к явлениям зла и добра. Выражение «царский гнев — вестник смерти» (ст. 14) ближе всего объясняется из обычаев деспотических властителей Востока (ср. Есф VII:7).

16. Приобретение мудрости гораздо лучше золота, и приобретение разума предпочтительнее отборного серебра.

17. Путь праведных — уклонение от зла: тот бережет душу свою, кто хранит путь свой.

18. Погибели предшествует гордость, и падению — надменность.

19. Лучше смиряться духом с кроткими, нежели разделять добычу с гордыми.

20. Кто ведет дело разумно, тот найдет благо, и кто надеется на Господа, тот блажен.

21. Мудрый сердцем прозвонется благоразумным, и сладкая речь прибавит к учению.

22. Разум для имеющих его — источник жизни, а ученость глупых — глупость.

23. Сердце мудрого делает язык его мудрым и умножает знание в устах его.

24. Приятная речь — сотовый мед, сладка для души и целебна для костей.

25. Есть пути, которые кажутся человеку прямыми, но конец их путь к смерти.

26. Трудящийся трудится для себя, потому что понуждает его к тому рот его.

16–26. Высокая оценка мудрости (ст. 16) встречается у Премудрого не раз (ср. [III:14](#); [VIII:10–19](#)). В ряду отдельных проявлений мудрости на первом месте здесь (ст. 17) поставляется праведность, благочестие, уклонение от зла; особенно отличается (ст. 16) губительность гордости, неизбежно влекущей за собой падение (сн. Есф III:1), и восхваляется смирение и кротость, обеспечивающие человеку мирное состояние духа и довольство. Это нравственное счастье обеспечивается частью разумным, обдуманым трудом жизни, главным же образом твердой надеждой человека на Бога: два эти фактора, человеческий и Божеский, взаимно предполагают друг друга (ст. 20). Далее указывается, что в деле научения мудрости имеет значение и сама внешняя форма, в которой преподается учение (ст. 21), отмечается высокая жизненная полезность мудрости (ст. 22), приятность и спасительность вместе — подобно меду, имеющему приятность и приносящему исцеление (ст. 24). После этого делается предостережение от самообольщения (ст. 25) и указывается побуждение к физическому труду — в чувстве само сохранения (ст. 26).

27. Человек лукавый замышляет зло, и на устах его как бы огонь палящий.

28. Человек коварный сеет раздор, и наушник разлучает друзей.

29. Человек неблагонамеренный развращает ближнего своего и ведет его на путь недобрый;

30. прищуривает глаза свои, чтобы придумать коварство; закусывая себе губы, совершает злодейство; (он — печь злобы).

31. Венец славы — седина, которая находится на пути правды.

32. Долготерпеливый лучше храброго, и владеющий собою лучше завоевателя города.

33. В полу бросается жребий, но все решение его — от Господа.

27–33. В ст. 27–30 дается характеристика трех типов злобы: человека, злоумышляющего против ближнего (ст. 27), клеветника, возмутителя и раздорника (ст. 28), и притеснителя, насильника (ст. 29), причем отмечается свойственная им мимика (ст. 30, см. [VI:12–13](#)). В противоположность ожидающей всех таких гибели, удел праведных и благочестивых — честная старость и долголетие (ст. 31); высшее благодетельное самообладание, научиться владеть собой труднее, чем отличиться храбростью в битве и брать крепости (ст. 32). В Мишне (тр. Авот, гл. IV, § 1) на вопрос: кто силен? дается ответ: тот кто осиливает свой йецер (т. е. побуждение ко злу), ибо сказано: «долготерпеливый лучше храброго, а владеющий собою лучше завоевателя» (Притч [XVI:32](#)).

Заключительный стих (ст. 33), особенно вторая его половина, выражает главную мысль всей (XVI) главы.

1–19. Увещание к умеренности в пользовании благами жизни и к благоразумному пользованию даром слова. 10–20. Увещание к миролюбию предостережение от высокомерия и склонности к спорам. 21–28. Притчи разного содержания, предостережение против болтливости.

1. Лучше кусок сухого хлеба, и с ним мир, нежели дом, полный заколотого скота, с раздором.

2. Разумный раб господствует над беспутным сыном и между братьями разделит наследство.

3. Плавильня — для серебра, и горнило — для золота, а сердца испытывает Господь.

4. Злодей внимает устам беззаконным, лжец слушается языка пагубного.

5. Кто ругается над нищим, тот хулит Творца его; кто радуется несчастью, тот не останется ненаказанным (а милосердый помилован будет).

6. Венец стариков — сыновья сыновей, и слава детей — родители их. (У верного целый мир богатства, а у неверного — ни оболы.)

7. Неприлична глупому важная речь, тем паче знатному — уста лживые.

8. Подарок — драгоценный камень в глазах владеющего им: куда ни обратится он, успеет.

9. Прикрывающий проступок ищет любви; а кто снова напоминает о

нем, тот удаляет друга.

1–9. Благо мира несравнимо ни с какими материальными благами: при мире в доме кусок сухого хлеба без вина и мяса, даже без уксуса (Руфь II:14) и воды (1 Цар XXV:11) приятнее обильных роскошных яств в домах полных несогласий и раздора (ст. 1). И благо мудрости, теоретической и практической, не привязано к внешнему положению человека, даже раб — при всем приниженном своем положении его и в древнееврейской семье — свою рассудительностью мог достигнуть исключительно высокого положения — даже преобладания, с ведома отца семьи, над родными его детьми (ст. 2). Подобно тому, как достоинство драгоценных металлов открывается в огне, так и избранные души ввергаются Господом в огонь испытаний, дающих им возможность очиститься от грехов и проявить бескорыстие и любовь свою к Богу (ст. 3). Напротив, человеку с нравственно испорченным сердцем свойственно лишь внимать всякой клевете и лжи, пагубной для ближнего, тогда как нравственно безупречный человек отвращается от всего подобного (ст. 4). В первой половине ст. 5 повторяется мысль [XIV:31](#), во второй — мысль [XI:21](#) и [XVI:5](#). В ст. 6 выражена, присущая ветхозаветным библейским евреям высокая оценка значения семьи, потомства ветвистого родословного дерева (ср. Пс СХХVIII). В ст. 7–8 противоположение ничтожества глупости — нечестия и высокой ценности мудрости — благочестия: последняя здесь представляется в виде высокой награды или бесценного дара, подаваемого человеку. По ст. 9, признаком истинной мудрости и любви служит желание сокрыть узанный грех ближнего (сн. Притч [X:12](#)), тогда как противоположный образ действий еще более расстраивает взаимные отношения людей (сн. [XVI:28–29](#)).

10. На разумного сильнее действует выговор, нежели на глупого сто ударов.

11. Возмутитель ищет только зла; поэтому жестокий ангел будет послан против него.

12. Лучше встретить человеку медведицу, лишенную детей, нежели глупца с его глупостью.

13. Кто за добро воздает злом, от дома того не отойдет зло.

14. Начало ссоры — как прорыв воды; оставь ссору прежде, нежели разгорелась она.

15. Оправдывающий нечестивого и обвиняющий праведного — оба мерзость пред Господом.

16. К чему сокровище в руках глупца? Для приобретения мудрости у него нет разума. (Кто высоким делает свой дом, тот ищет разбиться; а уклоняющийся от учения впадет в беды.)

17. Друг любит во всякое время и, как брат, явится во время несчастья.

18. Человек малоумный дает руку и ручается за ближнего своего.

19. Кто любит ссоры, любит грех, и кто высоко поднимает ворота свои, тот ищет падения.

20. Коварное сердце не найдет добра, и лукавый язык попадет в беду.

10–20. Отмечается присутствие высокого чувства собственного достоинства в разумном, и отсутствие этого чувства у глупого, чувствительность его лишь к физическому воздействию (ст. 10).

Указывается, что всякое возмущение против законно действующей силы вызывает возмездие Божие возмутителю, напр., в виде посольства карающих нечестивого ангелов (ст. 11, см. Пс XXXIV:5–6; LXXVII:49). Образ ст. 12 для глупого, нечестивого и злого человека — медведица, потерявшая детей, след., отчаянно разъяренная, напоминает обратное изображение злой жены в книге Сираха (Сир XXV:16–22). В ст. 13 воспрещается воздавать злом за добро под угрозой проклятия на дом виновного в том (ср. III:33). Ст. 14 представляет развитие ссоры подобным прорыву плотины водой. В ст. 15 — по поводу всегда возможных злоупотреблений на суде высказывается категорическое осуждение оправдания виновного и осуждения правого (ср. Притч XXXIV:24; Ис V:23). Ст. 16 утверждает бесполезность богатства в руках человека, лишённого разума. В ст. 17 высказывается добытая опытом жизни всего человечества истина, у классиков выраженная в изречении: *amicus certus in re incerta cernitor*; то же гласит и соответствующая арабская поговорка. Ст. 18 повторяет отрицательное суждение Премудрого о поручительстве, ср. VI:1–5; XI:15. В ст. 19 сварливость и высокомерие представляются источником греха и осуждения (ср. Сир XXVIII:9). Для ст. 20 ср. Притч VI:14.

21. Родил кто глупого, — себе на горе, и отец глупого не порадуетя.

22. Веселое сердце благотворно, как врачевство, а унылый дух сушит кости.

23. Нечестивый берет подарок из пазухи, чтобы извратить пути правосудия.

24. Мудрость — пред лицом у разумного, а глаза глупца — на конце земли.

25. Глупый сын — досада отцу своему и огорчение для матери своей.

26. Нехорошо и обвинять правого, и бить вельмож за правду.

21–26. Группа притчей разнообразного содержания начинается часто повторяемой у Премудрого мыслью о том, что дети — или источник радости или причина великих огорчений для родителей (ст. 21, см. [X:1](#); [XV:26](#); [XXIII:24](#)). Ст. 22 говорит о несомненном влиянии веселого или подавленного настроения духа человека на его тело (ср. [XV:13](#)). Ст. 23 — о подкупе в суде (ср. [XXI:14](#)). В ст. 24 противопоставляются друг другу сосредоточенное изучение предмета разумным (ср. [IV:25](#)) и рассеянное блуждание глупца по разнообразным отдаленным предметам. Ст. 25 см. ст. 21 и [X:1](#). Ст. 26 осуждает противодействие злых людей праведным и вельможам или властям, как представителям законности.

27. Разумный воздержан в словах своих, и благоразумный хладнокровен.

28. И глупец, когда молчит, может показаться мудрым, и затворяющий уста свои — благоразумным.

27–28. Похвала умеренному употреблению дара слова. Ст. 27 напоминает [X:19](#) (сн. Иак I:19). Мысль ст. 27 о том, что молчание — верное средство прослыть мудрым, даже и для глупца, — встречается напр., в Иов XIII:5.

1–10. Против немиротлюбия, страсти к спорам и других проявлений негуманного и безрассудного настроения. 11–17. Семь притчей, поучающих преимущественно надежде на Бога и смирению, как путям, ведущим к истинной мудрости. 18–22. Против страсти к тяжбам и злоупотреблений даром слова. 23–25. О разных видах любви.

1. Прихоти ищет своенравный, восстает против всего умного.

2. Глупый не любит знания, а только бы выказать свой ум.

3. С приходом нечестивого приходит и презрение, а с бесславием — поношение.

4. Слова уст человеческих — глубокие воды; источник мудрости — струящийся поток.

5. Нехорошо быть лицеприятным к нечестивому, чтобы ниспровергнуть праведного на суде.

6. Уста глупого идут в ссору, и слова его вызывают побои.

7. Язык глупого — гибель для него, и уста его — сеть для души его.

8. (Ленивого низлагает страх, а души женоподобные будут голодать.)

9. Слова наушника — как лакомства, и они входят во внутренность чрева.

10. Нерадивый в работе своей — брат расточителю.

1–10. Осуждается эгоистическая замкнутость своенравного человека, лишаящая его возможности услышать и осуществить какой-либо полезный совет (ст. 1–2), с замечанием о посрамлении нечестия вообще (ст. 3). Затем устанавливается глубокий взгляд на внутреннюю природу человеческой речи, преимущественно человека мудрого: речь его, прежде произнесения, слагается в глубине души его, подобно сокрытой в недрах земли, воде: глубина и обдуманность содержания, обилие ценных мыслей и животворность речи мудрого — таковы пункты сравнения ее с ключевой водой (ст. 4. Сн. [XX:5](#); Еккл VII:24). Из отдельных сентенций здесь, прежде всего, осуждается всякое лицепрятие на суде (ст. 5): устранить это зло ставил своею целью среди Израиля библейского еще Моисей (Лев XIX:15; Втор X:17). Затем — против злоупотреблений даром слова, свойственных глупому и безрассудному (ст. 6–7), против клеветничества, лени, расточительности (8–10).

11. Имя Господа — крепкая башня: убегают в нее праведник — и безопасен.

12. Имение богатого — крепкий город его, и как высокая ограда в его воображении.

13. Перед падением возносится сердце человека, а смирение предшествует славе.

14. Кто дает ответ не выслушав, тот глуп, и стыд ему.

15. Дух человека переносит его немощи; а пораженный дух — кто может подкрепить его?

16. Сердце разумного приобретает знание, и ухо мудрых ищет знания.

17. Подарок у человека дает ему простор и до вельмож доведет его.

11–17. Указывается с одной стороны на непоколебимую твердыню имени Иеговы, как несомненного оплота для надеющихся на Него (ст. 11), с другой стороны — на обманчивость, призрачность надежд богатого на помощь богатства (ст. 12); если в [X:15](#) говорилось о том горделивом приподнятом самомнении, какое внушает Богу обладание богатством — в противоположность угнетенному состоянию духа бедняка, то здесь (ст. 12; евр. 11) говорится о ничтожестве надежд богача, как факт опыта (правильно передает русск. перев — синод. и Архим. Макария — евр. *бемаскито* — «в его воображении». Принятый текст LXX и Vulg. не выдерживают этого значения). Ст. 13 см. [XVI:18](#) и [XV:33](#). Указываемый в ст. 14 признак глупца — манера отвечать, не выслушав вопроса, — считался у древнееврейских мудрецов весьма типичным для человека глупого и необразованного, тогда как противоположное свойство признавалось признаком ученого и мудрого (Сир XI:8; Мишна, Авот, V, 7). По ст. 15 дух человека может быть и источником силы, мужества для всего существа человека, но также — при унынии — источником слабости (по евр. т. в первой половине стиха *руах*, «дух», муж. р., а во второй — женск.). В ст. 16 (евр. 15) заключается указание на то, что учение мудрости, прежде всего, самая Тора, преподавалось всегда устно, и от степени внимания ученика зависела мера научения его мудрости (ср. [XV:31](#); Авот VI, 5). Ст. 17 отмечает типичную черту восточных нравов, согласно которым без подарка нельзя ни представиться высшему лицу, ни выиграть дело в суде (ср. XIX:8).

18. Первый в тяжбе своей прав, но приходит соперник его и исследывает его.

19. Жребий прекращает споры и решает между сильными.

20. Озлобившийся брат неприступнее крепкого города, и ссоры подобны запорам замка.

21. От плода уст человека наполняется чрево его; произведением уст своих он насыщается.

22. Смерть и жизнь — во власти языка, и любящие его вкусят от плодов его.

18–22. Ст. 18 содержит, по-видимому, совет судье — не обольщаться показаниями одной

из тяжущихся сторон (ср. Авот I, 8–9). По ст. 19 в спорах и тяжбах, при неимении другого выхода, решающим средством был жребий (ср. [XVI:33](#)). Смысл ст. 20 (евр., LXX., Vulg. — 19 ст.) иначе передается евр. т. и русск. (Синод. и Архим. Макария) — «брат, озлобленный («изменою», по архим. Макарию), неприступнее крепкого града», чем у LXX (αδελφός ὑλο ἀδελφοῦ βοηθούμενος, ὡς πολὺς οὐρα καὶ υψηλή), в Vulg. — (frater; qui adjuvatur a fratre, gnasi civitas firma), и в слав.: «*брат от брата помогаем, яко град тверд и высок*». Хотя образ укрепленного города более обычно означает нечто защищающее, дающее надежное прибежище ищущим его, и потому мог бы быть принят смысл, даваемый LXX, Vulg., слав., но контекст речи данного места — ст. 18–19, ср. вторую половину ст. 20 — говорит в пользу евр.-русс. чтения. Ст. 21 см. [XII:14](#); [XIII:2](#). Ст. 22. О важном значении языка, то благотворном, то губительном (ср. Сир. XXXVIII:20–22), подобным образом, но гораздо подробнее говорит Апостол Иаков (Иак III:5–9).

23. Кто нашел (добрую) жену, тот нашел благо и получил благодать от Господа. (Кто изгоняет добрую жену, тот изгоняет счастье, а содержащий прелюбодейку — безумен и нечестив.)

24. С мольбою говорит нищий, а богатый отвечает грубо.

25. Кто хочет иметь друзей, тот и сам должен быть дружелюбным; и бывает друг, более привязанный, нежели брат.

23–25. Премудрый говорит здесь о разных видах любви и привязанности, и, прежде всего, признает великим даром Божиим и счастьем для человека обладание доброй женой (ст. 23, ср. [XXXI:10](#) сл., Сир XXVI:1 сл.); затем, имея в виду отрицательным путем выразить долг любви и милосердия к нуждающимся, изображает смиренно молящую фигуру нищего с одной стороны, и грубую надменность и жестокосердие богача с другой (ст. 24, см. [XIV:21](#); [XVII:5](#)); наконец, говорит об идеальной дружеской любви, способной превысить силу любви братской (ст. 25).

1–15. Притчи разнообразного содержания о богатстве и бедности, о благоразумии и глупости и т. д. 16–29. Притчи, по содержанию своему относящиеся к благотворительности, воспитанию и проч.

- 1. Лучше бедный, ходящий в своей непорочности, нежели (богатый) со лживыми устами, и притом глупый.**
- 2. Нехорошо душе без знания, и торопливый ногами оступится.**
- 3. Глупость человека извращает путь его, а сердце его негодует на Господа.**
- 4. Богатство прибавляет много друзей, а бедный оставляется и другом своим.**
- 5. Лжесвидетель не останется ненаказанным, и кто говорит ложь, не спасется.**
- 6. Многие заискивают у знатных, и всякий — друг человеку, делающему подарки.**
- 7. Бедного ненавидят все братья его, тем паче друзья его удаляются от него: гонится за ними, чтобы поговорить, но и этого нет.**
- 8. Кто приобретает разум, тот любит душу свою; кто наблюдает благоразумие, тот находит благо.**
- 9. Лжесвидетель не останется ненаказанным, и кто говорит ложь, погибнет.**

10. Неприлична глупцу пышность, тем паче рабу господство над князьями.

11. Благоразумие делает человека медленным на гнев, и слава для него — быть снисходительным к проступкам.

12. Гнев царя — как рев льва, а благоволение его — как роса на траву.

13. Глупый сын — сокрушение для отца своего, и сварливая жена — сточная труба.

14. Дом и имение — наследство от родителей, а разумная жена — от Господа.

15. Лениость погружает в сонливость, и нерадивая душа будет терпеть голод.

1–15. Ст. 1 почти дословно повторяется в [XXVIII:6](#) — с тем отличием, что в этом последнем месте во второй половине стиха стоит слово «богатый» — *ашир*, а не «глупый» — *кесил*, как здесь. Контексту речи соответствует только чтение [XXVIII:6](#), почему и чтение данного места [XIX:1](#) должно быть исправлено соответственно ему, как и делают LXX, Vulg., слав. 2–3 ст. оттеняют ту мысль, что благосостояние возможно для человека лишь при благоразумии и рассудительности. Ст. 4, 6–7 отмечают всегда и везде имеющееся явление житейского опыта — факт всеобщего преклонения людей пред богатством и богатыми и пренебрежения к бедным (сн. [XIV:20](#)). Ст. 5 содержит вставочную мысль о преступности лжесвидетельства (ср. [VI:19](#); [XIV:5](#)); о том же — и ст. 9. Ст. 10 имеет в виду нередкие, на древнем и новом востоке случаи мгновенного возвышения раба до положения властелина; такое явление Премудрый осуждает не само по себе, но постольку, поскольку рабство физические легко может соединяться с рабством духа, в частности с глупостью; мысль та, что к обладанию благами — богатства, власти и подобного — необходимо должна быть подготовка в виде воспитания. Ст. 11–15 содержат ряд опытных наблюдений из области частной, общественной и политической жизни.

16. Хранящий заповедь хранит душу свою, а нерадящий о путях своих погибнет.

17. Благотворящий бедному дает займы Господу, и Он воздаст ему за благодеяние его.

18. Наказывай сына своего, доколе есть надежда, и не возмущайся криком его.

19. Гневливый пусть терпит наказание, потому что, если пощадишь его, придется тебе еще больше наказывать его.

20. Слушайся совета и принимай обличение, чтобы сделаться тебе впоследствии мудрым.

21. Много замыслов в сердце человека, но состоится только определенное Господом.

22. Радость человеку — благотворительность его, и бедный человек лучше, нежели лживый.

23. Страх Господень ведет к жизни, и кто имеет его, всегда будет доволен, и зло не постигнет его.

24. Ленивый опускает руку свою в чашу, и не хочет донести ее до рта своего.

25. Если ты накажешь кощунника, то и простой сделается благоразумным; и если обличишь разумного, то он поймет наставление.

26. Разоряющий отца и выгоняющий мать — сын срамной и бесчестный.

27. Перестань, сын мой, слушать внушения об уклонении от изречений разума.

28. Лукавый свидетель издевается над судом, и уста беззаконных глотают неправду.

29. Готовы для кощунствующих суды, и побои — на тело глупых.

16–29. Во главе всех правил ставится хранение заповедей закона (Моисеева), в чем, согласно самому законодателю (Втор XXXI:15), указывается истинная жизнь, истинное благо и спасение для человека (ст. 16). Главной же заповедью, главной добродетелью является милосердие и благотворение бедным, в котором человек делает как бы должником себе самого Бога (ст. 17, ср. Пс XL:1; Мф X:42; XXV:40). Вторым по важности — после милостыни и благотворения — делом долга для человека служит воспитание детей (ст. [1:8–20](#)), о чем нередко говорит Премудрый и в других местах ([XIII:25](#); [XXIII:13](#)). Соответственно духу древности и Ветхого Завета, в системе воспитания Премудрым допускаются телесные наказания, но от крайностей и злоупотреблений в этом отношении Он предостерегает родителей (ст. 18) — подобным же образом делает это и апостол (Еф VI:4); тем настойчивее увещание к детям-воспитанникам (ст. 20). Ст. 21 обращает мысль человека, стремящегося к благоустроению своей жизни всеми мерами и средствами, к единому Владыке мира и жизни — Богу: человеческим планам, самым продуманными, свойственна изменчивость, неустойчивость; непреложно, неизменно лишь веление Божие (ср. Чис XXIII:19), которым Он управляет всем (ср. Притч [XVI:1](#)). Ст. 22 изображает внутреннюю сторону благотворения — чувство искреннего расположения благотворителя к бедному, тогда как выше (ст. 17) говорилось лишь о воздаянии за благотворение. Ст. 23 еще раз представляет напоминание об основной (в Ветхом Завете) добродетели — страхе Божиим и его спасительности для человека (ср. [XVI:27](#)). Ст. 24 почти буквально повторяется ниже в [XXVI:15](#) (ср. [XII:27](#)) и имеет в виду обычай востока — не употреблять вилок и ножей при принятии пищи. Заключительные стихи (25–29) говорят о нравственно неспособных воспринять учение мудрости слушателях и содержат предостережение от увлечения их примерами (ст. 27).

1–5. Увещания к благоразумию, воздержанию, честности, трудолюбию и избеганию противоположных пороков. 6–11. О всеобщей греховности людей и постоянной склонности их к падению. 12–19. Увещание к надежде на Бога, трудолюбию, скромности. 20–23. Против непочтения к родителям, хищения, мстительности и обмана. 24–30. Различные увещания к страху Божию и честности.

1. Вино — глумливо, сикера — буйна; и всякий, увлекающийся ими, неразумен.

2. Гроза царя — как бы рев льва: кто раздражает его, тот грешит против самого себя.

3. Честь для человека — отстать от ссоры; а всякий глупец задорен.

4. Ленивец зимою не пашет: поищет летом — и нет ничего.

5. Помыслы в сердце человека — глубокие воды, но человек разумный вычерпывает их.

1–5. Предостережение от излишнего употребления вина не раз встречается у Премудрого (см. [XXIII:29](#) сл.); как и в других местах св. Писания (Ис XXVIII:7; Еф V:18), и здесь опьянение рассматривается в качестве неодолимого препятствия к ясности духа, сознания человека, — как зло, лишаящее духовную жизнь человека ее нормального течения, в частности — духовной мудрости и нравственного совершенства. Ст. 2 см. [XIX:12](#); [XVI:14](#): во всех этих, как и некоторых других местах книги Притчей, царь является идеальной силой, нравственным мерилom истинной законности. Затем указываются противоположные истинной мудрости качества: сварливость (ст. 3) и леность (ст. 4), а потом приводится положительное свойство мудрости — пронизательность, способность проникать в сердца людей, при всей таинственности области внутренней жизни человека (ст. 5, см. [XVIII:4](#)).

6. Многие хвалят человека за милосердие, но правдивого человека кто находит?

7. Праведник ходит в своей непорочности: блаженны дети его после него!

8. Царь, сидящий на престоле суда, разгоняет очами своими все злое.

9. Кто может сказать: «я очистил мое сердце, я чист от греха моего?»

10. Неодинаковые весы, неодинаковая мера, то и другое — мерзость пред Господом.

11. Можно узнать даже отрока по занятиям его, чисто ли и правильно ли будет поведение его.

6–11. Осуждается фарисейское самопревозношение человека делами милости и добродетелями (ст. 6, сн. Мф VI:2; Лк XVIII:8): истинное достоинство человека узнается лишь по смерти его, главным образом в детях его (ст. 7, сн. Сир XI:28); нелицеприятный, беспристрастный и авторитетный суд о человеке произносит также царь (ст. 3, сн. [XVI:10](#); 3 Цар III:27). Ст. 9, выражая главную мысль отдела (ст. 6–11), высказывает то положение о всеобщей греховности человечества, которое (положение) принадлежит к наиболее часто возвещаемым в Ветхом Завете учениям веры (ср. Быт VI:5; 3 Цар VIII:46; Иов XIV:4; XV:14; Пс L:7; Еккл VII:20; Сир VII:5 и др.). Ст. 10 — частный и обыденный пример греховности — нечестность в торговле (сн. ниже, ст. [23](#); [XI:1](#)). Ст. 11 служит развитием мысли ст. 9.

12. Ухо слышащее и глаз видящий — и то и другое создал Господь.

13. Не люби спать, чтобы тебе не обеднеть; держи открытыми глаза твои, и будешь досыта есть хлеб.

14. «Дурно, дурно», говорит покупатель, а когда отойдет, хвалится.

15. Есть золото и много жемчуга, но драгоценная утварь — уста разумные.

16. Возьми платье его, так как он поручился за чужого; и за стороннего возьми от него залог.

17. Сладок для человека хлеб, приобретенный неправдою; но после рот его наполнится дресвою.

18. Предприятия получают твердость чрез совещание, и по совещании веди воину.

19. Кто ходит переносчиком, тот открывает тайну; и кто широко раскрывает рот, с тем не сообщайся.

12–19. Указание на божественное всеведение (ст. 12) приводится в качестве побуждения к страху Божию и надежде на Бога (сн [XV:5](#); Пс XCIII:9). Из ряда жизненно практических изречений (ст. 13–14, 17) выделяется похвала разумным устам (ст. 15), напоминающая похвалу мудрости вообще ([III:14–15](#); [VIII:11](#)). Наставления против поручительства (ст. 16) повторяют сказанное у Премудрого ранее ([VI:1–6](#)), то же надо сказать и о запрещении клеветничества и сплетней (ст. 19 сн. [XI:13](#); [XIII:3](#)).

20. Кто злословит отца своего и свою мать, того светильник погаснет среди глубокой тьмы.

21. Наследство, поспешно захваченное вначале, не благословится впоследствии.

22. Не говори: «я отплачу за зло»; предоставь Господу, и Он сохранит тебя.

23. Мерзость пред Господом — неодинаковые гири, и неверные весы — не добро.

20–23. Запрещение злословия отца и матери, тяжело наказываемого законом, (Исх XX:12; XXI:17; Лев XX:9), здесь (ст. 20) сопровождается образным представлением (ср. [XIII:9](#)) ранней смерти непочтительного к родителям. В связи с непочтительностью к родителям, ставится и также осуждается мотовство, расточительность недостойного наследника в отношении к наследству родителей (ст. 21, см. [XIX:26](#)). Негодование на разного рода злодеев, учит Премудрый, не должно служить основанием мщениия (ст. 22), так как отмщение принадлежит Богу (Притч [XXIV:29](#) см. Втор XXXII:35). Ст. 23 повторяет мысль ст. 10.

24. От Господа направляются шаги человека; человеку же как узнать путь свой?

25. Сеть для человека — поспешно давать обет, и после обета обдумывать.

26. Мудрый царь выведет нечестивых и обратит на них колесо.

27. Светильник Господень — дух человека, испытывающий все глубины сердца.

28. Милость и истина охраняют царя, и милостью он поддерживает престол свой.

29. Слава юношей — сила их, а украшение стариков — седина.

30. Раны от побоев — врачевство против зла, и удары, проникающие во внутренности чрева.

24–30. Мысль о том, что пути человека управляются Богом (ст. 24, см. [XVI:9](#); Пс XXXVI:23), стоит в связи с ветхозаветным и древне-иудейским убеждением, что Бог наказывает злодея и награждает благочестивого; однако библейские и позднейшие евреи отнюдь не делали отсюда вывода о безответственности человека за свои поступки, хорошие и дурные. Человек, напротив, всегда отвечает и должен отвечать за свои действия; отсюда — неодобрение поспешных, необдуманных обетов (ст. 25).

Ст. 26 см. [7](#) и 28. — Ст. 27 см. Иов XXXII:8. Смысл ст. 29 тот, что каждый возраст имеет свои преимущества, и что поэтому ни один возраст не заслуживает пренебрежения. Ст. 30 говорит о внутренне преобразующем влиянии суровой педагогики на питомца, нуждающегося в физическом воздействии.

1–3. Всеобщность Промысла Божия, управляющего путями мира и человека. 4–8. Против высокомерия, жадности, обманов и насилий. 9–18. Против немилосердия и других пороков в отношении ближних. 19–26. Наставления подобного же нравоучительного содержания. 27–31. Мздовоздаяние от Господа праведным и грешным.

1. Сердце царя — в руке Господа, как потоки вод: куда захочет, Он направляет его.

2. Всякий путь человека прям в глазах его; но Господь взвешивает сердца.

3. Соблюдение правды и правосудия более угодно Господу, нежели жертва.

1–3. Образ «потоков (или каналов) вод» (ст. 1) заимствован из обычая Египта, Сирии, Палестины, Халдеи — удобрять землю для хлебов, фруктов и овощей посредством искусственного полеорошения — посредством орошения небольших каналов в садах, огородах и на полях. Мысль сравнения та, что, подобно тому, как каналы эти всецело в направлении своем зависят от усмотрения устроителя их, так и сердце царя в его мероприятиях на пользу народа не предоставлено собственному произволу, но получает внушения от Премудрого Мироправителя Бога. Вместе с тем, упоминание о потоке вод дает мысль о благотворности царской власти (ср. Пс I:3; Ис XXXII:2), — мысль вполне согласующаяся с идеальным понятием о ней у Премудрого (ср. [XX:2](#), [8](#), [28](#) и др.). Ст. 2 сн. [XVI:2](#), [25](#)). Мысль ст. 3 о предпочтительности пред Богом дел правды и правосудия пред жертвоприношениями (сн. [XV:8](#)) обща учительным книгам (см. напр., Пс XLIX:7 сл.) с пророческими (Мих VI:6–8, Ис I:11сл. сн. 1 Цар XV:22) и составляет предвестие учения Спасителя, что «вящая закона — суд, милость и вера» — (Мф XXIII:23).

4. Гордость очей и надменность сердца, отличающие нечестивых, — грех.

5. Помышления прилежного стремятся к изобилию, а всякий торопливый терпит лишение.

6. Приобретение сокровища лживым языком — мимолетное дуновение ищущих смерти.

7. Насилие нечестивых обрушится на них, потому что они отrekliсь соблюдать правду.

8. Превратен путь человека развращенного; а кто чист, того действие прямо.

4–8. Осуждается высокомерие и гордость (ст. 4), плоды которой объявляются сплошным грехом (славянский перевод «светило», соответств. греч. λαμπτήρ, лат. lucerna, евр. *Нир* или *Нер*, точнее русск. синод. «отличающие»; у архим. Макария лучше, «светильник»), с практической точки зрения одобряется результат деятельности человека рассудительного и прилежного, и осуждается поведение нерадивого (ст. 5, ср. [XIX:2](#)), но с нравственной точки зрения сейчас же осуждается стяжание несправедное (ст. 6) с указанием на ожидающий нечестивых суд Божий и гибель (ст. 7–8).

9. Лучше жить в углу на кровле, нежели со сварливою женою в просторном доме.

10. Душа нечестивого желает зла: не найдет милости в глазах его и друг его.

11. Когда наказывается кощунник, простой делается мудрым; и когда вразумляется мудрый, то он приобретает знание.

12. Праведник наблюдает за домом нечестивого: как повергаются нечестивые в несчастье.

13. Кто затыкает ухо свое от вопля бедного, тот и сам будет вопить, — и не будет услышан.

14. Подарок тайный тушит гнев, и дар в пазуху — сильную ярость.

15. Соблюдение правосудия — радость для праведника и страх для делающих зло.

16. Человек, сбившийся с пути разума, водворится в собрании мертвецов.

17. Кто любит веселье, обеднеет; а кто любит вино и тук, не разбогатеет.

18. Выкупом будет за праведного нечестивый и за прямодушного — лукавый.

9–18. По мысли Премудрого (ст. 9), не раз высказываемой им ([XVII:1](#)) и вообще в учительной ветхозаветной письменности (Сир XXV:18), нравственные блага семейной жизни: любовь, мир и под. стоят выше всех благ материальных; отсюда и сожителство с злой женой не может быть покрыто никаким внешним довольством жизни. Ст. 10. С злыми вообще не следует вступать в какое-либо дружество. 11. Сн. [XIX:25](#); [IX:9](#). Далее говорится: о противоположной внешней судьбе праведного и нечестивого (ст. 12, 18), о грехе немилосердия к ближнему (ст. 13, сн. Мф XXV:41 сл. XVIII:23–35), о правосудии и уклонениях от него (ст. 14–15, ср. [XVII:8](#); [XIX:6](#)), об уклонении от пути истинной мудрости и печальной судьбе уклоняющихся (ст. 16: русск. синод. перев. «в собрании мертвецов», у архим. Макария — точнее: «в обществе Рефаимов», LXX: ἐν συναγωγῇ γιγάντων, Vulg.: in coetu gigantum, слав.: «в сонмищи исполинов», ср. Быт VI:4; Притч [II:18](#); [IX:18](#)), наконец о вреде роскошной и невоздержной жизни (ст. 17, сн. [XXIII:29](#) сл.).

19. Лучше жить в земле пустынной, нежели с женою сварливою и сердитою.

20. Вожделенное сокровище и тук — в доме мудрого; а глупый человек расточает их.

21. Соблюдающий правду и милость найдет жизнь, правду и славу.

22. Мудрый входит в город сильных и ниспровергает крепость, на которую они надеялись.

23. Кто хранит уста свои и язык свой, тот хранит от бед душу свою.

24. Надменный злодей — кощунник имя ему — действует в пылу гордости.

25. Алчба ленивца убьет его, потому что руки его отказываются работать;

26. всякий день он сильно алчет, а праведник дает и не жалеет.

19–26. В ст. 19 один из часто повторяющихся образов или сравнений в кн. Притчей в отношении злых жен (сн. ст. 9, [XXV:24](#); ср. Сир XXV:21). Ст. 20 сн. ст. 17. Ст. 21 сн. [XIX:17](#). Мысль ст. 22 о превосходстве мудрости перед силой встречается еще в Еккл IX:16. О хранении языка и дара слова — ст. 23 — говорилось выше: [XIII:3](#), [XIX:6](#); Мф XII:36. Изображение в ст. 24 дерзкого и кощунника сходно с Авв II:5. В ст. 25–26 противопоставление ленивого с одной стороны, прилежного, праведного и милостивого — с другой (ср. Пс XXXVI:26).

27. Жертва нечестивых — мерзость, особенно когда с лукавством приносят ее.

28. Лжесвидетель погибнет; а человек, который говорит, что знает, будет говорить всегда.

29. Человек нечестивый дерзок лицом своим, а праведный держит прямо

путь свой.

30. Нет мудрости, и нет разума, и нет совета вопреки Господу.

31. Коня приготавливают на день битвы, но победа — от Господа.

27–31. Мысль о негодности Богу жертвы нечестивых (27а), уже ранее ([XV:6](#)) высказанная, теперь усиливается прибавлением, что жертва эта обычно соединяется «с лукавством» (27б, евр. *безимма*), т. е. по нечистым побуждениям, даже с преступными целями (LXX: *παράνομος*, Vulg.: *ex scelere*), ср. Сир XXXIV:18 сл. Мал I:3. Далее — речь о бесстыдном, ложном свидетеле и о свидетеле правдивом (ст. 23–29, сн. [XIX:5](#)), об отсутствии истинной мудрости у нечестивого (ст. 30, сн. Иез XXVIII:5; Иов V:13), наконец, о том, что источник всякой мудрости и силы — в Боге и Его помощи (ст. 31, сн. Пс XIX:8–9; Пс XXXII:17).

1–16. Увещания к приобретению и хранению доброго имени. 17–21. Призыв внимать словам мудрых. 22–29. Наставления частью нравоучительного, частью практического свойства.

- 1. Доброе имя лучше большого богатства, и добрая слава лучше серебра и золота.**
- 2. Богатый и бедный встречаются друг с другом; того и другого создал Господь.**
- 3. Благоразумный видит беду, и укрывается; а неопытные идут вперед, и наказываются.**
- 4. За смирением следует страх Господень, богатство и слава и жизнь.**
- 5. Терны и сети на пути коварного; кто бережет душу свою, удались от них.**
- 6. Наставь юношу при начале пути его: он не уклонится от него, когда и состарится.**
- 7. Богатый господствует над бедным, и должник делается рабом заимодавца.**
- 8. Сеющий неправду пожнет беду, и трости гнева его не станет. (Человека, доброхотно дающего, любит Бог, и недостаток дел его восполнит.)**
- 9. Милосердый будет благословляем, потому что дает бедному от хлеба**

своего. (Победу и честь приобретает дающий дары, и даже овладевает душою получающих оные.)

10. Прогони кощунника, и удалится раздор, и прекратятся ссора и брань.

11. Кто любит чистоту сердца, у того приятность на устах, тому царь — друг.

12. Очи Господа охраняют знание, а слова законопреступника Он ниспровергает.

13. Ленивец говорит: «лев на улице! посреди площади убьют меня!»

14. Глубокая пропасть — уста блудниц: на кого прогневается Господь, тот упадет туда.

15. Глупость привязалась к сердцу юноши, но исправительная розга удалит ее от него.

16. Кто обижает бедного, чтобы умножить свое богатство, и кто дает богатому, тот обеднеет.

1–16. Охранение своего доброго имени рекомендуется у Премудрого (ст. 1 дал.) в том же смысле — безусловного превосходства этого нравственного блага пред ценностями материальными (Сир XLI:15, ср. Еккл VII:1). Доброе имя приобретается более всего деятельной любовью к ближнему, благотворительностью ему: отсюда на первом месте ставится долг богатого помогать бедному, причем мотивом благотворительности указывается то, что и богатый, и бедный — равно создания одного Бога (ст. 2, см. [XIV:31](#); [XVII:5](#); Иов XXXI:15), и Им поставлены на одном жизненном пути. Воздается хвала жизненному благоразумию (ст. 3 и 5) с осуждением неразумия, но особенно превозносится смирение и страх Божий — с указанием благодетельных плодов того и другого в самой внешней жизни человека (ст. 4). Затем, в ст. 6–12 отдельно называются добродетели, которыми охраняется и

созидается доброе имя. Здесь, прежде всего, оттеняется громадная важность воспитания и обучения юноши именно с самого раннего возраста (ст. 6). В Мишнич. трактате Авот (IV, 20), в соответствии с этим говорится: «Кто учит ребенка, чему подобен? — пишущему чернилами на новой бумаге; а кто учит старого, чему подобен? — пишущему чернилами на чищенной (от прежнего письма) бумаге». Затем, упомянув о различии в житейском быту богатых и бедных (ст. 7), Премудрый указывает что богатством и вообще благосостоянием можно пользоваться как к добру так и к злу. В последнем отношении называются: страсть к раздорам и деланию всякого рода зла (ст. 8, «сеять неправду, зло», как и «сеять правду» — обычный библейский образ: Иов IV:8; Притч [XI:18](#); Ос X:12), кощунство (ст. 10) и вероломство (ст. 12). На другой стороне ставятся — благотворительность (ст. 9), чистосердечие (ст. 11) и разумность (ст. 12).

Наконец, отрицательную сторону речи о добром имени составляет предупреждение от пороков лени (ст. 13 — здесь дан образец бессмысленной отговорки ленивого, см. [XXVI:13](#)), распутства (ст. 14, см. [II:16](#); [V:3](#); [VI:24](#)), глупости (ст. 15) и жадности, соединенной с притеснением бедных (ст. 16).

17. Приклони ухо твое, и слушай слова мудрых, и сердце твое обрати к моему знанию;

18. потому что утешительно будет, если ты будешь хранить их в сердце твоем, и они будут также в устах твоих,

19. Чтобы упование твое было на Господа, я учу тебя и сегодня, и ты помни.

20. Не писал ли я тебе трижды в советах и наставлении,

21. чтобы научить тебя точным словам истины, дабы ты мог передавать слова истины посылающим тебя?

22. Не будь грабителем бедного, потому что он беден, и не притесняй несчастного у ворот,

23. потому что Господь вступится в дело их и исхитит душу у грабителей их.

24. Не дружись с гневливым и не сообщайся с человеком вспыльчивым,

25. чтобы не научиться путям его и не навлечь петли на душу твою.

26. Не будь из тех, которые дают руки и поручаются за долги:

27. если тебе нечем заплатить, то для чего доводить себя, чтобы взяли постель твою из-под тебя?

28. Не передвигай межи давней, которую провели отцы твои.

29. Видел ли ты человека проворного в своем деле? Он будет стоять перед царями, он не будет стоять перед простыми.

17–29. Ст. 17–21 образуют введение к новой группе или новому собранию притчей, обнимающему вторую половину гл. XXII, и главы XXIII и XXIV. Притчи этого отдела отличаются пространностью, обнимая нередко несколько строк (3 стиха в [XXIII:1–3](#), [6–8](#), 5 ст. — в [XXIII:31–35](#); [XXIV:30–34](#)). Во введении, ст. 17–21, высказывается увещание к вниманию словам мудрых (ст. 17), отмечается их достоинство (ст. 18), главное значение — возбуждение надежды на Бога (ст. 19), и идейная сущность (ст. 20–21). В ст. 22–29 в трех двестиштных притчах: а) осуждается и запрещается притеснение бедных (ст. 22–23); б) делается предостережение от близости и содружества с человеком гневливым (ст. 24–25); и в) снова настойчивое предупреждение против поручительств (ст. 26–27, см. Притч [VI:1](#) сл.; [XVII:18](#); [XX:16](#)).

Преступление перенесения межи ближнего, не необычное в древнее время, считалось одним из самых позорных (ср. Втор [XIX:14](#); Притч [XXIII:10](#)). В ст. 29 указан редкий, но возможный в положении трудящегося случай — возвышение до степени ближайшего служения царю.

1–8. Предостережение от жадности в пище и от обращения с людьми недоброжелательными. 9–11. От общения с глупыми. 12–18. Увещание к нравственному воспитанию детей. 19–25. Предостережение от излишества в пище. 25–28. От увлечения соблазнами нецеломудрия. 29–35. От пьянства и его губительных последствий.

1. Когда сядешь вкушать пищу с властелином, то тщательно наблюдай, что перед тобою,

2. и поставь преграду в гортани твоей, если ты алчен.

3. Не прельщайся лакомыми яствами его; это — обманчивая пища.

1–3. По связи речи с последним (29) стихом предыдущей главы, человеку, благодаря трудолюбию достигшему высокого положения при дворе царя, советуется и в новом положении (а также вообще на обедах у знатных) сохранять умеренность в пище, как и вообще в пользовании внешними благами (сн. Сир XXXI:13).

4. Не заботься о том, чтобы нажить богатство; оставь такие мысли твои.

5. Устремись глаза твои на него, и — его уже нет; потому что оно сделает себе крылья и, как орел, улетит к небу.

4–5. В ряду этих благ на первом месте называется богатство, и при этом с особенным силой отмечается его скоропереходность и ненадежность (ср. 1 Тим VI:17), — даже богатства, приобретенного и честными путями.

6. Не вкушай пищи у человека завистливого и не прельщайся лакомыми яствами его;

7. потому что каковы мысли в душе его, таков и он; «ешь и пей», говорит он тебе, а сердце его не с тобою.

8. Кусок, который ты съел, изблюешь, и добрые слова твои ты потратишь напрасно.

9. В уши глупого не говори, потому что он презрит разумные слова твои.

6–9. В выборе знакомств и в искании доброжелательства у людей следует обращать внимание на степень искренности оказывающих гостеприимство (ср. Сир XIV:10).

10. Не передвигай межи давней и на поля сирот не заходи,

10. сн. [XXII:28](#).

11. потому что Защитник их силен; Он вступится в дело их с тобою.

12. Приложи сердце твое к учению и уши твои — к умным словам.

13. Не оставляй юноши без наказания: если накажешь его розгою, он не умрет;

14. ты накажешь его розгою и спасешь душу его от преисподней.

15. Сын мой! если сердце твое будет мудро, то порадуется и мое сердце;

16. и внутренности мои будут радоваться, когда уста твои будут говорить правое.

17. Да не завидует сердце твое грешникам, но да пребудет оно во все дни в страхе Господнем;

18. потому что есть будущность, и надежда твоя не потеряна.

12–18. Обращается особенное внимание на необходимость хорошего домашнего воспитания и при этом указывается (ст. 13) как и ранее указывалось ([XIII:25](#)), на необходимость физического наказания в системе воспитания, как средства педагогического и вполне целесообразного (ст. 14).

В последующем увещании к мудрости выдвигается на вид способность мудрости делать человека счастливым (ст. 15–16), а первым проявлением мудрости представляется отсутствие зависти благоденствующим грешникам (ст. 17, сн. XXIV:1), присутствие напротив страха Божия и надежды на воздаяние — здесь и за гробом (ст. 10); в данном случае, как и в других (Притч [XI:7](#); [XIV:32](#)), выражается вера Премудрого в бессмертие души человека и посмертное воздаяние праведным и грешникам.

19. Слушай, сын мой, и будь мудр, и направляй сердце твое на прямой путь.

20. Не будь между упивающимися вином, между пресыщающимися мясом:

21. потому что пьяница и пресыщающийся обеднеют, и сонливость оденет в рубище.

22. Слушайся отца твоего: он родил тебя; и не пренебрегай матери твоей, когда она и состарится.

23. Купи истину и не продавай мудрости и учения и разума.

24. Торжествует отец праведника, и родивший мудрого радуется о нем.

25. Да веселится отец твой и да торжествует мать твоя, родившая тебя.

19–25. Для занятий мудростью необходимо прежде всего устранить стоящие на пути препятствия — страсть к пьянству и распутству (ст. 19–21). Затем настойчивое увещание держаться мудрости, истины, разумения (ст. 23) предваряется (ст. 22) и заканчивается увещанием почитать авторитет отца и матери (ст. 24–27) (ср. Притч [X:1](#); [XV:20](#) и др.).

26. Сын мой! отдай сердце твое мне, и глаза твои да наблюдают пути мои,

27. потому что блудница — глубокая пропасть, и чужая жена — тесный колодезь;

28. она, как разбойник, сидит в засаде и умножает между людьми законопреступников.

26–28. Весьма важно указание на то, что для усвоения мудрости ученик должен был отдать всего себя на волю и распоряжение учителя. Предостережение от соблазнов жены-блудницы (ст. 27, 28) напоминает прежние речи Премудрого и тот же предмет ([V:20](#); [VI:24](#); [VII:5](#)).

29. У кого вой? у кого стон? у кого ссоры? у кого горе? у кого раны без причины? у кого багровые глаза?

30. У тех, которые долго сидят за вином, которые приходят отыскивать вина приправленного.

31. Не смотри на вино, как оно краснеет, как оно искрится в чаше, как

оно ухаживается ровно:

32. впоследствии, как змей, оно укусит, и ужалит, как аспид;

33. глаза твои будут смотреть на чужих жен, и сердце твое заговорит развратное,

34. и ты будешь, как спящий среди моря и как спящий на верху мачты.

35. (И скажешь:) «били меня, мне не было больно; толкали меня, я не чувствовал. Когда проснусь, опять буду искать того же».

29–35. В редкой по изобразительности форме изложена картина губельных следствий пьянства (ср. Ис LVI:12).

1–2. Предостережение от подражания людям нечестивым. 3–6. Похвала мудрости и ее благотворным следствиям. 7–10. Против глупости, коварства и под. 11–12. Увещание защищать приговоренных к смерти. 13–14. Увещание стремиться к мудрости. 15–18. Против коварства и злорадства. 19–22. Призыв к великодушию и предостережение от сообщества с мятежниками. 23–29. Предостережение против лицепрятия, пристрастий и неправды. 30–34. Изображение гибельности, лености и ее последствий.

1. Не ревнуй злым людям и не желай быть с ними,

2. потому что о насилии помышляет сердце их, и о злом говорят уста их.

1–2. Мысль этих стихов представляет раскрытие [ст. 17](#) гл. XXIII.

3. Мудростью устрояется дом и разумом утверждается,

4. и с уменьем внутренности его наполняются всяким драгоценным и прекрасным имуществом.

5. Человек мудрый силен, и человек разумный укрепляет силу свою.

6. Поэтому с обдуманностью веди войну твою, и успех будет при множестве совещаний.

3–6. В противоположность нечестию мудрость благочестие для обладателей ее соединяется с разного рода вещественными благами — в быту домашнем (ст. 3–4) и общественном, напр., в воинском деле (ст. 5–6).

7. Для глупого слишком высока мудрость; у ворот не откроет он уст

СВОИХ.

8. Кто замышляет сделать зло, того называют злоумышленником.

9. Помысл глупости — грех, и кощунник — мерзость для людей.

7–9. Глупый и нечестивый, напротив бессилён и беспомощен в том случае, когда ему предстоит выступить в какой-либо общественной деятельности; вся его энергия обращена на коварные замыслы (ст. 8) и вся исчерпывается греховными пред Богом и мерзкими пред людьми деяниями (ст. 9).

10. Если ты в день бедствия оказался слабым, то бедна сила твоя.

11. Спасай взятых на смерть, и неужели откажешься от обреченных на убиение?

12. Скажешь ли: «вот, мы не знали этого»? А Испытующий сердца разве не знает? Наблюдающий над душою твоею знает это, и воздаст человеку по делам его.

10–12. Мудрость же владеет искусством спасти себя (ст. 10) и других, даже из крайних бедствий (ст. 11), причем устраняется, опровергается всегда возможная эгоистическая отговорка черствого сердца «я не знаю такого-то, следовательно, свободен от обязанностей в отношении к нему» — указанием на всевидящий и всеобъемлющий Промысл Божий, пред которым не оправдается никто, допускающий погибнуть своим собратьям. В объяснение наставления стиха 11 некоторые указывали на раввино-талмудические правила, обязывавшее всякого человека, знавшего что-либо в оправдание осужденного на смерть, непременно выступить со своим показанием (Мишна, Сан-хедрин VI, 1). Но едва ли обычай этот имел уже место в библейскую эпоху; притом наставление ст. 11 относится не только к судебным делам, но имеет и более широкий объем, относясь ко всевозможным случаям смертной опасности ближних.

13. Ешь, сын мой, мед, потому что он приятен, и сот, который сладок

для гортани твоей:

14. таково и познание мудрости для души твоей. Если ты нашел ее, то есть будущность, и надежда твоя не потеряна.

13–14. Мудрость по спасительным плодам своим подобна сладости и пользе меда; и плоды эти не только сказываются в настоящем, но достигают и пределов будущего (ст. 14, сн. [XXIII:18](#)).

15. Не злоумышляй, нечестивый, против жилища праведника, не опустошай места покоя его,

16. ибо семь раз упадет праведник, и встанет; а нечестивые впадут в погибель.

17. Не радуйся, когда упадет враг твой, и да не веселится сердце твое, когда он споткнется.

18. Иначе, увидит Господь, и негодно будет это в очах Его, и Он отвратит от него гнев Свой.

15–18. Внушается при несчастиях праведников и нечестивых обращать внимание на конечный исход, неодинаковый для одних и других страданий (ст. 16). Вместе с тем делается предостережение от злорадства врагу при его несчастьи, так как это негодно Господу (ст. 17–18, сн. [XVIII:5](#)).

19. Не негодуй на злодеев и не завидуй нечестивым,

20. потому что злой не имеет будущности, — светильник нечестивых угаснет.

21. Бойся, сын мой, Господа и царя; с мятежниками не общайся,

22. потому что внезапно придет погибель от них, и беду от них обоих кто предугадает?

19–22. Повторяется (ср. ст. 1) наставление — не завидовать нечестивым (см. 19), так как конечная участь их будет безотраднa (ст. 20, см. [XIII:9](#)). В заключение указывается на страх Божий, но при этом с собственно страхом Божиим предписывается и страх перед царем, как представителем правления Божия в обществе людей (ст. 21–23, см. 1 Пет II:17; Рим XIII:2).

23. Сказано также мудрыми: иметь лицепрятие на суде — нехорошо.

24. Кто говорит виновному: «ты прав», того будут проклинять народы, того будут ненавидеть племена;

25. а обличающие будут любимы, и на них придет благословение.

26. В уста целует, кто отвечает словами верными.

27. Соверши дела твои вне дома, окончи их на поле твоём, и потом устрой и дом твой.

28. Не будь лжесвидетелем на ближнего твоего: к чему тебе обманывать устами твоими?

29. Не говори: «как он поступил со мною, так и я поступлю с ним, воздам человеку по делам его».

23–29. Новая группа изречений «мудрых» начинается осуждением лицемерия (ст. 23–24), за которое угрожается проклятием народов: извращение правды и справедливости на суде всюду служит источником гибели благосостояния народов. Напротив, высоко одобряется неподкупность и верность в словах, суждениях и делах (ст. 25–25, сн. 28). Два других наставления этого отдела — одно практического свойства: прежде внутреннего благоустройства дома и семьи необходимо устроить самую внешнюю сторону жизни — полевое и домашнее хозяйство (ст. 27), другие — чисто нравоучительного, и притом с характером евангельской чистоты и высоты: не должно воздавать злом за зло (ст. 29, сн. [XVII:13](#)).

30. Проходил я мимо поля человека ленивого и мимо виноградника человека скудоумного:

31. и вот, все это заросло терном, поверхность его покрылась крапивою, и каменная ограда его обрушилась.

32. И посмотрел я, и обратил сердце мое, и посмотрел и получил урок:

33. «немного поспишь, немного подремлешь, немного, сложив руки, полежишь, —

34. и придет, как прохожий, бедность твоя, и нужда твоя — как человек вооруженный».

30–34. Пагубные последствия лени изображаются на примере состояния поля и виноградника ленивого. Это — не аллегория духовной распущенности, как полагали некоторые толкователи, а прямое изображение порока лени с гибельными ее следствиями — урок, почерпнутый Премудрыми из опытного наблюдения (ст. 32). Ст. 33–34 представляют воспроизведение [ст. 10–11](#) главы VI.

1. Надписание новой группы притчей. 2–5. О царях их необходимых качествах и обязанностях. 6–7. Предостережение от высокомерия в обращении с царями и знатными. 8–10. Против сварливости и болтливости. 11–15. О мудрости в слове, верности долготерпению. 16–20. Против неумеренности, навязчивости, лжесвидетельства, легковерия и легкомыслия. 21–22. О благотворительности врагам. 23–28. Против страсти к раздорам, недостатка самообладания, и проч.

1. И это притчи Соломона, которые собрали мужи Езекии, царя Иудейского.

1. Группа притчей, обнимаемая главами XXV–XXIX, обозначается (ст. 1), как собрание, произведенное трудами некоторых «мужей царя Езекии» (ст. 1); под последними, очевидно, разумеются мудрецы — законоведы времен этого царя Иудейского: в этих мужах Езекии раввины видели членов так наз. «великой синагоги».

2. Слава Божия — облекать тайною дело, а слава царей — исследывать дело.

3. Как небо в высоте и земля в глубине, так сердце царей — неисследимо.

4. Отдели примесь от серебра, и выйдет у серебряника сосуд:

5. удали неправедного от царя, и престол его утвердится правдою.

2–5. О царской власти Премудрый и здесь, как во многих других местах, говорил с идеальной точки зрения и вместе с тем дает практические советы для укрепления власти царя.

6. Не величайся пред лицом царя, и на месте великих не становись;

7. потому что лучше, когда скажут тебе: «пойди сюда повыше», нежели когда понизят тебя пред знатым, которого видели глаза твои.

6–7. В связи с этим здесь говорится о благоприличии пред царями и вельможами, причем требуемая скромность на званых пиршествах здесь ([ст. 17](#)) мотивируется тем же соображением, какое приводится и в Евангелии (Лк XIV:8–10) по аналогичному же поводу.

8. Не вступай поспешно в тяжбу: иначе что будешь делать при окончании, когда соперник твой осрамит тебя?

9. Веди тяжбу с соперником твоим, но тайны другого не открывай,

10. дабы не укорил тебя услышавший это, и тогда бесчестие твое не отойдет от тебя. (Любовь и дружба освобождают: сбереги их для себя, чтобы не сделаться тебе достойным поношения; сохрани пути твои благоустроенными.)

8–10. Ввиду вредных последствий сварливости и болтливости, делается предупреждение против обеих.

11. Золотые яблоки в серебряных прозрачных сосудах — слово, сказанное прилично.

12. Золотая серьга и украшение из чистого золота — мудрый обличитель для внимательного уха.

13. Что прохлада от снега во время жатвы, то верный посол для посылающего его: он доставляет душе господина своего отраду.

14. Что тучи и ветры без дождя, то человек, хвастающий ложными подарками.

15. Кротостью склоняется к милости вельможа, и мягкий язык переламывает кость.

11–15. В ст. 11–12 та же мысль раскрывается в образной и притом положительной форме. Затем в образах же палестинской природы — обычай приготавливать прохладительное питье при помощи снега или льда летом и обычные в Палестине безводные облака летом (ст. 13–14) — изображаются верный посол и человек лживый. В ст. 15 замечание о силе кротости напоминает [ст. 1](#) гл. XV.

16. Нашел ты мед, — ешь, сколько тебе потребно, чтобы не пресытиться им и не изbleвать его.

17. Не учащай входить в дом друга твоего, чтобы он не наскучил тобою и не возненавидел тебя.

18. Что молот и меч и острая стрела, то человек, произносящий ложное свидетельство против ближнего своего.

19. Что сломанный зуб и расслабленная нога, то надежда на ненадежного (человека) в день бедствия.

20. Что снимающий с себя одежду в холодный день, что уксус на рану, то поющий песни печальному сердцу. (Как моль одежде и червь дереву, так печаль вредит сердцу человека.)

18–20. Образно характеризуются три рода людей: ложные свидетели, ложные друзья, покидающие друзей в несчастье, и люди безучастные к бедствию ближних.

21. Если голоден враг твой, накорми его хлебом; и если он жаждет, напой его водою:

22. ибо, (делая сие,) ты собираешь горящие угли на голову его, и Господь воздаст тебе.

21–22. Увещание благотворить нуждающемуся врагу есть развитие мысли законодателя Исх XXIII:4–5, в несколько сокращенной форме оно приводится и у Апостола (Рим XII:20; сн. Мф XXV:35).

23. Северный ветер производит дождь, а тайный язык — недовольные лица.

24. Лучше жить в углу на кровле, нежели со сварливою женою в просторном доме.

25. Что холодная вода для истомленной жаждой души, то добрая весть из дальней страны.

26. Что возмущенный источник и поврежденный родник, то праведник, падающий пред нечестивым.

27. Как нехорошо есть много меду, так домогаться славы не есть слава.

28. Что город разрушенный, без стен, то человек, не владеющий духом своим.

23–28. В ст. 23 неприятные последствия тайных разговоров и сплетен — подозрения и под. — сравниваются с действием северного, точнее северо-западного (в Палестине) ветра, приносящего тучи. Ст. 24, сн. [XXI:9](#); ст. 25, сн. [XV:30](#). 26 ст. говорит о нравственной слабости

праведного пред нечестивым, напр., в виде уступчивости первого в отношении суждений второго, — или о физическом страдании праведника со стороны грешника: то и другое, как явление печальное, Премудрый сравнивает с мутным, только обманывающим путника, источником. Ст. 27 труден для понимания и вызвал много толкований. По-видимому, здесь следует видеть указание на то, что даже в таком почтенном деле, как искание истины, исследование высоких предметов, должно соблюдать меру. Подобный смысл дает перевод Вульгаты: *qui scrutator est majestatis, opprimetur a gloria*. Ст. 28, резюмируя сказанное в предыдущих стихах, в отрицательной форме высказывает мысль о необходимости и пользе самообладания для человека: не владеющий собою человек, не могущий полагать узду своим страстям, открыт всем внешним влияниям и соблазнам для его свободы и нравственности, и в этом отношении подобен городу с разрушенными стенами (ср. 2 Пар XXXII:5; Неем II:13).

1–12. Против безумия, его проявлений и следствий. 13–16. Против лени. 17–19. Против неумеренной шутливости 20–28. Против хитрости, лжи и коварства.

1. Как снег летом и дождь во время жатвы, так честь неприлична глупому.

2. Как воробей вспорхнет, как ласточка улетит, так незаслуженное проклятие не сбудется.

3. Бич для коня, узда для осла, а палка для глупых.

4. Не отвечай глупому по глупости его, чтобы и тебе не сделаться подобным ему;

5. но отвечай глупому по глупости его, чтобы он не стал мудрецом в глазах своих.

6. Подрезывает себе ноги, терпит неприятность тот, кто дает словесное поручение глупцу.

7. Неровно поднимаются ноги у хромого, — и притча в устах глупцов.

8. Что влагающий драгоценный камень в пращу, то воздающий глупому честь.

9. Что колючий терн в руке пьяного, то притча в устах глупцов.

10. Сильный делает все произвольно: и глупого награждает, и всякого

прохожего награждает.

11. Как пес возвращается на блевотину свою, так глупый повторяет глупость свою.

12. Видал ли ты человека, мудрого в глазах его? На глупого больше надежды, нежели на него.

1–12. Неестественность снега летом и дождя во время жатвы (в Палестине) берется (ст. 1) образом непристойности и как бы неестественности почета и славы для глупца. Затем образно представлены — бессилие клятвы или проклятия, изрекаемого глупцом (ст. 2), а также — необходимость физического воздействия для его вразумления (ст. 3). В ст. 4–5 раввины усматривали прямое противоречие, но это противоречие мнимое: в ст. 4 имеется в виду один момент проявления глупости, когда всякие увещания и обличения глупцу бесполезны (ст. 4б), — в ст. 5 — предписывается разоблачать глупость, чтобы предупредить превозношение глупца мнимой мудростью; в одном случае ничтожество глупца само собой очевидно; в другом оно требует нарочитого разоблачения. Далее, глупость освещается со стороны — полного неискусства и неспособности глупого ни к какому полезному делу (ст. 6–9), — незаслуженного счастья (ст. 10), коснения в своем неразумии (ст. 11), и снова — самопревозношения и самонадеянности (ст. 12). Выражение ст. 11 приводится во 2 Пет II:22.

13. Ленивец говорит: «лев на дороге! лев на площадях!»

14. Дверь ворочается на крючьях своих, а ленивец на постели своей.

15. Ленивец опускает руку свою в чашу, и ему тяжело донести ее до рта своего.

16. Ленивец в глазах своих мудрее семерых, отвечающих обдуманно.

13–16. В изображении здесь лености повторяются дословно черты, ранее высказанные Премудрым, см. ст. 13 и [XXII:13](#); ст. 15 и [XIX:24](#).

17. Хватает пса за уши, кто, проходя мимо, вмешивается в чужую ссору.

18. Как притворяющийся помешанным бросает огонь, стрелы и смерть,

19. так — человек, который коварно вредит другу своему и потом говорит: «я только пошутил».

17–19. В ст. 18 образно — посредством сравнения — высказывается мысль о крайнем вреде неуместных шуток и забав.

20. Где нет больше дров, огонь погасает, и где нет наушника, раздор утихает.

21. Уголь — для жара и дрова — для огня, а человек сварливый — для разжжения ссоры.

22. Слова наушника — как лакомства, и они входят во внутренность чрева.

23. Что нечистым серебром обложенный глиняный сосуд, то пламенные уста и сердце злобное.

24. Устами своими притворяется враг, а в сердце своем замышляет коварство.

25. Если он говорит и нежным голосом, не верь ему, потому что семь мерзостей в сердце его.

26. Если ненависть прикрывается наедине, то откроется злоба его в народном собрании.

27. Кто роет яму, тот упадет в нее, и кто покатит вверх камень, к тому он воротится.

28. Лживый язык ненавидит уязвляемых им, и льстивые уста готовят падение

20–28. В образной и прямой речи (ст. 20–21) высказывается вред раздоров и ссор. Ст. 24–25 — предостережение против опасности со стороны лицемерия; в ст. 26 — мотив к воздержанию от злобы и ненависти: неминуемость открытия тайной ненависти. Ст. 26 дает обобщение предыдущих наставлений.

1–6. Против самохвальства, ревности и лицемерия. 7–14. Похвала умеренности истинной дружбе и разумности. 15–16. О сварливой жене. 17–32. О пронциательности, заботливости; об алчности. 22–27. Увещание к разумному и бережливому ведению хозяйства.

1. Не хвались завтрашним днем, потому что не знаешь, что родит тот день.

2. Пусть хвалит тебя другой, а не уста твои, — чужой, а не язык твой.

3. Тяжел камень, весок и песок; но гнев глупца тяжелее их обоих.

4. Жесток гнев, неукротима ярость; но кто устоит против ревности?

5. Лучше открытое обличение, нежели скрытая любовь.

6. Искренни укоризны от любящего, и лживы поцелуи ненавидящего.

1–6. Мысль ст. 1 о неуместности со стороны человека всяких решительных предположений о завтрашнем дне подробнее выражена у Апостола Иакова (IV:13–15). Нравоучение ст. 2 о непристойности собственной похвалы сделалось ходячею истиной даже житейской мудрости. В ст. 3–4 явления нравственного мира — гнев и ревность — сравниваются то с физическими предметами (камень, песок), то с моральным же (гнев, ревность). Мысль ст. 5–6 о превосходстве искреннего обличения любви перед лицемерными ласками скрытой ненависти встречается еще ниже в [XXVIII:23](#).

7. Сытая душа попирает и сот, а голодной душе все горькое сладко.

8. Как птица, покинувшая гнездо свое, так человек, покинувший место

свое.

9. Мазь и курение радуют сердце; так сладок всякому друг сердечным советом своим.

10. Не покидай друга твоего и друга отца твоего, и в дом брата твоего не ходи в день несчастья твоего: лучше сосед вблизи, нежели брат вдали.

11. Будь мудр, сын мой, и радуй сердце мое; и я буду иметь, что отвечать злословящему меня.

12. Благоразумный видит беду и укрывается; а неопытные идут вперед и наказываются.

13. Возьми у него платье его, потому что он поручился за чужого, и за стороннего возьми от него залог.

14. Кто громко хвалит друга своего с раннего утра, того сочтут за злословящего.

7–14. Притчи данного отдела не раз повторяют уже ранее высказанные Премудрым мысли, см. ст. 11 с [XXIII:15](#); ст. 13 с [XX:16](#).

15. Непрестанная капель в дождливый день и сварливая жена — равны:

16. кто хочет скрыть ее, тот хочет скрыть ветер и мазь в правой руке своей, дающую знать о себе.

15–16. Сравнение ст. 15 для сварливой жены встречалось уже выше [XIX:13](#), а ст. 16 усиливает мысль новым сравнением.

17. Железо железо острит, и человек изощряет взгляд друга своего.

18. Кто стережет смоковницу, тот будет есть плоды ее; и кто бережет господина своего, тот будет в чести.

19. Как в воде лицо — к лицу, так сердце человека — к человеку.

20. Преисподняя и Аваддон — ненасытимы; так ненасытимы и глаза человеческие. (Мерзость пред Господом дерзко поднимающий глаза, и неразумны невоздержанные языком.)

21. Что плавильня — для серебра, горнило — для золота, то для человека уста, которые хвалят его. (Сердце беззаконника ищет зла, сердце же правое ищет знания.)

22. Толки глупого в ступе пестом вместе с зерном, не отделится от него глупость его.

17–22. Изречение ст. 18 имеет широкий смысл но ближе всего может обозначать пронизательность и энергию во взаимных отношениях друзей (ср. Евр X:24). В ст. 18–19 взаимные отношения людей рисуются с новой стороны. Ст. 20 имеет то же сравнение, какое и ранее ([XV:11](#)) было употреблено, но оно имеет здесь более частный смысл, означая страстность, особенно алчность человеческого сердца (ср. Сир XIV:9). Равным образом сравнение ст. 21 встречалось уже в [XVII:3](#). Ст. 22 представляет полушуточное выражение той мысли, что глупость обычно как бы срастается с самим существом человека, имевшего несчастье подпасть ее влиянию.

23. Хорошо наблюдай за скотом твоим, имей попечение о стадах;

24. потому что богатство не навек, да и власть разве из рода в род?

25. Прозябает трава, и является зелень, и собирают горные травы.

26. Овцы — на одежду тебе, и козлы — на покупку поля.

27. И довольно козьего молока в пищу тебе, в пищу домашним твоим и на продовольствие служанкам твоим.

23–27. В заключительных словах главы даются советы прилежать двум главным родам занятий древних евреев — скотоводству (ст. 23, 24) и земледелию (ст. 25), а вместе ввиду текучести и изменчивости богатства (ст. 24), советуется простота и умеренность пищи и образа жизни (ст. 27).

1–5. О контрастах праведных и нечестивых (насильников). 6–12. Против угнетения бедных и всякого вообще беззакония. 13–18. Против тайного служения греху насилий власти и кровожадности. 19–28. Против страсти к приобретению, насильничества и проч.

1. Нечестивый бежит, когда никто не гонится за ним; а праведник смел, как лев.

2. Когда страна отступит от закона, тогда много в ней начальников; а при разумном и знающем муже она долговечна.

3. Человек бедный и притесняющий слабых то же, что проливной дождь, смывающий хлеб.

4. Отступники от закона хвалят нечестивых, а соблюдающие закон негодуют на них.

5. Злые люди не понимают справедливости, а ищущие Господа понимают все.

1–5. Во главе изображения нечестивого и праведного ставится противоположное душевное состояние того и другого: совесть нечестивого всегда мучит его, преследует при отсутствии всякой внешней опасности (ст. 1а, см. Лев XXVI:36; Втор XXVIII:25). Ст. 2. высказывает опытно оправданную, напр., в истории Израильского и Иудейского царства, истину, что крепость и благосостояние государства возможны лишь при твердой власти одного законного царя (как было в Иудейском царстве), а не при множестве узурпаторов царской власти (в Израильском царстве). В ст. 3 стремление нового народного начальника быстро обогатиться на счет народа приравнивается к губительному действию проливного дождя, от которого в тропических странах обычно образуются чрезвычайно стремительные потоки, быстро затем исчезающие и оставляющие за собой губительную засуху. В ст. 4–5 заключается резкое противоположение нарушителей и хранителей закона (ср. Ис V:20).

6. Лучше бедный, ходящий в своей непорочности, нежели тот, кто

извращает пути свои, хотя он и богат.

7. Хранящий закон — сын разумный, а знающийся с расточителями срамит отца своего.

8. Умножающий имяние свое ростом и лихвою соберет его для благотворителя бедных.

9. Кто отклоняет ухо свое от слушания закона, того и молитва — мерзость.

10. Совращающий праведных на путь зла сам упадет в свою яму, а непорочные наследуют добро.

11. Человек богатый — мудрец в глазах своих, но умный бедняк обличит его.

12. Когда торжествуют праведники, великая слава, но когда возвышаются нечестивые, люди укрываются.

6–12. Ст. 6 повторяет мысль [XIX:1](#); ст. 7 сн. [XXIII:20](#); [XXIX:3](#); ст. 8 сн. [XIII:22](#); Иов XXVII:16–17; ст. 9 сн. [XV:8](#); ст. 10 сн. [XXVI:27](#); ст. 11 сн. [XXVI:16](#). Мысль ст. 12 о благотворности возвеличения праведников и гибельности возвышения грешников повторяется и ниже [XXIX:2](#).

13. Скрывающий свои преступления не будет иметь успеха; а кто сознается и оставляет их, тот будет помилован.

14. Блажен человек, который всегда пребывает в благоговении; а кто ожесточает сердце свое, тот попадет в беду.

15. Как рыкающий лев и голодный медведь, так нечестивый властелин над бедным народом.

16. Неразумный правитель много делает притеснений, а ненавидящий корысть продолжит дни.

17. Человек, виновный в пролитии человеческой крови, будет бегать до могилы, чтобы кто не схватил его.

18. Кто ходит непорочно, то будет невредим; а ходящий кривыми путями упадет на одном из них.

13–18. В ст. 13 высказывается та, общая Ветхому и Новому Завету (Пс XXXI:5; I Ин I:9) истина, что свободное чистосердечное исповедание человеком своих грехов приносит ему прощение грехов от Бога, тогда как упорное сокрытие человеком грехов своих или непризнание их такими ведет лишь к осуждению. Ст. 14 высказывает в качестве побуждения к покаянию и исповеданию грехов пред Богом — страх и благоговение пред Богом, боязнь прогневить Его правосудие нарушением Его воли. Ст. 15–16, как и ст. 2–3, говорит об отрицательном и положительном типах носителей власти; очевидно, что здесь уже не идеальная точка зрения на царскую власть, а заимствованная из наблюдений опыта. Ст. 17–18 говорят о нечистой запятнанной и чистой, непорочной совести, и о различных путях и судьбах той и другой.

19. Кто возделывает землю свою, тот будет насыщаться хлебом, а кто подражает праздным, тот насытится нищетою.

20. Верный человек богат благословениями, а кто спешит разбогатеть, тот не останется ненаказанным.

21. Быть лицеприятным — нехорошо: такой человек и за кусок хлеба сделает неправду.

22. Спешит к богатству завистливый человек, и не думает, что нищета

постигнет его.

23. Обличающий человека найдет после большую приязнь, нежели тот, кто льстит языком.

24. Кто обкрадывает отца своего и мать свою и говорит: «это не грех», тот — сообщник грабителям.

25. Надменный разжигает ссору, а надеющийся на Господа будет благоденствовать.

26. Кто надеется на себя, тот глуп; а кто ходит в мудрости, тот будет цел.

27. Дающий нищему не обеднеет; а кто закрывает глаза свои от него, на том много проклятий.

28. Когда возвышаются нечестивые, люди укрываются, а когда они падают, умножаются праведники.

19–28. Предлагаемые в ст. 19 похвала труду и порицание праздности высказывались уже в [XI:11](#). В ст. 20 восхваляется истинность и справедливость человека и, по контрасту с тем, осуждается излишнее стремление человека к быстрому обогащению, как само по себе, так и потому, что такое стремление обычно соединяется с нравственно не безупречными средствами приобретения (ср. [XX:21](#); [XXI:5](#)). Лицеприятие на суде осуждалось не раз и прежде: [XVIII:5](#); [XXIV:23](#), осуждается и здесь — ст. 21. Ст. 22 восполняет сказанное в ст. 21, указывая на последствия неумеренной страсти к приобретению. Указываемое в ст. 24 преступление заклеено, как позорнейшее, еще в Притч [XIX:26](#), а особенно в словах Спасителя (Мф XV:5; Мк VII:11). Высокомерие и самонадеянность ст. 25 — осуждались еще в [XXI:4](#); сн. [XIII:10](#); [XV:18](#); [XXIV:22](#). Ст. 26 в противоположность тому указывает мудрость в отсутствие самонадеянности и в надежде на Бога. Ст. 27 осуждает немилосердие к бедным (ср. Втор XV:7; 2 Кор IX:9). Ст. 28 повторяет мысль ст. 12.

1–7. Против разных видов нравственной нечувствительности и ожесточенности. 8–11. Против страсти к раздорам, кровожадности и гневливости. 12–17. Увещание правителям к справедливому и милостивому правлению, а воспитателям — к серьезному и строгому воспитанию детей. 18–23. Против беззакония, необузданности, гневливости и высокомерия. 24–27. Против общения с нечестивыми в их преступлениях, против человекоугодничества: поучение страху Божию и благочестию.

- 1. Человек, который, будучи обличаем, ожесточает выю свою, внезапно сокрушится, и не будет ему исцеления.**

- 2. Когда умножаются праведники, веселится народ, а когда господствует нечестивый, народ стонет.**

- 3. Человек, любящий мудрость, радуется отцу своему; а кто знается с блудницами, тот расточает имение.**

- 4. Царь правосудием утверждает землю, а любящий подарки разоряет.**

- 5. Человек, льстящий другу своему, расстилает сеть ногам его.**

- 6. В грехе злого человека — сеть для него, а праведник веселится и радуется.**

- 7. Праведник тщательно вникает в тяжбу бедных, а нечестивый не разбирает дела.**

1–7. В ст. 1 осуждается глубокая нераскаянность человека, не внимающего никаким вразумлениям откуда бы ни исходили призывы к исправлению: это так часто обличаемая в Пятикнижии, «жестоковейность» (Исх XXXII:9; XXXIII:3; XXXIV:9; Втор IX:6; XXXI:27 и др.),

ср. [XXVIII:14](#). Ст. 2 сн. [XXVIII:12](#), [28](#). Ст. 3 сн. [VI:26](#); [XXVIII:7](#). В ст. 4–7 проявлением нравственного огрубения представляется в особенности неправосудие (ст. 4, 7) и лесть (ст. 5).

8. Люди развратные возмущают город, а мудрые утишают мятеж.

9. Умный человек, судясь с человеком глупым, сердится ли, смеется ли, — не имеет покоя.

10. Кровожадные люди ненавидят непорочного, а праведные заботятся о его жизни.

11. Глупый весь гнев свой изливает, а мудрый сдерживает его.

8–11. Здесь идет речь об обнаружениях греховности и злобы человеческой в жизни.

12. Если правитель слушает ложные речи, то и все служащие у него нечестивы.

13. Бедный и лихоимец встречаются друг с другом; но свет глазам того и другого дает Господь.

14. Если царь судит бедных по правде, то престол его навсегда утвердится.

15. Розга и обличение дают мудрость; но отрок, оставленный в небрежении, делает стыд своей матери.

16. При умножении нечестивых умножается беззаконие; но праведники увидят падение их.

17. Наказывай сына твоего, и он даст тебе покой, и доставит радость душе твоей.

12–17. В ст. 12–14 продолжается изображение явлений социальной и, отчасти, политической жизни, а в ст. 15 и 17 говорится о необходимости здравого охранения и надлежащей постановки и самого основания общественной жизни — воспитания детей (ср. XXIII:13).

18. Без откровения свыше народ необуздан, а соблюдающий закон блажен.

19. Словами не научится раб, потому что, хотя он понимает их, но не слушается.

20. Видал ли ты человека опрометчивого в словах своих? на глупого больше надежды, нежели на него.

21. Если с детства воспитывать раба в неге, то впоследствии он захочет быть сыном.

22. Человек гневливый заводит ссору, и вспыльчивый много грешит.

23. Гордость человека унижает его, а смиренный духом приобретает честь.

18–23. Ст. 18 утверждает необходимость живого пророческого слова в разъяснении и охранении закона; бедность такого слова, а тем, более полное отсутствие его в известные времена (ср. 1 Цар III:1; Ос III:4; Ам VIII:12; Пс LXXIII:9) сопровождается упадком истинной религии и нравственности в народе (ср. Исх XXXII:25). Ст. 19 включает приложение ветхозаветной педагогики с ее физическими мерами воздействия к системе отношений

господ к рабам. Ст. 20, сн. [XXVI:12](#). Ст. 21 дополняет мысль ст. 19, ср. Сир XXXIII:21. Ст. 22 сн. [XV:18](#). Ст. 23 сн. [XV:33](#); [XVI:18](#).

24. Кто делится с вором, тот ненавидит душу свою; слышит он проклятие, но не объявляет о том.

25. Боязнь пред людьми ставит сеть; а надеющийся на Господа будет безопасен.

26. Многие ищут благосклонного лица правителя, но судьба человека — от Господа.

27. Мерзость для праведников — человек неправедный, и мерзость для нечестивого — идущий прямым путем.

24–27. Воспроизводя и углубляя требования закона, Премудрый внушает (ст. 24) слушателям своим всячески избегать какого-либо сообщества с нечестивыми в их преступлениях, даже простым сокрытием последних (ср. Лев V:1). К такому сокрытию может побуждать человека человекоугодничество и страх перед людьми (ст. 25); но для человека верующего и благочестивого, по учению Премудрого, выше всего должно стоять чувство страха Божия (ст. 25а), и лишь у Бога, как всеправедного Судьи, человек должен искать истины и правды (ст. 26). Заканчивается глава (XXIX), а вместе и вся группа Притчей в гл. XXV–XXIX, мыслью о глубокой нравственной противоположности и полной разъединенности и отчуждении праведников и нечестивых (ст. 27, сн. [XI:20](#); [XXVIII:4](#)).

1. Надписание. 2–6. Введение к последующему, с размышлениями о необъятности мироздания, о величии и всемогуществе Божию и о значении и непреложности слова Божия. 7–10. Молитва приточника к Богу о сохранении его от крайностей в обладании материальными благами и от соблазнов неверия и нечестия; в связи с предыдущим — наставление (ст. 10), запрещающее злословить раба при его господине. 11–14. Четыре притчи о разных видах нечестия. 15–16. О ненасытимости разных видов. 17. Вставочное суждение о тяжести греха непочтительности к родителям. 18–20. Непонятное в мире физическом и человеческом. 21–23. Нечто трудно переносимое в силу кажущейся неестественности. 24–26. Малое по видимости и вместе великое по значению. 29–31. Аналогии царя в царстве животных. 32–33. Предостережение от высокомерия и гневливости.

1. Слова Агура, сына Иакеева. Вдохновенные изречения, которые сказал этот человек Ифиилу, Ифиилу и Укалу:

1. Смысл и значение данного надписания, как и надписания [ст.1](#) гл. XXXI, в древности и в новое время понимались неодинаково, в зависимости от того, принималось ли еврейское Agur за собственное имя, имя нарицательное или еще иначе. Таргум признает это слово собственным именем неизвестного царя, Мидраш, напротив, считает таким же аллегорическим именем Соломона, как Когелет или Екклезиаст, тоже и многие раввины, а также блаж. Иероним, видящий в Агуре Соломона, а в Иакее Давида, *verba congregantis filii vomentis* (Vulg.). LXX же в своем переводе устраняют самую мысль о каком-либо Агуре-царе. Слав.: «сия глаголет муж верующим Богови, и почиваю!». В новое время многие западные толкователи готовы были видеть в Агуре как затем и в Лемуиле, царя или вообще правителя Идумейской области Масса (Быт XXV:14; 1 Пар I:30), имея в виду употребленное в обоих случаях — XXX:1 и XXXI:1 — евр. *масса*; при этом оба эти лица, Агур и Лемуил, почитаются или язычниками или прозелитами иудейства. Со всей точностью и бесспорностью вопрос едва ли может быть решен. Однако более основательно считать оба названия собственными именами каких-то учителей мудрецов, из которых Лемуил был несомненно царем (XXX:1, ⁴), вероятно, правителем упомянутой Масса. Об Агуре этого прямо не говорится — евр. *масса* в XXX:1 имеет нарицательное значение: «изречение». Вполне допустимо предположение, что в изречениях Агура (гл. XXX) и Лемуила ([XXXI:1–9](#)) мы имеем произведение или по крайней мере отзвук интеллектуальной культуры «сынов востока» — арабов, идумеев и др., как и в книге Иова (Иов I:3), но под определяющим и преобразующим влиянием библейско-еврейским, так что ни по содержанию, ни по форме речи оба отдела не разнятся от остальных частей книги. Имя Ифиил встречается, как имя лица, в Неем XI:7. Как и имя Агура, Ифиил и Укал должны обозначать известных лиц, — быть может, слушателей учеников Агура.

2. подлинно, я более невежда, нежели кто-либо из людей, и разума человеческого нет у меня,

3. и не научился я мудрости, и познания святых не имею.

4. Кто восходил на небо и нисходил? кто собрал ветер в пригоршни свои? кто завязал воду в одежду? кто поставил все пределы земли? какое имя ему? и какое имя сыну его? знаешь ли?

2–4. Во главу угла своего приточного учения, Агур полагает решительное признание совершенней ограниченности разума и познаний (ст. 2–3) его собственных, а конечно, и вообще людей, — признание, полное истинно религиозного смирения (ср. Пс LXXII:22), а вместе свойственное истинной философии (припомнить можно Сократовское: «я знаю только то, что ничего не знаю»). Вопросы ст. 4, подобно вопросам речи Иеговы в книге Иова (гл. XXXVIII), суть ораторский, поэтический образ выражения той мысли, что никто из людей не в состоянии проникнуть в тайны миротворческой и Миропромыслительной деятельности Божией: человек — совершенный невежда в разуме чудес природы; явления атмосферы, дождя, снега, ветра, облаков составляют лишь предмет изумления для человека, образуя собственную, недостижимую для смертного, область владычества Творца. Тем не менее, конечно, может сам собой узнать о существовании самого Творца, или — особенно в ветхозаветные времена — Сына Его (сказанное в Притч [VIII:22](#) сл. о миротворческой деятельности Ипостасной Премудрости Божией — Сына Божия видимо составляло скорее неясное предощущение бытия и деятельности Сына Божия, чем определенное понятие о Нем, что сделалось возможным лишь в Новом Завете).

5. Всякое слово Бога чисто; Он — щит уповающим на Него.

6. Не прибавляй к словам Его, чтобы Он не обличил тебя, и ты не оказался лжецом.

5–6. Вместо бесплодных и небезопасных умствований о внутренней жизни Божества и о недоступных человеческому разумению тайнах творения, человек должен тщательно и свято хранить откровенное слово Божие, возвещающее человеку все нужное для его блага и спасения. Слово Бога чисто (ст. 5, сн. Пс XI:7; XVII:31), т. е. очищено и свободно от примесей человеческих умствований; и таким оно должно оставаться: человек не должен ничего ни прибавлять к нему, ни убавлять от него (ст. 6, сн. Втор IV:2; ср. Откр XXII:18–19), потому что то и другое было бы искажением для святости слова Божия, а повинный в искажении его оказался бы лжецом. Связь между ст. 4 с одной стороны и 5–6 с другой, таким образом,

характеризуется переходом от природы к откровению, от сомнения и скепсиса к положительной вере и уверенности в истине.

7. Двух вещей я прошу у Тебя, не откажи мне, прежде нежели я умру:

8. суету и ложь удали от меня, нищеты и богатства не давай мне, питай меня насущным хлебом,

9. дабы, пресытившись, я не отрекся Тебя и не сказал: «кто Господь?» и чтобы, обеднев, не стал красть и употреблять имя Бога моего всеу.

7–9. В своеобразной числовой форме (ср. Притч VI:16) притчи обращающийся к Богу с молитвой приточник указывает две главных причины греха богохульства и богоотступничества: это, во-первых, всякого рода суета и ничтожество и в особенности ложь разного рода, и, во-вторых, соблазны крайней нищеты и чрезмерного богатства (ст. 8), взамен чего Агур просит у Бога даровать ему умеренный достаток насущного хлеба (ср. Мф VI:11). Что действительно излишнее богатство и крайняя бедность могут располагать человека к тем религиозно-нравственным проступкам, о которых говорится в ст. 9 рассматриваемой главы, это утверждается и другими библейскими местами, по которым излишнее пресыщение благами мира легко приводит к забвению Бога — так, например, было не раз с целым народом Божиим (Втор VIII:12–14; XXXII:15 сл.); в свою очередь и крайняя нужда озлобляет людей вызывая их на злословие, ропот и даже на богохульство (Ис VIII:21).

10. Не злословь раба пред господином его, чтобы он не проклял тебя, и ты не остался виноватым.

10. Вне связи с предыдущим и последующим запрещается принимать участие в спорах господина и раба, чтобы отягчение вины последнего не имело неприятных последствий для лица, вмешавшегося в их взаимные отношения.

11. Есть род, который проклиняет отца своего и не благословляет матери своей.

12. Есть род, который чист в глазах своих, тогда как не омыт от

13. Есть род — о, как высокомерны глаза его, и как подняты ресницы его!

14. Есть род, у которого зубы — мечи, и челюсти — ножи, чтобы пожирать бедных на земле и нищих между людьми.

11–14. В этом четверостишии каждый стих служит темой для последующего раскрытия. Так, мысль ст. 11, говорящего о тяжести греха непочтения к родителями (ср. Притч XX:20; Исх XXI:17), повторяется с большою силой в [ст. 17](#); мысль ст. 12 о нравственной нечистоте человека, мнящего себя чистым, более конкретно раскрыта ниже в [ст. 18–20](#); о высокомерии не только говорит ст. 13, но и подробнее говорится в [ст. 21–23](#); упоминание в ст. 14 о вносимом насильниками расстройстве нормальной социальной жизни служит как бы поводом для подробного раскрытия мысли о благе общественного и государственного благоустройства — в [ст. 24–31](#).

Тогда как в стихах 11, 13, 14 бичуемые приточником пороки названы прямо по имени, в ст. 12 половая распущенность обозначается общим и собственно метафорическим названием — «нечистота», евр. *ира*, собственно: кал, помет (4 Цар XVIII:27; Ис XXXVI:12), всякий экскремент (Ис XXVIII:8), а затем уже — нравственная распущенность женщин (Ис IV:4) и мужчин.

15. У ненасытмости две дочери; «давай, давай!» Вот три ненасытимых, и четыре, которые не скажут: «довольно!»

16. Преисподняя и утроба бесплодная, земля, которая не насыщается водою, и огонь, который не говорит: «довольно!»

15–16. В этом двустишии на примере никогда ненасытимых: преисподней, утробы бесплодной раскаленной жаждущей земли и огня (ст. 16) — раскрывается мысль о безграничности алчности, ненасытмости. Идея эта символически представлена в имени *алука* (ст. 15). LXX передают это название словом: βδέλλα, Вульгата — *sanguisuga*, слав. «*пиявица*». В этом названии толкователи видят указание на некое женское демоническое существо — привидение (подобное упомянутому в Ис XXXIV:14 *лилит*), — одно из тех, которыми народная вера и суеверие евреев (особенно позднейших) и других народов Востока

(арабов, индусов, персов) населяла пустыни и области жилищ человеческих; судя по словозначению (*алука* от *алак*, локоть), словом *алука* обозначалось именно высасывающее у людей кровь демоническое чудовище (в роде вампира западных верований), чему соответствует латинское «*sanguisuga*» и слав.: «*пиявица*». Не невероятно предположение (Цекклера и др.) о заимствовании как названия *алука*, так и всего изречения ст. 15–16 из иностранных верований (индийских и др.), следы которых естественнее всего находить среди изречений Агура, как и в книге Иова (см. О. Zokler in Lange Bibelwerk. Die Sprüche Salomonis. s.s. 211–212. Ср. у А. Глаголева, Ветхозаветное библейское учение об ангелах. Киев 1900. с. 626).

17. Глаз, насмехающийся над отцом и пренебрегающий покорностью к матери, выключают вороны дольные, и сожрут птенцы орлиные!

17. Сн. [XX:20](#); [XXIII:22](#).

18. Три вещи непостижимы для меня, и четырех я не понимаю:

19. пути орла на небе, пути змея на скале, пути корабля среди моря и пути мужчины к девице.

20. Таков путь и жены прелюбодейной; поела и обтерла рот свой, и говорит: «я ничего худого не сделала».

18–20. В этом трехстишии главная его мысль, представляющая раскрытие мысли ст. 12-го, высказана в ст. 20: это — мысль об омерзительности и бесстыдстве прелюбодеяния. Но эта мысль в ст. 18–19 подготавливается четырьмя сравнениями: сравниваются — 1) путь орла на небе; 2) путь змеи на скале; 3) путь корабля среди моря; 4) и путь мужчины к девице. Пункт сравнения всех этих предметов — частью неприметность движения их, главным же образом — их загадочность, непонятность. Первая черта связывает с этими стихами и стих 20-й, примыкающий теснее всего к последнему сравнению ст. 19-го. Евр. *алма*, передаваемое у LXX-ти обычно: *пароевоc*, по коренному значению — *puelta nubilis, virgo matara*, девица, достигшая половой зрелости (см. Быт XXIV:43; Исх II:8; Ис VII:14; Пс LXVII:26; Песн VI:8).

21. От трех трясется земля, четырех она не может носить:

22. раба, когда он делается царем; глупого когда он досыта ест хлеб;

23. позорную женщину, когда она выходит замуж, и служанку, когда она занимает место госпожи своей.

21–23. Здесь развивается мысль [ст. 13](#) о пагубности высокомерия и гордости, причем оттеняется еще особая несносность гордости в том случае, когда люди низкого состояния достигают высокого экономического и общественного положения. Все случаи этого рода, названные в ст. 22–23, представляются приточнику ненормальными, нарушающими нравственный миропорядок в отношениях человеческих, а так как в связи с человеческим миром стоит и мир природы, то те аномалии человеческой жизни, о которых говорится в ст. 22–23, по словам ст. 21 невыносимы и для самой земли, и она от них трясется (ср. Ам VII:11).

24. Вот четыре малых на земле, но они мудрее мудрых:

25. муравьи — народ не сильный, но летом заготавливают пищу свою;

26. горные мыши — народ слабый, но ставят дома свои на скале;

27. у саранчи нет царя, но выступает вся она стройно;

28. паук лапками цепляется, но бывает в царских чертогах.

24–28. Мысль о внутренней ценности предметов, по видимости, малых, здесь развивается исключительно в сравнениях из мира животных и насекомых, на примере которых показывается необходимость и польза мудрости, энергии, стройной субординации и настойчивости в достижении целей. В ст. 28 еврейское слово *семамит*, переданное в русск. синод. «паук», традицией еврейской, подтверждаемой и данными археологии, понималось: «ящерица» (см. у проф. А. А. Олесницкого. Ветхозаветный храм, с. 854), LXX: καλαβώτης, Vulg.: Stellio).

29. Вот трое имеют стройную походку, и четверо стройно выступают:

30. лев, силач между зверями, не посторонится ни перед кем;

31. конь и козел, (предводитель стада,) и царь среди народа своего.

29–31. Только в конце этого трехстишия высказывается мысль о важности и значении царской власти для благоустройства общества, — мысль в ст. 30 и 31а высказанная лишь образно. А связь с предыдущим отделом ([ст. 24–28](#)) такова: если и при отсутствии власти частная инициатива мудрости, энергии, сплоченности может давать благоприятные результаты, то при наличии твердой царской власти польза всего этого чрезвычайно возрастает.

32. Если ты в заносчивости своей сделал глупость и помыслил злое, то наложи руку на уста;

33. потому что, как сбивание молока производит масло, толчок в нос производит кровь, так и возбуждение гнева производит ссору.

32–33. Увещание к восстановлению нарушенного мира представляет развитие [XV:18](#).

1–9. Наставления царям царя Лемуила, преподанные ему его матерью. 10–31. Похвала добродетельной жене.

1. Слова Лемуила царя. Наставление, которое преподала ему мать его:

1. Имя Лемуила евр. *Лемуил* (ст. 1) или *Лемоил* (ст. 4), подобно имени Агура (XXX), традиция понимала тоже в смысле нарицательного («Deo deditus») и считала его символическим именем Соломона. Но в новое время обычно видят в нем собственное имя царя области Масса в Идумее (Быт XXV:14).

2. что, сын мой? что, сын чрева моего? что, сын обетов моих?

3. Не отдавай женщинам сил твоих, ни путей твоих губительницам царей.

4. Не царям, Лемуил, не царям пить вино, и не князьям — сикеру,

5. чтобы, напившись, они не забыли закона и не превратили суда всех угнетаемых.

6. Дайте сикеру погибающему и вино огорченному душею;

7. пусть он выпьет и забудет бедность свою и не вспомнит больше о своем страдании.

8. Открывай уста твои за безгласного и для защиты всех сирот.

9. Открывай уста твои для правосудия и для дела бедного и нищего.

2–9. Наставления матери царя (очевидно нежно им любимой и также его любившей, (ст. 2) заключают в себе, так сказать, наказ царского служения в самой сжатой форме. Подобно Моисееву закону о царе (Втор XVII:14 сл.), наказ этот заповедует царю осмотрительность и воздержание от двух источников духовно-телесного расслабления: пристрастия к женщинам (ст. 3) и к вину (ст. 4–5); взамен чего заповедуется выше всего иметь попечение о правосудии царском вообще и о правосудии и милосердии особенно при разбирательстве дел бедных (гл. 8–9), 6–7. Если вино царям и правителям способно приносить лишь вред, помрачая их сознание и лишая их возможности правильного употребления и отправления важнейших сторон своего звания, напр., судейской (ст. 5), то вино — в силу присущей ему веселящей сердце человека силы (Пс III:15) — имеет благодетельное влияние для всякого рода огорченных душой, поскольку, между прочим, дает скорбящему временно забыть удручающую его печаль. Это изречение ст. 6–7 позднейшее иудейство применило к казнимым, которым во время страданий давали пить вино — для утоления несносной жажды и для притупления сознания; это дело сострадания было применено и к страждущему на кресте Спасителю (Мф XXVII:34). В ст. 8–9 царю не только заповедуется строго держаться правосудия, особенно в отношении к бедным, по смыслу закона Моисеева (сн. Втор I:17; XXVII:19), но советуется и большее: быть для беспомощного бедняка на суде не только правдивым судьей, но вместе и защитником, адвокатом, — развивать на суде не одну формальную правду, но и высшую милость, как подобное о себе свидетельствовал Иов (Иов XXIX:15–16).

10. Кто найдет добродетельную жену? цена ее выше жемчугов;

10–31. Алфавитная речь этих 22 стихов, содержащая похвалу добродетельной жене, матери семейства и хозяйке дома, составляет, по удачному выражению одного исследователя (Дедерлейна) «золотую грамоту женщин». И, действительно, здесь полнее всего и типичнее выразился возвышенный взгляд библейских евреев на достоинство и положение женщины в семье, на отношение ее к мужу, детям и домочадцам. Параллельной или подобной этой похвале мы не найдем во всей всемирной литературе древности, образ «добродетельной жены» Притчей превзойден лишь в Новом Завете образом жены христианки. Как и в других алфавитных библейских произведениях (Пс XXXIII, CXVIII и др. Плач. гл. I–IV), в рассматриваемом отделе отдельные стихи не тесно примыкают друг к другу, однако все объединены общою темой: совершенства жены добродетельной здесь раскрываются с определенных сторон — неутомимой деятельности, всеобъемлющей заботливости, милосердия, разумности.

11. уверено в ней сердце мужа ее, и он не останется без прибытка;

12. она воздаёт ему добром, а не злом, во все дни жизни своей.
13. Добывает шерсть и лен, и с охотою работает своими руками.
14. Она, как купеческие корабли, из далека добывает хлеб свой.
15. Она встает еще ночью и раздает пищу в доме своем и урочное служанкам своим.
16. Задумает она о поле, и приобретает его; от плодов рук своих насаждает виноградник.
17. Препоясывает силою чресла свои и укрепляет мышцы свои.
18. Она чувствует, что занятие ее хорошо, и — светильник ее не гаснет и ночью.
19. Протягивает руки свои к прялке, и персты ее берутся за веретено.
20. Длань свою она открывает бедному, и руку свою подает нуждающемуся.
21. Не боится стужи для семьи своей, потому что вся семья ее одета в двойные одежды.
22. Она делает себе ковры; виссон и пурпур — одежда ее.

10–22. Добродетельная жена (ср. [XV:4](#)) изображается сначала со стороны домашней ее деятельности (ст. 11–22), а затем со стороны содействия и помощи ее мужу в общественной деятельности его (ст. 23 и дал.). Первое достоинство добродетельной жены — полное доверие ей ее мужа (ст. 11); при этом здесь, как и в последующей речи, на первом плане стоит хозяйственная деятельность жены. По любви к мужу (ст. 12), жена-хозяйка дома берет на себя все разнообразные хозяйственные обязанности и исполняет их совершеннейшим образом. Прежде всего, по обычаю древности, собственноручно приготавливает материалы — шерсть и лен — для одежды членам семьи (ст. 13), как затем — изготавливает ткани и для продажи за границу (ст. 24). Равным образом, предметом особой заботливости жены является добывание и раздача членам семьи пищи, пищу служанкам заботливая хозяйка раздает еще в глубокое утро (ст. 14–15), давая им собственный пример деятельности и трудолюбия. Хозяйственная деятельность доблестной жены, не ограничиваясь пределами дома, простирается и далее — на приобретение новых участков земли для насаждения хлеба и виноградника (ст. 16). В своем труде она чувствует себя крепкой, и имеет во всем успех (ст. 17–18). Работа, напр., прядение, у жены-хозяйки нередко идет и ночью (ст. 19). Всем своим достатком доблестная жена удовлетворяет не только домашних, но делится и с бедными, протягивая руку помощи всякому нуждающемуся в ней; так что и в отношении благотворительности, как и в других отношениях жена добродетельная является образцовой. Домашним такой хозяйки не страшна зима и стужа, так как все члены семьи у нее одеты не только достаточно тепло, но и красиво (ст. 21–22).

23. Муж ее известен у ворот, когда сидит со старейшинами земли.

24. Она делает покрывала и продает, и поясы доставляет купцам Финикийским.

25. Крепость и красота — одежда ее, и весело смотрит она на будущее.

26. Уста свои открывает с мудростью, и кроткое наставление на языке ее.

27. Она наблюдает за хозяйством в доме своем и не ест хлеба праздности.

23–27. Муж доблестной жены, не отвлекаемый заботами о домашних и хозяйственных делах, особенно же благодаря создаваемой трудом жены доброй славе всего дома, приобретает почетную известность в народе, всецело посвящает себя общественной

деятельности — на востоке сосредоточенной у городских ворот — и занимает место в ряду старейшин (ст. 23). Жена-хозяйка производит своими руками столь много изделий прядильного и ткаческого мастерства, что их остается ей на продажу финикиянам (ст. 24). Имея успех в прошлом и настоящем (ст. 18а), даровитая и трудолюбивая женщина бодро смотрит и в будущее (ст. 25). Не только каждое дело, но и всякое слово свое жена обдумывает, и говорит лишь полезное и назидательное (ст. 26). В доме своем она поддерживает строгий порядок, чтобы все члены семьи, по примеру ее, трудились и трудом приобретали пищу (ст. 27).

28. Встают дети и ублажают ее, — муж, и хвалит ее:

29. «много было жен добродетельных, но ты превзошла всех их».

30. Миловидность обманчива и красота суетна; но жена, боящаяся Господа, достойна хвалы.

31. Дайте ей от плода рук ее, и да прославят ее у ворот дела ее!

28–31. Плодом и наградой великих достоинств добродетельной жены является глубокая признательность ей мужа и детей восторженно прославляющих ее разнообразные совершенства. В ряду последних особенно оттеняется страх Божий, отличающий добродетельную жену и составляющий ее истинную ценность. Славу своей достойной супруги и матери они выносят к сведению всего общества (ст. 31).

Профессор Киевской Духовной Академии, магистр богословия, священник А. А. Глаголев.

Примечания

1. По иудейскому преданию, приводимому у одного паломника IV века, Соломон писал книгу Притчей в одной из камер храма. См. у проф. А. А. Олесницкого. Ветхозаветный храм (Спб., 1889), с. 851.

2. Соломон не был «единственным» сыном матери своей, т. е. Вирсавии: по 1 Пар III:5 у Давида от Вирсавии было четыре сына (включая Соломона). Отсюда во многих древних еврейских кодексах (у Кенник, и Росси) выражение ст. 3: *лифне-имми, пред лицом матери моей*, заменяется другим выражением: *ливне-имми, сыновьям матери моей*, т. е. братьям или среди братьев, причем и сл. *яхид* будет обозначать не единственного (как в Вульг. и русск.). а «возлюбленный», LXX: 'αγαλόμενος.

3. Нужно, впрочем, заметить, что принятое некоторыми западными учеными комментаторами (Эвальд, Умбрейт, Берто), это мнение о наказании виновника нарушения целостности супружества, рабством оскорбителя оскорбленному не подтверждается никаким свидетельством закона Моисеева и библейской истории и является лишь предположением, против которого основательно возражает, напр., Делич (s. 97).

4. Впрочем, по филологическим основаниям, Лагард, Гитциг Евальд, Делич и др. считают всю речь о пчеле собственно греческой интерполяцией.

5. Мидраш объясняет различие обращений в ст. 4 — «люди» или «мужи» (*ишим*) и — «сыны человеческие» (*бене-адам*) так: «если будете достойны и сохраните закон, то будете называться, подобно Аврааму, Исааку и Иакову — «мужами», *ишим*, а если нет, то — «сынами человеческими», *бене — адам*, подобно Адаму, который не сохранил Закона и потому был изгнан из рая» (Midr. s. 21).

6. Дальнейших слов: *διψιουλκῶν σῆτον δηροκάταρτος* — в принятом греч. тексте нет, но они имеются в кодд. II:23, 161 у Гольмеса, у св. Вас. Вел. и И. Злат.

7. Мидраш (5, 50) здесь справедливо видит указание на мудрость мудрейшего из царей — Соломона.